БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

2 2026

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rubanov.bsu@gmail.com

Заместители главного редактора

ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Ответственный секретарь

ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; проректор по учебной работе Международного института управления и предпринимательства, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

Агилера М. Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Го Шухун Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилов В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	**RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: rubanov.bsu@gmail.com
Deputy editors-in-chief	**LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: liahchylin@bsu.by
	FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: fourmigor@gmail.com
Executive secretary	**DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; vice-rector for academic affairs of the International Institute of Management and Entrepreneurship, Minsk, Belarus. E-mail: danila_dobr@mail.ru

Aguilera M.	University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P.	National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov E. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F.	National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Guo Shuhong	Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Ivanic P.	Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V.	Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M.	N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel Ch. S.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I.	Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V.	Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E.	Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A.	Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A.	Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N.	National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rumyantseva T. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Saiganova V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I.	Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B.	Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopianov P. A.	Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P.	University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A.	Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Ya. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L.	Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Психологические исследования

Psychological researches

УДК 159.942.3(316.622)

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ, ВЫРАЖЕНИЯ И КОНТРОЛЯ ГНЕВА НА СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИИ ПРОВОКАЦИИ АГРЕССИИ

И. А. ФУРМАНОВ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Изучено влияние переживания, выражения и контроля гнева на стратегии поведения в ситуации провокации агрессии. Выявлено, что женщины, по сравнению с мужчинами, имеют более высокие показатели личностного, формально-динамического и реактивного гнева. Для мужчин, в отличие от женщин, свойственны более высокие показатели предрасположенности к активно-агрессивной стратегии поведения и более низкие показатели предрасположенности к стратегии бегства (ухода). Независимо от пола, с активно-агрессивной стратегией поведения положительно коррелируют показатели ситуативного, личностного, реактивного гнева и внешнего выражения гнева, а с пассивно-агрессивной стратегией – показатели ситуативного гнева и внутреннего выражения гнева. С подавленно-агрессивной стратегией поведения отрицательно связаны показатели внешнего выражения гнева, а со стратегией бегства (ухода) – показатели внутреннего выражения гнева. Как у мужчин, так и у женщин наибольшей предсказательной силой активно-агрессивной стратегии поведения выступает ориентация на предпочтительное использование внешнего выражения гнева, а предсказательной силой пассивно-агрессивной и подавленно-агрессивной стратегий поведения, а также стратегии бегства (ухода) является внутреннее выражение гнева.

Ключевые слова: переживание гнева; выражение гнева; контроль гнева; стратегии поведения в ситуации провокации агрессии.

Образец цитирования:
Фурманов ИА. Влияние переживания, выражения и контроля гнева на стратегии поведения в ситуации провокации агрессии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;2:4–13.
EDN: WESWLM

For citation:
Fourmanov IA. The influence of experience, expression, and control of anger on behavioural strategies in a situation of provocation of aggression. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;2:4–13. Russian.
EDN: WESWLM

Автор:
Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
fourmigor@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1931-9751

THE INFLUENCE OF EXPERIENCE, EXPRESSION, AND CONTROL OF ANGER ON BEHAVIOURAL STRATEGIES IN A SITUATION OF PROVOCATION OF AGGRESSION

I. A. FOURMANOV[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The influence of experience, expression, and control of anger on behavioural strategies in a situation of provocation of aggression was studied. It was found that women, compared to men, exhibit higher rates of personal, formal-dynamic, and reactive anger, while men, unlike women, exhibit higher rates of predisposition to an active-aggressive behavioural strategy and lower rates of predisposition to an escape (withdrawal) strategy. Regardless of gender, indicators of situational, personal, reactive anger, and external expression of anger were positively correlated with an active-aggressive behavioural strategy, while indicators of situational anger and internal expression of anger were positively correlated with a passive-aggressive strategy. Indicators of external expression of anger were negatively correlated with a suppressed-aggressive behavioural strategy, while indicators of internal expression of anger were negatively correlated with an escape (withdrawal) strategy. In both men and women, the greatest predictive power of the active-aggressive behavioural strategy is the orientation toward the preferred use of external expression of anger, while the predictive power of the passive-aggressive and suppressed-aggressive behavioural strategies, as well as the escape (withdrawal) strategy, is the internal expression of anger.

Keywords: experience of anger; expression of anger; control of anger; behavioural strategies in a situation of provocation of aggression.

Введение

Теория Спилбергера, предполагающая рассмотрение эмоции гнева как состояния и личностной черты, позволяет расширить представление о процессах управления этой эмоцией и ее регуляции. В частности, она дает возможность рассматривать эмоцию гнева как комбинацию трех измерений – переживания, выражения и контроля [1; 2].

Переживание гнева включает два параметра:

1) состояние гнева – кратковременное биопсихологическое эмоциональное переживание, состоящее из субъективных ощущений, которые варьируются по интенсивности (от легкой досады, недовольства или раздражения до сильной ярости и неистовства) и степени, отражающей желание человека выразить гнев в определенный момент в вербальной или физической форме. Индивиды с низкой интенсивностью гнева уравновешенны и спокойны. Для индивидов с высокой интенсивностью гнева характерно желание кричать или ломать предметы, возможна легкая или умеренная активация их симпатической нервной системы с учащением сердцебиения и повышением артериального давления [3; 4];

2) гнев как личностную черту – общую склонность индивида реагировать с повышенной степенью гнева на ситуации, связанные с раздражением, разочарованием, фрустрацией и (или) негативными оценками. Этот параметр зависит от формально-динамических особенностей личности (свойств темперамента), ее реактивности, склонности испытывать гнев без конкретной провокации и выражать его, когда другие критикуют индивида или относятся к нему несправедливо. Личностный гнев проявляется быстро и без особых оснований.

Индивиды с низкими показателями по параметру «гнев как личностная черта» редко испытывают гнев, а интенсивность этой эмоции у них ниже, чем у среднестатистического человека, поэтому такие люди чувствуют скорее волнение, досаду или раздражение, чем гнев или ярость. Окружающим они кажутся сдержанными и уравновешенными личностями. Эти индивиды редко выходят из себя, а для того, чтобы вызвать у них гневную реакцию, нужны сильные раздражители или серьезные провокации. Отсутствие «гневливого» темперамента, т. е. склонности к проявлению гнева, делает таких индивидов эмоционально стабильными и характеризует их как людей, не предрасположенных к невротизму. Кроме того, они не склонны злиться даже тогда, когда получают негативные отзывы, критику или несправедливое отношение. Наоборот, эти люди испытывают дискомфорт в состоянии гнева. В целом они обладают более высокой устойчивостью к провокациям, очень надежными механизмами преодоления потенциально фрустрирующих ситуаций, механизмами управления негативным эмоциональным потенциалом с помощью вариативного поведенческого репертуара в ситуации провокации [3; 4].

Индивиды с высокими показателями по параметру «гнев как личностная черта», как правило, злятся чаще, чем обычные люди. Кроме того, у этих индивидов частота и интенсивность проявления гнева выше, нередко их гнев переходит в ярость. Формально-динамические особенности таких личностей определяют возникновение гнева даже в условиях, когда ситуационные стимулы не оправдывают высокую интенсивность такой реакции. Индивиды с «гневливым» темпераментом обладают относительно низким уровнем терпимости к раздражениям со стороны окружающих. По сравнению с обычными людьми они чаще и легче злятся, интенсивнее

откликаются даже на незначительные провокации. Интересной характеристикой этих индивидов является то, что они воспринимают свои гневные переживания и их проявление как психологически комфортные или, по крайней мере, как приемлемые.

Помимо этого, такие индивиды склонны злиться и раздражаться, когда они получают критику, негативные отзывы или несправедливое обращение. Гневная реакция может проявиться независимо от того, являются ли полученные критические замечания, проанализированные события или субъективные восприятия реальными, намеренными или воображаемыми [3; 4].

Выражения гнева включает два параметра:

1) внутреннее выражение гнева – направленность выражения гнева на самого себя, склонность к сдерживанию или подавлению эмоции гнева. У индивидов с низкими показателями по этому параметру агрессия менее выраженна и контролируема. Индивиды с высокими показателями по данному параметру имеют привычку воздерживаться от свободного внешнего выражения эмоции гнева, они подавляют любое поведение, связанное с ним. В некоторых ситуациях, когда свободное выражение гнева является неприятным и вызывает психологический дискомфорт, эмоция гнева подавляется и заменяется чувством вины, что приводит к возникновению тревоги и депрессии. В таком случае индивиды склонны винить себя во всех проблемах, связанных с ситуацией, которая послужила причиной их гнева [3; 4];

2) внешнее выражение гнева – склонность выражать гнев в вербальной или физической форме (агрессивное поведение, направленное на других людей или объекты окружающей среды). Индивиды с низкими показателями по этому параметру обычно проявляют свой гнев внешне, не пытаются подавить его и направить против себя. Индивиды с высокими показателями по данному параметру легко выражают гнев по отношению к своему окружению и в большинстве случаев не контролируют проявление гнева. Это отсутствие контроля может означать, что они совершают агрессивные или враждебные действия в физической (например, физическое нападение на других лиц, непристойные жесты, разрушение определенных предметов) или вербальной (например, оскорбления, ругань, повышение голоса) форме. Другие люди или предметы могут стать мишенью такого враждебного или агрессивного поведения, если они воспринимаются как связанные с источником раздражения объекты или находятся в непосредственной близости от разгневанного человека, когда происходит выражение гнева [3; 4].

Контроль гнева включает два параметра:

1) внешний контроль гнева – сфокусированность на контроле гнева посредством предотвращения выражения гнева по отношению к другим людям или объектам, окружающим индивида; использование внутренней энергии для отслеживания и контроля проявлений гнева и ярости как в вербальной, так и в физической форме. Индивиды с низкими показателями по этому параметру склонны контролировать выражение гнева. Индивиды с высокими показателями по данному параметру, как правило, тратят много энергии на то, чтобы отслеживать и контролировать свои вербальные или физические проявления гнева, они прилагают много психологических усилий, чтобы предотвратить любые взрывные выражения гнева. Такие индивиды могут не справляться со своими эмоциями и испытывать проблемы с осознанием других эмоций и чувств. Этот поведенческий паттерн не исключает эмоцию гнева, но указывает на чрезмерный контроль над ее выражением. В связи с этим такие люди не способны понять необходимость разобраться в ситуации, которая вызвала у них гнев [3; 4];

2) внутренний контроль гнева – стремление контролировать эмоцию гнева через успокоение, попытки расслабиться и снизить интенсивность эмоции, прежде чем она выйдет из-под контроля. Индивиды с низкими показателями по этому параметру не владеют методами управления гневом. Чаще всего они управляют переживаниями и склонностями к гневу неосознанно и интуитивно. Эффективность такого управления в большинстве случаев невысока. Сталкиваясь с эмоцией гнева, индивиды с высокими показателями по данному параметру чаще всего пытаются справиться с ней, сознательно или интуитивно прибегая к методам релаксации: глубокому дыханию, размышлениям о приятных вещах и т. д. Находясь в гневе или ярости, эти люди часто стараются сохранять спокойствие, расслабленность и хладнокровие, а также быть терпеливыми, терпимыми и понимающими других людей [3; 4].

Гнев, как и всякая другая эмоция, возникает в результате стимуляции, чаще всего воздействия ситуативных спусковых факторов. Согласно аффективно-динамической теории агрессии к таким факторам относятся ситуации фрустрации и депривации [5; 6]. Данные ситуации можно рассматривать как провоцирующие (т. е. подстрекающие к действию или стимулирующие его совершение), поскольку они представляют угрозу удовлетворению актуальных или потенциальных потребностей индивида. В частности, как отмечают К. А. Андерсон и Б. Дж. Бушман [7], провокация является самой важной и единственной причиной агрессии, непосредственно усиливающей возбуждение, гнев и обусловливающей агрессивное поведение.

Выделяют двухфакторную структуру ситуационных триггеров агрессии. Эта структура включает две группы триггеров: 1) триггеры, связанные с разочарованиями, которые испытывает индивид в ситуации недостатка контроля из-за обстоятельств или поведения других людей; 2) триггеры, связанные с провокациями, которые включают в себя все виды подстрекательства со стороны других людей [8].

Отмечается, что агрессия часто возникает в ответ на провокацию или предполагаемую угрозу, она тесно связана с гневом [6]. Поскольку эмоция гнева является базовой эмоцией, мотивирующей возникновение агрессии, можно предположить, что, вероятно, ее наличие или отсутствие, степень интенсивности, способность к регуляции этой эмоции, а также способность к управлению ею будет определять поведенческий репертуар индивидов в ситуации провокации. Однако исследований, посвященных непосредственно изучению этой проблемы, в литературе не обнаружено.

Материалы и методы исследования

Для решения сформулированных задач и получения необходимых научных данных использовался следующий инструментарий:

1) методика «опросник выраженности гнева Ч. Д. Спилбергера» в адаптации С. Л. Соловьевой и ее коллег [9]. Методика оценивает такие характеристики гнева, как ситуативный гнев (состояние гнева), личностный гнев (гнев как личностная черта), формально-динамический гнев (гнев-темперамент), реактивный гнев (гнев-реакция), внутреннее выражение гнева (экспрессия гнева вовнутрь), внешнее выражение гнева (экспрессия гнева вовне) и контроль экспрессии гнева;

2) методика «шкала провокации агрессии», разработанная Д. Б. О'Коннором и его коллегами [10], адаптированная, модифицированная и валидизированная И. А. Фурмановым [11]. Методика оценивает выраженность активной агрессии (прямая вербальная или физическая агрессия), пассивной агрессии (бездействие при переживании чувства гнева), подавленной агрессии (сдерживание, подавление злости, косвенное или отсроченное выражение гнева), ассертивной реакции (противостояние провокации другого человека, но без откровенной вербальной или физической агрессии), бегства (ухода) из ситуации (отрицание случившегося или его реинтерпретация) в ситуации провокации агрессии.

Выборка. В исследовании приняли участие 626 человек (мужчины, $n = 290$; женщины, $n = 336$) в возрасте от 15 до 22 лет ($M = 18{,}86 \pm 1{,}64$).

Статистика. Для статистической обработки результатов исследования использовалась программа *SPSS Statistics v. 13*. Рассчитывались среднее отклонение (M), стандартное отклонение (SD), *t*-критерий Стьюдента, размер эффекта Коэна (*d*). Применялись методы корреляционного и регрессионного анализа.

Результаты и их обсуждение

Сравнительный анализ особенностей проявления и регуляции гнева позволил выявить некоторые половые различия. Так, было установлено (рис. 1), что женщины, по сравнению с мужчинами, имели более высокие показатели личностного гнева ($M = 20{,}66$, $SD = 6{,}33$ *vs* $M = 18{,}30$, $SD = 5{,}51$; $p \le 0{,}000\,1$, $d = 0{,}36$), формально-динамического гнева ($M = 7{,}68$, $SD = 3{,}17$ *vs* $M = 6{,}75$, $SD = 2{,}81$; $p \le 0{,}000\,1$, $d = 0{,}39$) и реактивного гнева ($M = 9{,}43$, $SD = 2{,}79$ *vs* $M = 8{,}22$, $SD = 2{,}48$; $p \le 0{,}000\,1$, $d = 0{,}50$). По другим показателям проявления и регуляции гнева различий не выявлено.

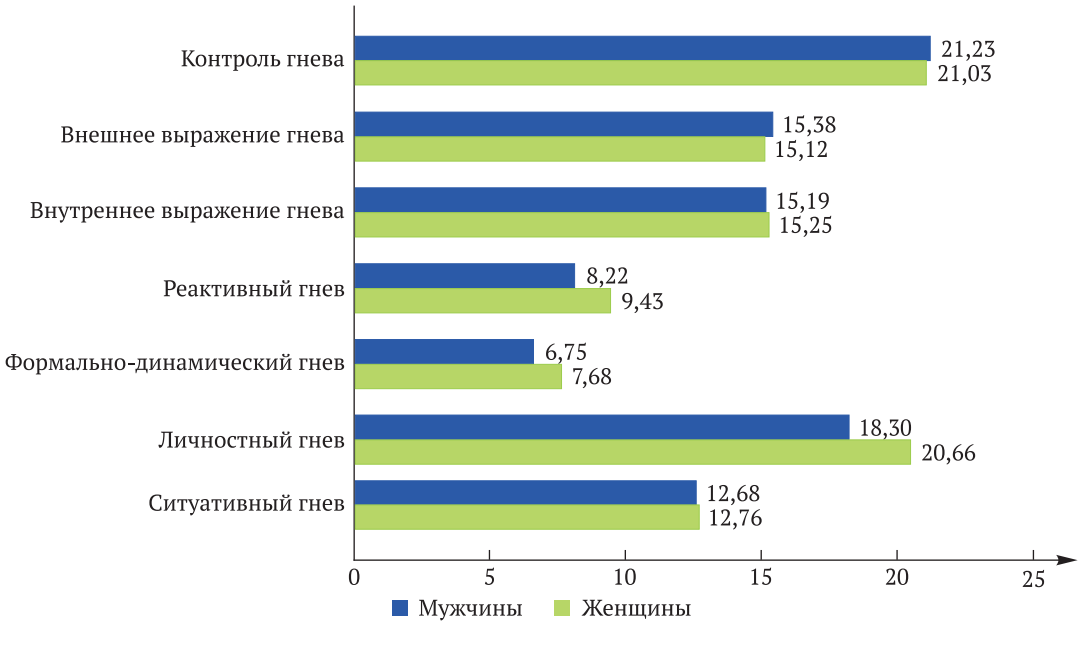

Рис. 1. Половые различия в показателях проявления и регуляции гнева
Fig. 1. Gender differences in indicators of manifestation and regulation of anger

Полученные данные свидетельствуют о том, что женщины в большей мере, чем мужчины, склонны реагировать с повышенной степенью гнева на ситуации, связанные с раздражением, разочарованием, фрустрацией и (или) негативными оценками, без конкретной провокации, а также выражать гнев в провоцирующей ситуации, когда другие люди критикуют их или относятся несправедливо. Кроме того, у женщин частота и интенсивность проявления гнева выше, нередко их гнев переходит в ярость. Также они отличаются более низким уровнем терпимости к раздражениям со стороны окружающих, легче и интенсивнее откликаются даже на незначительные провокации.

Информация о наличии или отсутствии половых различий в переживании, выражении и контроле гнева очень противоречива [12–18]. Вместе с тем результаты проведенного исследования косвенно согласуются с другими данными [19; 20].

Сопоставление результатов анализа оценок, характеризующих стратегии поведения в ситуации провокации агрессии, показало (рис. 2), что мужчины отличаются более высокими показателями предрасположенности к активно-агрессивной стратегии (M = 17,86, SD = 4,20 *vs* M = 16,26, SD = 3,91; $p \le 0{,}000\ 1$, $d = 0{,}28$) и более низкими показателями предрасположенности к стратегии бегства (ухода) (M = 21,21, SD = 3,45 *vs* M = 22,88, SD = 3,52; $p \le 0{,}000\ 1$, $d = 0{,}33$). Указанные различия, возможно, объясняются тем, что женщины реагируют с большей тревогой и страхом на ситуации, которые вызывают гнев, что может вызвать агрессию [21; 22].

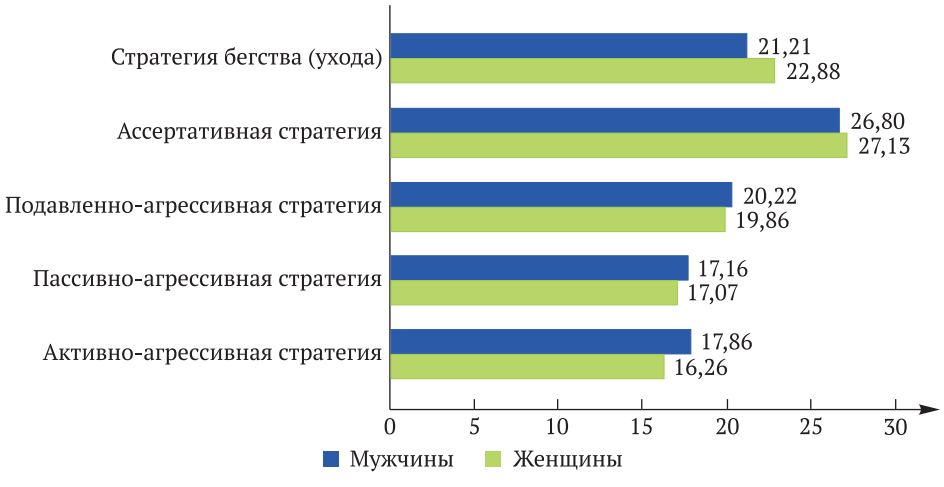

Рис. 2. Половые различия в стратегиях поведения в ситуации провокации агрессии
Fig. 2. Gender differences in behavioural strategies in a situation of provocation of aggression

Кроме того, реакции в ситуации провокации агрессии во многом зависят от ее восприятия и оценки. В частности, в результате метаанализа было установлено, что после введения провокации женщины были так же склонны к агрессивным действиям, как и мужчины. Однако в ситуациях, когда женщины боялись возмездия, они были менее склонны к агрессии. В целом мужчинам не обязательно прибегать к провокациям, чтобы проявить физическую агрессию по отношению к незнакомцам, в то время как женщины гораздо более осторожны и чувствительны к опасности, особенно когда противник – незнакомец, представляющий физическую угрозу. Мужчины, по сравнению с женщинами, в большей степени склонны к риску, однако они могут чувствовать, что им есть что терять, особенно тогда, когда речь идет о сохранении определенного образа собственной стойкости в присутствии друзей [23]. К этой точке зрения присоединяется А. Кэмпбэлл [24], которая считает, что женщины, по сравнению с мужчинами, демонстрируют более сильную реакцию страха на угрожающие стимулы. Ситуация провокации (стресса) оказывает противоположное воздействие: у женщин она снижает склонность к риску, в то время как у мужчин усиливает ее.

Анализ взаимосвязей показателей гнева и стратегий поведения в ситуации провокации агрессии (рис. 3 и 4) показал, что как у мужчин, так и у женщин с активно-агрессивной стратегией положительно связаны показатели ситуативного гнева ($r = 0{,}285$, $p \le 0{,}000\ 1$; $r = 0{,}211$, $p \le 0{,}000\ 1$), личностного гнева ($r = 0{,}272$, $p \le 0{,}000\ 1$; $r = 0{,}278$, $p \le 0{,}000\ 1$), реактивного гнева ($r = 0{,}240$, $p \le 0{,}000\ 1$; $r = 0{,}225$, $p \le 0{,}000\ 1$) и внешнего выражения гнева ($r = 0{,}305$, $p \le 0{,}000\ 1$; $r = 0{,}242$, $p \le 0{,}000\ 1$); с пассивно-агрессивной стратегией положительно связаны показатели ситуативного гнева ($r = 0{,}116$, $p = 0{,}048$; $r = 0{,}222$, $p \le 0{,}000\ 1$), а также внутреннего выражения гнева ($r = 0{,}232$, $p \le 0{,}000\ 1$; $r = 0{,}253$, $p \le 0{,}000\ 1$); со стратегией бегства (ухода) положительно связаны показатели внутреннего выражения гнева ($r = 0{,}176$, $p = 0{,}003$; $r = 0{,}110$, $p = 0{,}044$); с подавленно-агрессивной стратегией отрицательно связаны показатели внешнего выражения гнева ($r = -0{,}244$, $p \le 0{,}000\ 1$; $r = -0{,}133$, $p = 0{,}014$).

Вместе с тем у мужчин показатели внутреннего выражения гнева положительно связаны с активно-агрессивной и подавленно-агрессивной стратегиями ($r = 0{,}230$, $p \le 0{,}000\ 1$; $r = -0{,}173$, $p = 0{,}003$), показатели контроля гнева – с пассивно-агрессивной

($r = 0{,}125$, $p = 0{,}034$), подавленно-агрессивной ($r = 0{,}308$, $p \le 0{,}000\ 1$), ассертивной ($r = 0{,}333$, $p \le 0{,}000\ 1$) стратегиями и стратегией бегства (ухода) ($r = 0{,}303$, $p \le 0{,}000\ 1$), а показатели внешнего выражения гнева отрицательно связаны со стратегией бегства (ухода) ($r = -0{,}187$, $p = 0{,}001$).

Женщины отличаются положительными взаимосвязями показателей личностного гнева с пассивно-агрессивной стратегией ($r = 0{,}124$, $p = 0{,}023$), положительными взаимосвязями показателей формально-динамического гнева с активно-агрессивной и пассивно-агрессивной стратегиями ($r = 0{,}234$, $p \le 0{,}000\ 1$; $r = -0{,}148$, $p = 0{,}007$), положительными взаимосвязями показателей внешнего выражения гнева с пассивно-агрессивной стратегией ($r = 0{,}130$, $p = 0{,}017$), а также отрицательными корреляциями показателей внутреннего выражения гнева с ассертивной стратегией ($r = -0{,}119$, $p = 0{,}029$), отрицательными корреляциями показателей контроля гнева с активно-агрессивной ($r = -0{,}131$, $p = 0{,}016$) и пассивно-агрессивной ($r = -0{,}108$, $p = 0{,}048$) стратегиями.

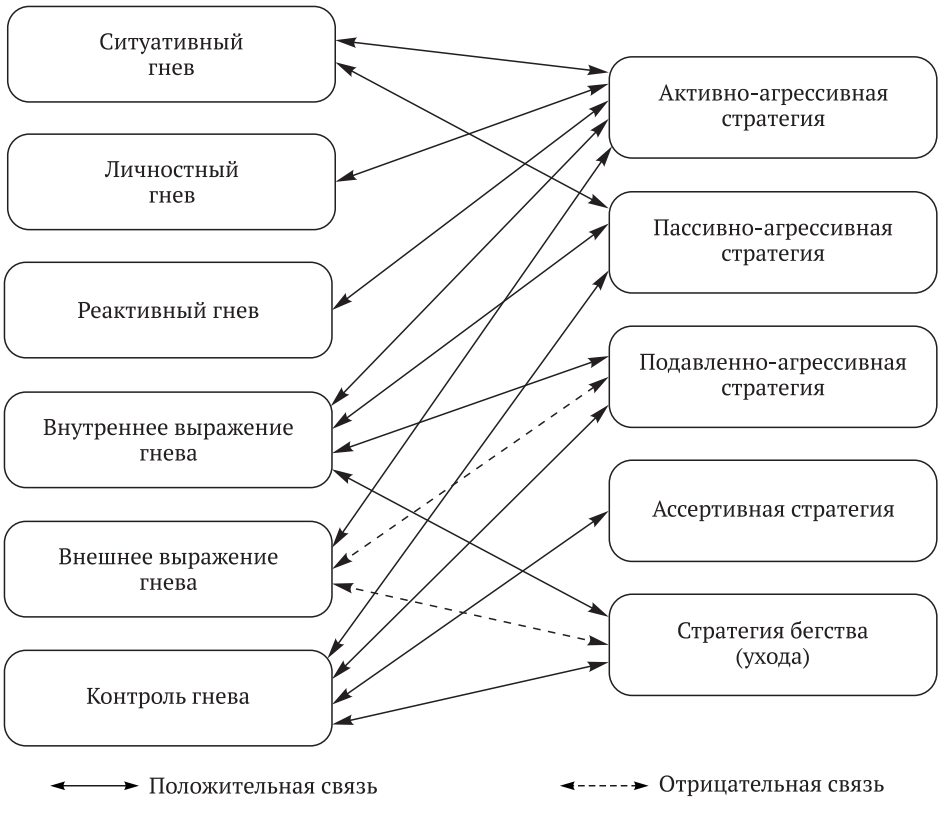

Рис. 3. Взаимосвязь показателей гнева и стратегий поведения в ситуации провокации агрессии у мужчин

Fig. 3. The relationship between men's anger indicators and behavioural strategies in a situation of provocation of aggression

Полученные результаты согласуются с аффективно-динамической теорией Фурманова [6; 11], в рамках которой особенности переживания, локус выражения и контроля гнева могут оказывать влияние на выбор поведенческой стратегии в ситуациях провокации, фрустрации и депривации. Как показывают данные, индивиды, склонные реагировать с повышенной степенью гнева на ситуации, связанные с раздражением, разочарованием и (или) негативными оценками, критикой или несправедливостью, и испытывать желание выразить гнев в определенный момент в вербальной или физической форме, независимо от силы конкретной провокации, будут демонстрировать активно-агрессивную стратегию поведения.

Склонность к выбору других стратегий может быть связана с «вмешательством» эмоции страха. В частности, согласно данным Р. Плутчика, Г. Келлермана и Х. Р. Конте [25] эмоциям гнева и страха соответствуют разные прототипические адаптивные комплексы: гнев соотносится с разрушением (устранение препятствия на пути к удовлетворению потребности), страх – с защитой, протекцией (избегание угрозы или вреда за счет увеличения расстояния между организмом и источником опасности, бегство). Более того, Л. Берковиц [26] отмечал, что аверсивные стимулы, к которым вполне обоснованно можно отнести провокацию, фрустрацию, депривацию, автоматически вызывают примитивные поведенческие реакции (например, драку или бегство). Когда люди попадают в ситуацию, вызывающую неудовольствие, боль или страдание, они хотят выйти из нее, используя драку, удаление или бегство. Эта адаптативная реакция «бей или беги», снижающая стресс, встречается как у людей, так и у животных.

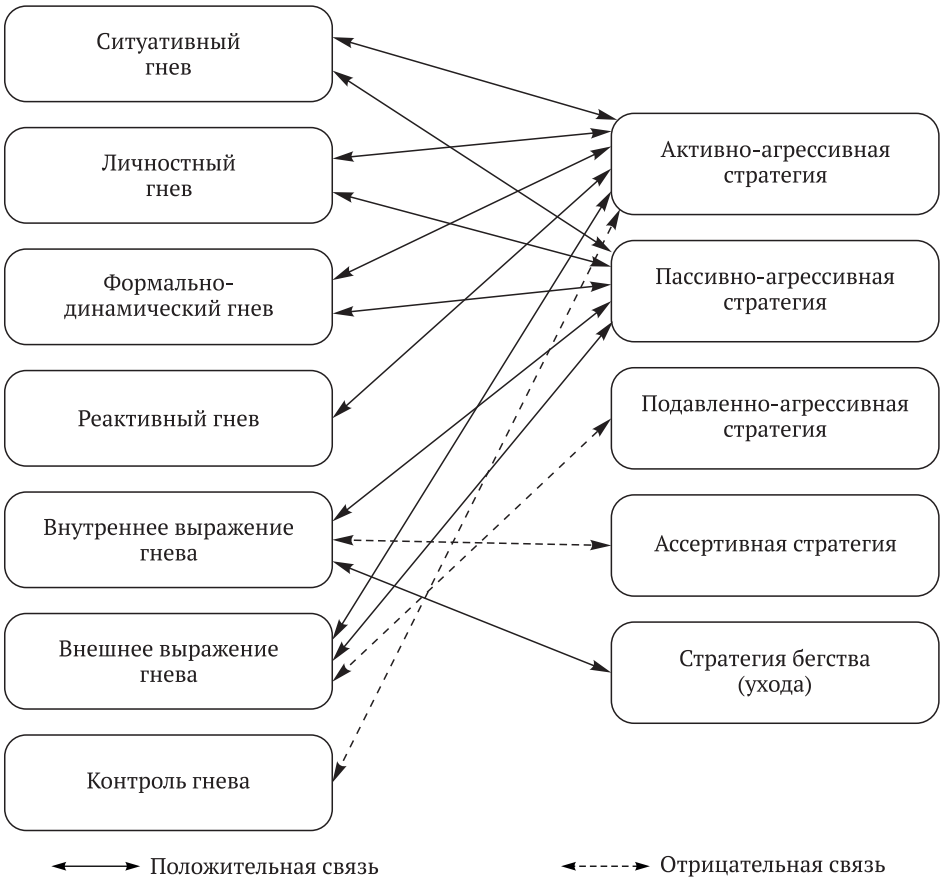

Рис. 4. Взаимосвязь показателей гнева и стратегий поведения в ситуации провокации агрессии у женщин

Fig. 4. The relationship between women's anger indicators and behavioural strategies in a situation of provocation of aggression

Анализ результатов регрессионного анализа (табл. 1 и 2) позволил определить, что как у мужчин, так и у женщин наибольшей предсказательной силой активно-агрессивной стратегии поведения выступает ориентация на предпочтительное использование внешнего выражения гнева, а наибольшей предсказательной силой пассивно-агрессивной и подавленно-агрессивной стратегий, а также стратегии бегства (ухода) – ориентация на предпочтительное использование внутреннего выражения гнева.

Можно заключить, что именно склонность открыто выражать гнев в вербальной или физической форме (агрессивное поведение, направленное на других людей или объекты окружающей среды) является основной детерминантой выбора активно-агрессивной стратегии поведения в ситуации провокации агрессии в межличностных отношениях. Напротив, для индивидов, предпочитающих использовать пассивно-агрессивную и подавленно-агрессивную стратегии, а также стратегию бегства (ухода), основной детерминантой будет выступать их склонность к воздержанию от свободного внешнего выражения эмоции гнева и подавлению любого поведения, связанного с ним.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа взаимосвязи показателей гнева и стратегий поведения в ситуации провокации агрессии у мужчин

Table 1

The results of a regression analysis of the relationship between men's anger indicators and behavioural strategies in a situation of provocation of aggression

Показатель гнева	*B*	Стандартная ошибка	β	*t*-Критерий Стьюдента	*p*
Активно-агрессивная стратегия					
Внешнее выражение гнева	0,245	0,067	0,224	3,649	0,000 1
Ситуативный гнев	0,191	0,062	0,189	3,084	0,002 0
КМК = 0,349; КМД = 0,122; F = 19,926; p = 0,000 1					

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Показатель гнева	*B*	Стандартная ошибка	β	*t*-Критерий Стьюдента	*p*
Пассивно-агрессивная стратегия					
Внутреннее выражение гнева	0,355	0,069	0,306	5,124	0,000 1
Внешнее выражение гнева	–0,281	0,078	–0,216	–3,608	0,000 1
КМК = 0,308; КМД = 0,095; *F* = 15,076; *p* < 0,000 1					
Подавленно-агрессивная стратегия					
Внешнее выражение гнева	–0,282	0,070	–0,260	–4,007	0,000 1
Внутреннее выражение гнева	0,226	0,059	0,233	3,811	0,000 1
КМК = 0,397; КМД = 0,158; *F* = 17,834; *p* < 0,000 1					
Ассертивная стратегия					
Контроль гнева	0,321	0,054	0,333	5,986	0,000 1
КМК = 0,333; КМД = 0,111; *F* = 35,829; *p* < 0,000 1					
Стратегия бегства (ухода)					
Контроль гнева	0,175	0,050	0,220	3,528	0,000
Ситуативный гнев	0,142	0,053	0,172	2,681	0,008
Внешнее выражение гнева	–0,207	0,061	–0,230	–3,408	0,001
Внутреннее выражение гнева	0,117	0,052	0,145	2,223	0,027
КМК = 0,391; КМД = 0,153; *F* = 12,853; *p* < 0,000 1					

Примечание. *B* – нестандартизированный коэффициент регрессии, β – стандартный коэффициент регрессии, КМК – коэффициент множественной корреляции, КМД – коэффициент множественной детерминации, *F* – *F*-критерий Фишера.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа взаимосвязи показателей гнева и стратегий поведения в ситуации провокации агрессии у женщин

Table 2

The results of a regression analysis of the relationship between women's anger indicators and behavioural strategies in a situation of provocation of aggression

Показатель гнева	*B*	Стандартная ошибка	β	*t*-Критерий Стьюдента	*p*
Активно-агрессивная стратегия					
Личностный гнев	0,115	0,046	0,187	2,523	0,012
Внутреннее выражение гнева	–0,195	0,052	–0,211	–3,793	0,000
Внешнее выражение гнева	0,181	0,073	0,169	2,465	0,014
Ситуативный гнев	0,129	0,061	0,121	2,099	0,037
КМК = 0,363; КМД = 0,132; *F* = 12,589; *p* < 0,000 1					
Пассивно-агрессивная стратегия					
Внутреннее выражение гнева	0,205	0,049	0,221	4,191	0,000
Ситуативный гнев	0,197	0,056	0,185	3,498	0,001
КМК = 0,312; КМД = 0,039; *F* = 17,897; *p* < 0,000 1					
Подавленно-агрессивная стратегия					
Внешнее выражение гнева	–0,201	0,061	–0,190	–3,298	0,001
Внутреннее выражение гнева	0,143	0,053	0,157	2,719	0,007
КМК = 0,198; КМД = 0,029; *F* = 6,785; *p* < 0,000 1					

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Показатель гнева	*B*	Стандартная ошибка	β	*t*-Критерий Стьюдента	*p*
Ассертивная стратегия					
Внутреннее выражение гнева	–0,163	0,059	–0,156	–2,764	0,006
Формально-динамический гнев	0,279	0,085	0,200	3,272	0,001
Ситуативный гнев	–0,195	0,071	–0,163	–2,770	0,006
КМК = 0,229; КМД = 0,052; $F = 6{,}114$; $p < 0{,}000\ 1$					
Стратегия бегства (ухода)					
Внутреннее выражение гнева	0,092	0,045	0,110	2,023	0,044
КМК = 0,110; КМД = 0,012; $F = 4{,}092$; $p = 0{,}044$					

Примечание. *B* – нестандартизированный коэффициент регрессии, β – стандартный коэффициент регрессии, КМК – коэффициент множественной корреляции, КМД – коэффициент множественной детерминации, *F* – *F*-критерий Фишера.

Кроме того, психологические усилия мужчин, направленные на отслеживание и контроль вербальных или физических проявлений гнева, могут детерминировать применение ассертивной стратегии и стратегии бегства (ухода). Вместе с тем фактор контроля гнева у женщин не определяет предпочтения в выборе стратегии поведения в ситуации провокации агрессии.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать несколько основных выводов.

1. Женщины, по сравнению с мужчинами, имеют более высокие показатели личностного, формально-динамического и реактивного гнева. По другим показателям проявления и регуляции гнева различий не выявлено.

2. Мужчины, в отличие от женщин, характеризуются более высокими показателями предрасположенности к активно-агрессивной стратегии поведения и более низкими показателями предрасположенности к стратегии бегства (ухода).

3. Независимо от пола, с активно-агрессивной стратегией положительно коррелировали показатели ситуативного, личностного, реактивного гнева и внешнего выражения гнева; с пассивно-агрессивной стратегией положительно коррелировали показатели ситуативного гнева и внутреннего выражения гнева; со стратегией бегства (ухода) положительно коррелировали показатели внутреннего выражения гнева; с подавленно-агрессивной стратегией отрицательно связаны показатели внешнего выражения гнева.

4. Как у мужчин, так и у женщин наибольшей предсказательной силой активно-агрессивной стратегии выступает ориентация на предпочтительное использование внешнего выражения гнева, а наибольшей предсказательной силой пассивно-агрессивной и подавленно-агрессивной стратегий, а также стратегии бегства (ухода) является ориентация на предпочтительное использование внутреннего выражения гнева.

Библиографические ссылки

1. Spielberger CD, Jacobs G, Russell S, Crane RS. Assessment of anger: the state-trait anger scale. In: Butcher JN, Spielberger CD, editors. *Advances in personality assessment. Volume 2*. New York: Routledge; 1983. p. 161–189.

2. Spielberger CD, Krasner SS, Solomon EP. The experience, expression, and control of anger. In: Janisse MP, editor. *Individual differences and stress, and health psychology.* New York: Springer-Verlag; 1988. p. 89–108 (Contributions to psychology and medicine).

3. Spielberger CD, Reheiser EC. The nature and measurement of anger. In: Potegal M, Stemmler G, Spielberger C, editors. *International handbook of anger: constituent and concomitant biological, psychological, and social processes*. New York: Springer; 2010. p. 403–412. DOI: 10.1007/978-0-387-89676-2_23.

4. Spielberger CD, Reheiser EC. Assessment of emotions: anxiety, anger, depression, and curiosity. *Applied Psychology: Health and Well-Being.* 2009;1(3):271–302. DOI: 10.1111/j.1758-0854.2009.01017.x.

5. Фурманов ИА. *Агрессивность и ее проявления в детском возрасте.* Минск: Национальный институт образования Министерства образования Республики Беларусь; 1994. 23, [1] с.

6. Фурманов ИА. Аффективно-динамическая модель агрессивного поведения. В: Фурманов ИА, Медведская ЕИ, Пархомович ВБ, Аксючиц ИВ, Аладьин АА, Даниленко АВ и др. *Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях.* Фурманов ИА, редактор. Брест: Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2014. с. 5–20.

7. Anderson CA, Bushman BJ. Human aggression. *Annual Review of Psychology.* 2002;53:27–51. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135231.

8. Lawrence C. Measuring individual responses to aggression-triggering events: development of the situational triggers of aggressive responses (STAR) scale. *Aggressive Behavior.* 2006;32(3):241–252. DOI: 10.1002/ab.20122.

9. Соловьева СЛ, Меркурьева АА, Ковалева МВ. Результаты исследования психометрических свойств русскоязычной версии методики Спилбергера (STAXI). *Сибирский психологический журнал.* 2000;13:90–93. EDN: WDHBSN.

10. O'Connor DB, Archer J, Wu FWC. Measuring aggression: self-reports, partner reports, and responses to provoking scenarios. *Aggressive Behavior.* 2001;27(2):79–101. DOI: 10.1002/ab.2.

11. Фурманов ИА. *Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция*. Санкт-Петербург: Речь; 2007. 479 с. (Мэтры мировой психологии).

12. Campbell A. Sex differences in direct aggression: what are the psychological mediators? *Aggression and Violent Behavior.* 2006;11(3):237–264. DOI: 10.1016/j.avb.2005.09.002.

13. Milovchevich D, Howells K, Drew N, Day A. Sex and gender role differences in anger: an Australian community study. *Personality and Individual Differences.* 2001;31(2):117–127. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00122-7.

14. Armstead CA, Clark R. Assessment of self-reported anger expression in pre- and early-adolescent African Americans: psychometric considerations. *Journal of Adolescence.* 2002;25(4):365–371. DOI: 10.1006/jado.2002.0481.

15. Thomas SP, Smith H. School connectedness, anger behaviors, and relationships of violent and nonviolent American youth. *Perspectives in Psychiatric Care.* 2004;40(4):135–148. DOI: 10.1111/j.1744-6163.2004.tb00011.x.

16. Soysal ŞA, Can H, Kılıç MK. Üniversite Öğrencilerinde a tipi davranış örüntüsü ile öfke ifadesi arasindaki ilişkinin analizi ve cinsiyetler açisindan karşilaştirilmasi. *Klinik Psikiyatri.* 2009;12(2):61–67.

17. Yöndem ZD, Bıçak B. Öğretmen adaylarının öfke düzeyi ve öfke tarzları. *UluslararasıİnsanBilimleri Dergisi.* 2008;5(2):1–15.

18. Kurt C. Are there gender differences in trait anger and anger expression style in Turkish combat athletes? *Journal of Physical Education and Sport.* 2013;13(3):447–451. DOI: 10.7752/jpes.2013.03071.

19. Wesemann U, Hadjamu N, Wakili R, Willmund G, Vogel J, Rassaf T, Siebermair J. Gender differences in anger among hospital medical staff exposed to patients with COVID-19. *Health Equity.* 2021;5(1):181–184. DOI: 10.1089/heq.2020.0119.

20. Brody LR, Lovas GS, Hay DH. Gender differences in anger and fear as a function of situational context. *Sex Roles.* 1995;32:47–78. DOI: 10.1007/BF01544757.

21. Frodi A, Macaulay J, Thome PR. Are women always less aggressive than men? A review of the experimental literature. *Psychological Bulletin.* 1977;84(4):634–660. DOI: 10.1037/0033-2909.84.4.634.

22. Fahlgren MK, Cheung JC, Ciesinski NK, McCloskey MS, Coccaro EF. Gender differences in the relationship between anger and aggressive behavior. *Journal of Interpersonal Violence.* 2022;37(13–14):12661–12670. DOI: 10.1177/0886260521991870.

23. Bettencourt BA, Miller N. Gender differences in aggression as a function of provocation: a meta-analysis. *Psychological Bulletin.* 1996;119(3):422–447. DOI: 10.1037/0033-2909.119.3.422.

24. Campbell A. Survival, selection, and sex differences in fear. In: Workman L, Reader W, Barkow JH, editors. *The Cambridge handbook of evolutionary perspectives on human behavior.* Cambridge: Cambridge University Press; 2020. p. 313–329. DOI: https://doi.org/10.1017/9781108131797.027.

25. Plutchik R, Kellerman H, Conte HR. A structural theory of ego defenses and emotions. In: Izard CE, editor. *Emotions in personality and psychopathology.* Boston: Springer; 1979. p. 227–257 (Critical issues in social justice). DOI: 10.1007/978-1-4613-2892-6_9.

26. Берковиц Л. *Агрессия: причины, последствия и контроль.* Боричев А, Царук Л, Ордановская Л, переводчики. Санкт-Петербург: Прайм-еврознак; 2001. 512 с. (Секреты психологии).

Статья поступила в редколлегию 03.03.2026.
Received by editorial board 03.03.2026.

УДК 159.922.1

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖЕНЩИНЫ О СЕБЕ КАК О МАТЕРИ НА ДЕТСКО-МАТЕРИНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

***Е. С. КИРИЧИК*[1)], *И. Е. ВАЛИТОВА*[2)]**

[1)]*Брестский областной центр медицинской реабилитации для детей с психоневрологическими заболеваниями «Тонус», ул. Ленинградская, 19, 224028, г. Брест, Беларусь*
[2)]*Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, бул. Космонавтов, 21, 224016, г. Брест, Беларусь*

Аннотация. Рассмотрены особенности представлений женщины о своих материнских качествах и их возможное влияние на детско-материнское взаимодействие. Установлена взаимосвязь представлений женщины о своих материнских качествах и особенностей ее взаимодействия с ребенком. Представления женщины о себе как о терпеливой, уравновешенной, последовательной матери оказывают влияние на все компоненты взаимодействия матери и ребенка (чувствительный, эмоциональный и поведенческий компоненты). Представления женщины о себе как о доброй, любящей, нежной, умной, внимательной матери находят отражение в эмоциональном и поведенческом компонентах детско-материнского взаимодействия. Представления женщины о наличии у себя негативных материнских качеств являются предикторами трудностей в диадических отношениях мать – ребенок. Сделан вывод о том, что процесс изменения содержания представлений женщины в контексте увеличения позитивного самовосприятия материнских качеств (в особенности волевых) создает предпосылки для оптимизации детско-материнского взаимодействия.

Ключевые слова: материнство; самосознание матери; самовосприятие; качества матери; взаимодействие матери и ребенка.

THE INFLUENCE OF WOMEN'S SELF-IMAGE AS A MOTHER ON CHILD-MOTHER INTERACTION

***E. S. KIRICHIK*[a], *I. E. VALITOVA*[b]**

[a]*Brest Regional Center for Medical Rehabilitation for Children with Psychoneurological Disorders «Tonus», 19 Leningradskaja Street, Brest 224028, Belarus*
[b]*Brest State A. S. Pushkin University, 21 Kasmanawtaw Boulevard, Brest 224016, Belarus*

Corresponding author: E. S. Kirichik (kirichikelena@yandex.ru)

Abstract. The article examines the characteristics of women's self-image of her maternal qualities and their possible impact on child-mother interaction. A relationship is established between women's self-image of her maternal qualities and the characteristics of her interactions with their children. A woman's self-image as a patient, balanced, and consistent mother influence all components of child-mother interaction (sensitive, emotional, and behavioural components). A woman's self-image as a kind, loving, gentle, intelligent, and attentive mother are reflected in the emotional and

Образец цитирования:
Киричик ЕС, Валитова ИЕ. Влияние представлений женщины о себе как о матери на детско-материнское взаимодействие. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;2:14–24.
EDN: TTBQOH

For citation:
Kirichik ES, Valitova IE. The influence of women's self-image as a mother on child-mother interaction. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;2:14–24. Russian.
EDN: TTBQOH

Авторы:
Елена Станиславовна Киричик – психолог Центра раннего вмешательства.
Ирина Евгеньевна Валитова – доктор психологических наук, профессор; профессор кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии.

Authors:
Elena S. Kirichik, psychologist at the Early Intervention Centre.
kirichikelena@yandex.ru
Irina E. Valitova, doctor of science (psychology), full professor; professor at the department of social pedagogy and psychology, faculty of pedagogy and psychology.
irvalitova@yandex.ru

behavioural components of child-mother interaction. A woman's self-image of her negative maternal qualities predict difficulties in mother – child dyadic relationships. It is concluded that changing a woman's self-image in the context of increasing positive self-perceptions of maternal qualities (especially volitional ones) creates the preconditions for optimising child-mother interaction.

Keywords: motherhood; maternal self-awareness; self-perception; maternal qualities; child-mother interaction.

Введение

Актуальность исследования проблемы детско-материнского взаимодействия в контексте реализации материнства продиктована потребностью поиска факторов и определения условий благополучного психического развития детей в период дошкольного детства, являющегося сензитивным периодом онтогенеза. Материнство понимается как деятельность по обеспечению эмоционального благополучия ребенка и удовлетворению его базовых потребностей, которая непосредственно влияет на психологическое здоровье и благополучие ребенка, вносит значимый вклад в процесс формирования будущей личности. Также материнство рассматривается в контексте личностного развития женщины, вследствие чего самосознание женщины (осознание себя как матери) считается важным фактором материнства[1]. Проблема содержания материнского самосознания, взаимосвязи его структурных компонентов и особенностей отношений матери и ребенка относится к недостаточно разработанным, но она вызывает особый научный интерес и требует специального исследования [1].

Методологическими основаниями настоящего исследования выступает гуманистическая парадигма. Данная работа основана на идее о том, что проявления поведения матери связаны с ее представлениями о себе, а осознание женщиной своих материнских качеств не только отражает ее опыт, но и формирует стиль взаимодействия с ребенком. Опираясь на субъектную парадигму, мы рассматриваем женщину как активного субъекта, способного управлять своим поведением. В соответствии с деятельностным подходом под материнством мы понимаем специфический вид деятельности, а самосознание матери считаем внутренним регулятором этой деятельности. Процедура исследования организована с учетом системного методологического подхода, включающего выявление не только отдельных фактов и закономерностей, но и их взаимосвязи, что позволяет целостно рассмотреть объект исследования.

Исследования самосознания восходят к введенному У. Джемсом понятию *я*-концепции. Ученый предложил выделить в структуре *я*-концепции три уровня: 1) физическую личность; 2) социальную личность; 3) духовную личность. *Я*-концепция является системой представлений человека о самом себе, обеспечивающей внутреннюю определенность и относительную устойчивость его действий, отношений и поведения; на ее основе человек строит свое взаимодействие с окружающим миром. Традиционно выделяются три компонента *я*-концепции: когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Когнитивный компонент включает представления человека о своих качествах, способностях, внешности, социальной значимости; в этих категориях человек осознает свои особенности, которые имеют разную значимость в структуре *я*-концепции. Выявление данных качеств осуществляется посредством процедур самоописания [2]. В исследованиях проблемы образа показано, что образ другого человека и образ самого себя выполняют регулирующую функцию, так как они определяют совокупность действий одного субъекта в отношении другого субъекта (или самого себя) и основываются скорее на характеристиках образа, нежели на объективных характеристиках [3].

В свою очередь, К. Роджерс считал, что именно образ *Я*, который складывается в результате приобретения личностью жизненного опыта, является наиболее значимым. Этот образ оказывает особое влияние на восприятие человеком окружающего мира, других людей, их отношения, а также на оценки, которые человек дает собственному поведению, что позволяет прогнозировать и определять перспективы саморазвития [4].

Представления женщины о своих материнских качествах включены в когнитивный компонент *я*-концепции матери, который связан с ее эмоциональным самоотношением. Этот компонент оказывает непосредственное влияние на материнское поведение, способы реагирования на поведение ребенка и взаимодействие с ним [5]. Поведенческий компонент *я*-концепции матери реализуется через действия, которые являются отражением ее субъективной картины мира: установки, убеждения, образы самой себя подвергаются эмоциональной оценке и обусловливают определенное поведение. В связи с этим материнскую деятельность, поведение, взаимоотношения с ребенком необходимо рассматривать в контексте представлений женщины о себе как о матери.

Исследования, посвященные изучению *я*-концепции матери, процесса восприятия материнских качеств и представлений о них, проведены в рамках разных теоретических подходов. В рамках психоаналитического подхода содержание *я*-концепции матери объясняется степенью удовлетворения ею потребностей ребенка [6]. В работах Д. В. Винникотта

[1] *Филиппова Г. Г.* Психология материнства : учеб. пособие. М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2002. 238, [1] с.

предложено понятие «достаточно хорошая мать», которое предполагает реализацию женщиной своих материнских функций (обеспечение адекватной среды для развития ребенка и удовлетворение его потребностей) настолько, насколько она может в данный момент [7]. В рамках социокультурного подхода Э. Бадентер и М. Мид сделан акцент на культурной обусловленности поведения и качеств матери [8; 9].

В исследованиях когнитивных и эмоциональных компонентов материнства образ материнства трактуется как социокультурный феномен, формирующийся в сознании взрослых под влиянием личного опыта, культурных моделей, стереотипов и влияющий на материнское поведение. В то же время представления женщин о своих материнских качествах не всегда отграничиваются от реально существующих социально и нормативно обусловленных проявлений матери. Главным в образе материнства оказываются отношение матери к своему ребенку, ее любовь, забота, отзывчивость, понимание, доброта, разумная строгость [10]. С увеличением возраста матери и ребенка, опыта материнства содержание образа матери и материнских качества изменяется; на каждом этапе развития ребенка задачи и функции материнства обновляются. Качества матери в аспекте их значимости для развития ребенка разного возраста рассматривает Е. И. Исенина. Исследователь выделяет два вида базовых качеств матери: 1) качества матери как субъекта общения, связанные с личностным отношением к ребенку (*Я – Ты*); 2) качества матери как субъекта обучения, характеризующие отношение матери к миру (*Я* – мир) [11].

Рассматривая самосознание матери, Н. Н. Васягина определяет самопостижение в качестве его первого компонента. Самопостижение является непрерывным процессом накопления женщиной представлений о себе как о матери, их углублению, уточнению, расширению; оно включает представления о себе как о матери, о выполнении материнских функций, способах взаимодействия с ребенком, доминирующем эмоциональном фоне взаимодействия, интегрированные в обобщенный образ *Я* [12].

В контексте нашего исследования материнских представлений женщины о себе как о матери необходимо ориентироваться на когнитивные теории, изложенные и реализованные в работах представителей когнитивно-поведенческого подхода (А. Т. Бек, А. Эллис), основополагающей идеей которых является положение о связи когниций, эмоций и поведения. Приложение этой идеи к *я*-концепции матери позволяет предположить механизм функционирования концепции. Образ *Я* формирует представления матери, далее запускается механизм эмоционального оценивания, что, в свою очередь, детерминирует определенное поведение. Весь процесс можно считать динамическим циклом: действия матери и их результаты влияют на ее самовосприятие, которое, в свою очередь, изменяет или подтверждает образ *Я*, эмоциональное самоотношение, что непосредственно определяет последующее материнское поведение по отношению к ребенку [13]. В наших предыдущих исследованиях были получены эмпирические доказательства действия этого механизма. В частности, установлены взаимосвязи представлений матери о себе как о родителе и способов оказания эмоциональной поддержки ребенку, умений воздействовать на него, эмоционального фона взаимодействия, которые при реализации различных типов взаимодействия в диадических отношениях мать – ребенок раннего возраста с неврологической патологией представлены по-разному. Представления о себе как о достаточно или недостаточно хорошей матери оказались связаны с принятием себя как матери и степенью активности матери в реабилитации и лечении ребенка с патологией [14; 15].

Анализ литературных источников показал наличие лишь фрагментарных данных о содержании взаимосвязей представлений женщины о себе как о матери и ее поведения по отношению к ребенку. В связи с этим целью нашего исследования является установление взаимосвязи представлений женщины о своих материнских качествах и особенностей построения ее взаимодействия с ребенком.

Под взаимодействием понимается процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь. Каждая из взаимодействующих сторон является причиной влияния другой стороны и одновременно следствием этого влияния. Процесс взаимодействия обусловлен внутренней активностью субъектов, развитие субъектов взаимообусловлено, а воздействие одного субъекта на другой отражается в изменении существенных характеристик и функций каждого субъекта[2]. Взаимодействие матери и ребенка определяется множеством факторов: возрастом ребенка и матери, особенностями их личностей, типом семьи и родительских установок и др.[3]

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 223 женщины в возрасте от 20 до 46 лет (средний возраст 30,7 года), имеющих детей в возрасте от 1 месяца до 7 лет. Использовалась авторская методика самоописаний «самооценка качеств матери». Женщинам предлагалось составить список из 10 положительных

[2]Большой психологический словарь / ред.: Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М. : АСТ, 2009. 811 с. (Большая психологическая энциклопедия).

[3]*Филиппова Г. Г.* Психология материнства…

и 10 отрицательных качеств, которые могут быть присущи любой матери (описание идеального материнского *Я*). После составления списка качеств респондентам было предложено оценить наличие или отсутствие тех или иных качеств у себя (описание реального материнского *Я*).

Посредством манифестного количественного контент-анализа были изучены 4304 качества матери (2220 положительных качеств и 2084 отрицательных качества). Высказывания были объединены по признаку синонимичности в 130 категорий, которые в соответствии со смысловой нагрузкой были обобщены в 12 сфер. Так, были выделены следующие сферы материнских качеств:

1) эмоциональные качества («добрая», «веселая», «нежная», «злая», «тревожная», «агрессивная» и др.);

2) когнитивные качества («умная», «мудрая», «внимательная», «любознательная», «осознанная», «невнимательная», «глупая», «ограниченная» и др.);

3) эмоционально-волевые качества («уравновешенная», «последовательная», «терпеливая», «ленивая», «импульсивная», «нетерпеливая» и др.);

4) нравственно-моральные качества («ответственная», «вежливая», «милосердная», «несправедливая», «безответственная», «непорядочная» и др.);

5) качества, проявляющиеся в отношениях с ребенком («защищающая», «заботливая», «помогающая», «унижающая», «не уважающая ребенка»);

6) качества, проявляющиеся в отношениях с другими людьми («делегирование обязанностей другим членам семьи», «нелюбовь к отцу ребенка» и др.);

7) качества, проявляющиеся в воспитании и обучении ребенка («дает возможность быть самостоятельным», «строгая», «гиперопекающая» и др.);

8) качества, проявляющиеся по отношению к себе («любовь к себе», «забота о себе», «самоирония», «эгоизм», «самокритичность» и др.);

9) качества матери как хозяйки («аккуратная», «вкусно готовит», «излишняя чистоплотность», «неряшливая» и др.);

10) качества внешности и психофизические качества («женственная», «красивая», «сильная», «стильная», «слабая» и др.);

11) качества, проявляющиеся по отношению к материальной стороне реальности («бережливость», «финансовая грамотность», «жадность» и др.);

12) творческие качества («вдохновляющая», «творческая», «креативная»).

Установлено, что среди представлений женщин о своих положительных материнских качествах преобладают представления, относящиеся к эмоциональной сфере и сфере взаимодействия с ребенком, а среди представлений женщин о своих отрицательных материнских качествах – качества, относящиеся к эмоционально-волевой и эмоциональной сферам (рис. 1).

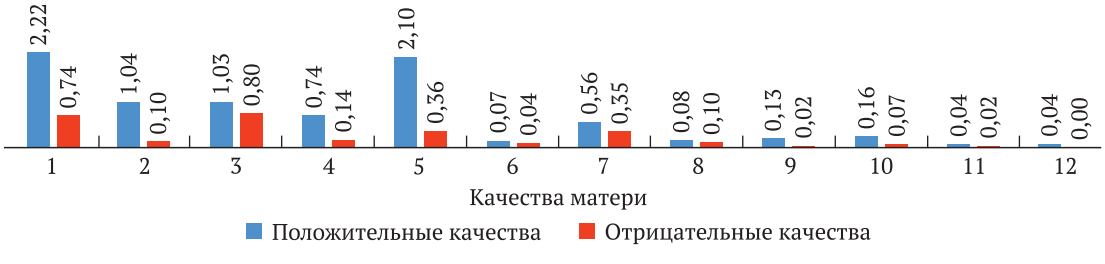

Рис. 1. Частота встречаемости положительных и отрицательных качеств матери:
1 – эмоциональные качества; *2* – когнитивные качества; *3* – эмоционально-волевые качества; *4* – нравственно-моральные качества; *5* – качества, проявляющиеся в отношениях с ребенком; *6* – качества, проявляющиеся в отношениях с другими людьми; *7* – качества, проявляющиеся в воспитании и обучении ребенка; *8* – качества, проявляющиеся по отношению к себе; *9* – качества матери как хозяйки; *10* – качества внешности и психофизические качества; *11* – качества, проявляющиеся по отношению к материальной стороне реальности; *12* – творческие качества

Fig. 1. Frequency of occurrence of positive and negative qualities of the mother:
1 – emotional qualities; *2* – cognitive qualities; *3* – emotional-volitional qualities; *4* – moral and ethical qualities; *5* – qualities manifested in relationships with the child; *6* – qualities manifested in relationships with other people; *7* – qualities manifested in the upbringing and education of the child; *8* – qualities manifested in relation to oneself; *9* – qualities of the mother as a housewife; *10* – qualities of appearance and psychophysical qualities; *11* – qualities manifested in relation to the material side of reality; *12* – creative qualities

Для выявления особенностей осознания матерью своего взаимодействия с ребенком использовался опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия, разработанный Е. И. Захаровой [16]. Опросник содержит утверждения, отражающие оценку матерями 11 характеристик своего взаимодействия с ребенком. Данные характеристики сгруппированы автором в три блока (чувствительность, эмоциональное принятие, поведенческие проявления эмоционального взаимодействия). Обработка данных опросника включает подсчет средних значений по шкалам и блокам и их сопоставление с критериальными значениями, которые обозначают предельный уровень значений показателя благоприятного эмоционального взаимодействия.

При анализе оценок эмоционального взаимодействия не выявлены оценки матерями своего взаимодействия с ребенком как неблагополучного; однако

по сравнению с ранее проведенными исследованиями (Е. И. Захарова, 1998) отмечено ухудшение эмоционального отношения матерей в аспектах восприятия и поведения по отношению к детям, при этом установлено улучшение взаимодействия по показателям эмпатии, наслаждения взаимодействием с ребенком, преобладания доброжелательного эмоционального фона при общении с ребенком[4] (рис. 2).

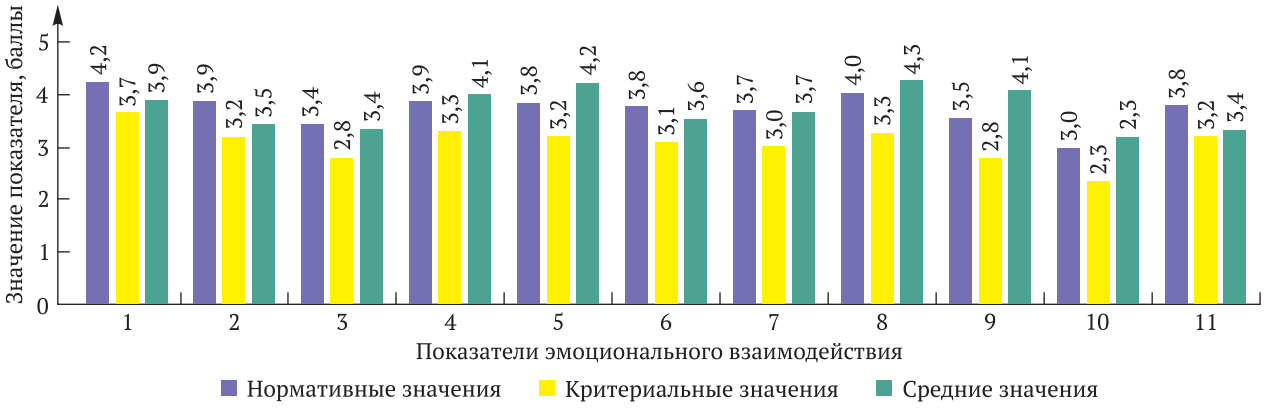

Рис. 2. Динамика показателей эмоционального взаимодействия:
1 – способность воспринимать состояние ребенка; *2* – понимание причин состояния ребенка; *3* – способность к сопереживанию; *4* – чувства, возникающие в ходе взаимодействия; *5* – безусловное принятие; *6* – отношение к себе как к родителю; *7* – преобладающий эмоциональный фон взаимодействия; *8* – стремление к телесному контакту; *9* – оказание эмоциональной поддержки; *10* – ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия; *11* – умение воздействовать на состояние

Fig. 2. Dynamics of indicators of emotional interaction:
1 – the ability to perceive the child's state; *2* – understanding the reasons for child's condition; *3* – the ability to empathise; *4* – feelings that arise during interaction; *5* – unconditional acceptance; *6* – attitude towards oneself as a parent; *7* – the prevailing emotional background of interaction; *8* – desire for physical contact; *9* – providing emotional support; *10* – orientation to the child's state when building interaction; *11* – the ability to influence the state

В целях выявления взаимосвязи материнских качеств и особенностей детско-материнского взаимодействия был проведен корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена) и регрессионный анализ. Стандартизированный коэффициент регрессии (β) показывает относительную значимость независимых переменных; он отражает, насколько сильно влияют исследуемые факторы (независимые переменные) на итоговую величину (зависимую переменную). Независимыми переменными в нашем исследовании являются количественные показатели восприятия женщинами своих материнских качеств по каждой из 12 сфер методики «самооценка качеств матери». В качестве зависимых переменных выступают количественные показатели по шкалам опросника детско-родительского эмоционального взаимодействия (утверждения, отражающие оценку матерями характеристик своего взаимодействия с ребенком). Другими словами, регрессионный анализ позволил выяснить, какова степень влияния представлений женщины о своих материнских качествах на особенности построения ее взаимодействия с ребенком. Процедура статистической обработки данных осуществлялась с помощью программы *SPSS Statistics v. 23.*

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования выявлено, что женщины, проявляющие способность воспринимать состояние ребенка (табл. 1), чаще считают, что обладают положительными эмоционально-волевыми качествами (терпеливость, уверенность, уравновешенность). Однако эти матери не называют своих положительных качеств, проявляющихся в отношениях с ребенком (умение слышать и слушать ребенка, заботливость, отзывчивость, открытость, уважение ребенка и др.); положительных качеств, проявляющихся в отношениях с другими людьми (уважение к другим, умение поддерживать приятные отношения в семье); отрицательных качеств, проявляющихся по отношению к материальной стороне реальности (жадность, расточительность, экономия на ребенке). Согласно регрессионному анализу представления о наличии у себя отрицательных качеств, проявляющихся по отношению к материальной стороне реальности, чаще отмечаются у женщин со сложностями в восприятии состояния и поведения ребенка.

[4] *Захарова Е. И.* Особенности осознания родителями взаимодействия с детьми : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.07. М., 1997. 20 с.

Таблица 1

Взаимосвязи представлений матери о своих материнских качествах и ее чувствительности во взаимодействии с ребенком

Table 1

Correlation analysis of mother's self-image of her maternal qualities and sensitivity in interaction with the child

Качества матери	Блок 1. Чувствительность					
	Способность воспринимать состояние ребенка		Понимание причин состояния ребенка		Способность к сопереживанию (эмпатия)	
	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)
Положительные эмоционально-волевые качества	0,134* (0,046)	–	0,171* (0,011)	0,136 (0,050)	–	–
Положительные эмоциональные качества	–	–	–	–	–	0,143 (0,050)
Отрицательные эмоциональные качества	–	–	–0,178** (0,008)	–0,181 (0,010)	–0,133* (0,047)	–
Отрицательные нравственно-моральные качества	–	–	–	–	–0,198** (0,003)	–0,189 (0,010)
Отрицательные качества, проявляющиеся в отношениях с ребенком	–0,141* (0,036)	–	–	–	–0,178** (0,008)	–0,164 (0,030)
Отрицательные качества, проявляющиеся в отношениях с другими людьми	–0,192** (0,004)	–	–	–	–	–
Отрицательные качества, проявляющиеся по отношению к себе	–	–	–0,167* (0,012)	–0,159 (0,020)	–	–
Отрицательные качества, проявляющиеся по отношению к материальной стороне реальности	–0,159* (0,018)	–0,171 (0,020)	–0,164* (0,014)	–0,166 (0,020)	–	–
n	*223*					

Примечания: 1. Знаком * отмечены показатели, статистически значимые при $p \le 0,05$, знаком ** – показатели, статистически значимые при $p \le 0,01$. 2. r_s – коэффициент корреляции Спирмена, β – стандартный коэффициент регрессии.

Матери, понимающие причины состояния ребенка, чаще отмечают у себя положительные эмоционально-волевые качества и не выделяют своих отрицательных эмоциональных качеств (злость, тревожность, агрессивность, грусть); отрицательных качеств, проявляющихся по отношению к себе (самокритичность, самообвинение, отсутствие времени на себя); отрицательных качеств, проявляющихся по отношению к материальной стороне реальности (см. табл. 1).

Регрессионный анализ указывает на то, что представления матерей о наличии отрицательных эмоциональных качеств являются негативным фактором, влияющим на способность понимать состояние ребенка. Негативно воздействуют на способность матери понимать причины состояния и поведения ребенка также представления о наличии отрицательных качеств, проявляющихся по отношению к материальной стороне реальности и отрицательных качеств, проявляющихся по отношению к себе. Другими словами, если женщина воспринимает себя как жадную, расточительную или эгоистичную, не заботящуюся о себе, то она испытывает сложности в понимании ребенка и его реакций. Женщины, воспринимающие себя как уравновешенную, терпеливую, уверенную в себе, склонны понимать состояние своего ребенка.

У более эмпатичных матерей (см. табл. 1) чаще присутствуют положительные эмоциональные качества (доброта, нежность). У них отсутствуют представления об отрицательных эмоциональных качествах; отрицательных качествах, проявляющихся в отношениях с ребенком (грубость, жестокость, повышение голоса на ребенка); отрицательных нравственно-моральных качествах (демонстрация плохого примера ребенку, безответственность, наличие вредных привычек).

Матери, отмечающие у себя наличие отрицательных нравственно-моральных качеств, менее эмпатичны. Негативным фактором проявления матерью эмпатии является также самовосприятие отрицательных материнских качеств, проявляющихся в отношениях с ребенком: если женщина считает, что обладает положительными эмоциональными качествами, это характеризует ее как более эмпатичную в отношениях с ребенком мать.

Данные табл. 2 показывают, что матери, испытывающие положительные чувства в отношениях

с ребенком, чаще отмечают наличие у себя положительных эмоционально-волевых качеств, положительных когнитивных качеств (внимательность, любознательность, ум), положительных творческих качеств. Эти матери не считают, что обладают отрицательными эмоциональными, когнитивными, эмоционально-волевыми, нравственно-моральными качествами, а также качествами, проявляющимися в отношениях с ребенком и по отношению к материальной стороне реальности.

Негативными факторами, влияющими на чувства матерей по отношению к ребенку, являются представления о наличии отрицательных материнских качеств, проявляющихся в отношениях с ребенком (грубость, отсутствие безусловного принятия), и отрицательных эмоциональных качеств. Женщины, оценивающие себя как творческую, добрую, любящую, нежную, терпеливую, уверенную, умную, внимательную мать, чаще испытывают положительные чувства в отношениях с ребенком.

Таблица 2

Взаимосвязи представлений матери о своих материнских качествах и эмоционального принятия материнства

Table 2

Correlation analysis of mother's self-image of her maternal qualities and emotional acceptance of motherhood

Качества матери	Блок 2. Эмоциональное принятие							
	Чувства, возникающие во взаимодействии		Безусловное принятие		Отношение к себе как к родителю		Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия	
	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)
Положительные когнитивные качества	0,175** (0,009)	0,142 (0,030)	0,234** (0,000)	0,134 (0,043)	0,213** (0,001)	0,215 (0,001)	–	–
Положительные эмоционально-волевые качества	0,164* (0,014)	0,147 (0,020)	–0,197** (0,003)	0,241 (0,000)	0,174** (0,009)	0,156 (0,014)	0,141* (0,035)	–
Положительные эмоциональные качества	–	0,151 (0,020)	–	0,159 (0,021)	–	0,171 (0,011)	–	0,144 (0,035)
Положительные нравственно-моральные качества	–	–	–	–	–	0,194 (0,020)	–	–
Положительные творческие качества	0,139* (0,038)	0,155 (0,020)	–0,166* (0,013)	–0,174 (0,012)	–	–	0,148* (0,027)	0,178 (0,009)
Положительные качества, проявляющиеся в отношениях с другими людьми	–	–	–	–	–0,133* (0,047)	–	–	–
Положительные качества внешности и положительные психофизические качества	–	–	–	–	–0,154* (0,022)	–	–	–
Положительные качества матери как хозяйки	–	–	–	–	–	–	–	0,133 (0,042)
Положительные качества, проявляющиеся в отношениях с ребенком	–	–	–	0,140 (0,042)	–	0,188 (0,005)	–	–
Отрицательные эмоциональные качества	–0,259** (0,000)	–0,187 (0,006)	–0,167* (0,012)	–0,201 (0,004)	–0,239** (0,000)	–0,139 (0,039)	–0,295** (0,000)	–0,211 (0,002)
Отрицательные когнитивные качества	–0,132* (0,049)	–	–	–	–	–	–	–
Отрицательные эмоционально-волевые качества	–0,199** (0,003)	–	–	–	–0,158** (0,018)	–	–0,147** (0,018)	–0,178 (0,010)
Отрицательные нравственно-моральные качества	–0,273** (0,000)	–	–	–	–0,226** 0,001)	–	–0,201** (0,003)	–
Отрицательные качества, проявляющиеся в отношениях с ребенком	–0,298** (0,000)	–0,214 (0,002)	–	–	–0,194** (0,004)	–	–0,177** (0,008)	–

Окончание табл. 2
Ending of the table 2

Качества матери	Блок 2. Эмоциональное принятие							
	Чувства, возникающие во взаимодействии		Безусловное принятие		Отношение к себе как к родителю		Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия	
	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)
Отрицательные качества, проявляющиеся по отношению к себе	–	–	–	–	–0,167* (0,012)	–0,127 (0,045)	–	–
Отрицательные качества, проявляющиеся по отношению к материальной реальности	–0,163* (0,015)	–	–0,141* (0,035)	–	–	–	–0,158* (0,018)	–
n	*223*							

Примечания: 1. Знаком * отмечены показатели, статистически значимые при $p \le 0{,}05$, знаком ** – показатели, статистически значимые при $p \le 0{,}01$. 2. r_s – коэффициент корреляции Спирмена, β – стандартный коэффициент регрессии.

Для матерей, безусловно принимающих своего ребенка (см. табл. 2), чаще характерно представление о своих положительных когнитивных качествах. Однако они не отмечают у себя положительных эмоционально-волевых качеств, положительных творческих качеств, отрицательных эмоциональных качеств, отрицательных качеств, проявляющихся по отношению к материальной стороне реальности.

Регрессионный анализ показывает, что указание на наличие у себя отрицательных эмоциональных качеств особенно негативно влияет на способность женщины безусловно принимать своего ребенка. Представления о наличии у себя положительных эмоционально-волевых, эмоциональных, когнитивных, творческих качеств и положительных качеств, проявляющихся в отношениях с ребенком, связаны с безусловным принятием ребенка. Таким образом, если женщина считает себя уравновешенной, терпеливой, доброй, внимательной, творческой матерью, проявляющей уважение к своему ребенку, то во взаимоотношениях с ребенком она проявляет безусловную любовь и принятие.

У матерей, положительно относящихся к себе как к родителю, в самовосприятии чаще присутствуют положительные когнитивные и эмоционально-волевые качества, но отсутствуют положительные качества, проявляющиеся в отношениях с другими людьми, положительные качества внешности и положительные психофизические качества, а также отрицательные эмоциональные, эмоционально-волевые, нравственно-моральные качества, отрицательные качества, проявляющиеся в отношениях с ребенком и по отношению к себе (см. табл. 2).

Результаты регрессионного анализа доказывают влияние представлений женщины о себе как об умной, внимательной, ответственной, честной, заботливой, отзывчивой, уважающей ребенка, доброй, нежной, терпеливой, уравновешенной матери на формирование положительного отношения к себе как к родителю.

Матери, которые поддерживают положительный эмоциональный фон в отношениях с ребенком (см. табл. 2), чаще отмечают наличие у себя положительных эмоционально-волевых и творческих качеств. У этих матерей отсутствуют представления о своих отрицательных эмоциональных, эмоционально-волевых, нравственно-моральных качествах, а также качествах, проявляющихся в отношениях с ребенком и по отношению к себе.

Согласно результатам регрессионного анализа преставления женщин о себе как о творческой, вдохновляющей, доброй, нежной, любящей, хозяйственной матери положительно влияют на эмоциональный фон взаимодействия с ребенком. Отрицательное воздействие оказывает самовосприятие таких качеств, как злость, агрессивность, тревожность, нервность, импульсивность, нетерпеливость.

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что матери, обеспечивающие телесный контакт во взаимодействии с ребенком, считают себя более терпеливыми, уравновешенными и не находят себя безнравственными. Регрессионный анализ показывает негативное влияние самовосприятия отрицательных эмоциональных качеств матери на ее способность обеспечивать телесный контакт с ребенком: женщины, считающие себя злой, тревожной, агрессивной матерью, реже стремятся к телесному контакту с ребенком, реже обнимают его и держат на руках.

У матерей, обеспечивающих эмоциональную поддержку ребенку (табл. 3), отсутствуют представления о наличии у себя отрицательных эмоциональных качеств и отрицательных качеств, проявляющихся в отношениях с ребенком. Они не считают себя злой, тревожной, агрессивной или грубой матерью, не уважающей и не принимающей ребенка. Матери, которые представляют себя творческими и вдохновляющими, чаще поддерживают своего ребенка, а матери, называющие свои отрицательные эмоциональные качества, реже проявляют участие и поддержку по отношению к ребенку.

Таблица 3

Взаимосвязи представлений матери о своих материнских качествах и поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия

Table 3

The relationship of mother's self-image of her maternal qualities and behavioural manifestations of emotional interaction

Качества матери	Блок 3. Поведенческие проявления эмоционального взаимодействия							
	Стремление к телесному контакту		Оказание эмоциональной поддержки		Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия		Умение воздействовать на состояние ребенка	
	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)	r_s (p)	β (p)
Положительные эмоционально-волевые качества	0,145* (0,031)	–	–	–	–	–	0,157** (0,019)	–
Положительные качества внешности и положительные психофизические качества	–	–	–	–	–0,171* (0,010)	–0,169 (0,018)	0,160* (0,016)	–
Положительные творческие качества	–	–	–	0,156 (0,032)	–	–	–	–
Отрицательные эмоциональные качества	–	–0,177 (0,016)	–0,168* (0,012)	–0,153 (0,036)	–	–	–0,246** (0,000)	–0,176 (0,016)
Отрицательные эмоционально-волевые качества	–	–	–	–	–	–	–0,192** (0,004)	–0,145 (0,046)
Отрицательные нравственно-моральные качества	–0,134** (0,046)	–	–	–	–	–	–0,178** (0,008)	–
Отрицательные качества, проявляющиеся в отношениях с ребенком	–	–	–0,179** (0,007)	–	–	–	–0,144* (0,032)	–
n	*223*							

Примечания: 1. Знаком * отмечены показатели, статистически значимые при $p \le 0,05$, знаком ** – показатели, статистически значимые при $p \le 0,01$. 2. r_s – коэффициент корреляции Спирмена, β – стандартный коэффициент регрессии.

Женщины, которые ориентируются на состояние ребенка (см. табл. 3), реже отмечают у себя положительные качества внешности и положительные психофизические качества. Другими словами, те женщины, которые называют себя красивыми, стильными, женственными, в меньшей степени сосредоточены на состоянии своего ребенка.

Матери, умеющие воздействовать на состояние и поведение ребенка (см. табл. 3), указывают на наличие у себя положительных эмоционально-волевых качеств, положительных качеств внешности и положительных психофизических качеств; они не отмечают у себя отрицательных эмоциональных, эмоционально-волевых, нравственно-моральных качеств, а также качеств, проявляющихся в отношениях с ребенком. Регрессионный анализ доказывает, что восприятие таких качеств, как злость, агрессивность, тревожность, импульсивность, нервность, нетерпеливость, часто отмечается у матерей, не обладающих умениями воздействовать на состояние и поведение ребенка. В табл. 4 представлены результаты регрессионного анализа, указывающие на влияние представлений женщин о своих материнских качествах на особенности детско-материнского взаимодействия.

Таким образом, сводная таблица модели регрессионного анализа представляет собой результат применения теста Дарбина – Уотсона на наличие автокорреляции (значение теста должно быть в пределах 1,5–2,5). В соответствии с полученными результатами значение теста Дарбина – Уотсона варьируется в пределах 1,6–2,1, что свидетельствует об отсутствии системных связей между остатками, т. е. между отклонениями эмпирических (наблюдаемых) значений от теоретически ожидаемых (расчетных) значений.

Коэффициент детерминации (R^2) указывает на процентное объяснение предикторами вариации компонентов самосознания. Представления о своих материнских качествах объясняют от 1 до 23 % (R^2 = 0,01–0,23) вариаций особенностей взаимодействия матери с ребенком. Отношение к себе как к родителю и чувства, возникающие в отношениях с ребенком, в наибольшей степени объясняются предикторами (22–23 %). Это обстоятельство говорит о том, что данные показатели (показатели эмоционального принятия) почти в ¼ случаев определяются тем, как женщина воспринимает свои материнские качества.

Таблица 4

Регрессионный анализ самовосприятия материнских качеств как детерминант детско-материнского взаимодействия

Table 4

Regression analysis of the determination of self-perception of maternal qualities on the features of child-mother interaction

Зависимые переменные	R^2	Степень объяснения переменной, %	*F*-критерий Фишера	Значимость взаимосвязи предикторов и зависимой переменной	Тест Дарбина – Уотсона
Способность воспринимать состояние ребенка	0,09	8,8	1,93	0,01	1,8
Понимание причин состояния ребенка	0,18	18,4	1,96	0,01	1,9
Способность к сопереживанию (эмпатия)	0,06	5,6	1,57	0,05	1,9
Чувства, возникающие во взаимодействии	0,22	22,3	3,77	0,00	2,0
Безусловное принятие	0,17	17,4	3,03	0,00	1,9
Отношение к себе как к родителю	0,23	22,7	3,83	0,00	2,0
Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия	0,19	19,1	3,28	0,00	1,8
Стремление к телесному контакту	0,08	8,2	1,86	0,01	2,1
Оказание эмоциональной поддержки	0,09	9,0	1,96	0,01	2,1
Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия	0,01	1,1	1,10	0,34	1,6
Умение воздействовать на состояние ребенка	0,10	9,5	2,02	0,01	1,9

Заключение

Эмпирическое исследование позволило выявить взаимосвязи представлений женщин о себе (самовосприятие своих материнских качеств) и особенностей их взаимодействия с детьми. Установлено, что на особенности детско-материнского взаимодействия оказывают влияние не только реальные личностные качества матерей, но и их представления о себе как о матери. Материнство является не только совокупностью поведенческих актов в отношении ребенка, но и внутренним процессом осознания женщиной самой себя как матери. Самовосприятие матери формирует ее образ *Я*, запускает эмоциональные реакции и детерминирует конкретное поведение: представления о себе создают реальный субъективный мир женщины, определяющий способ ее взаимодействия с ребенком.

Представления о своих материнских качествах являются предикторами эффективного или неэффективного детско-материнского взаимодействия. Выделены четыре группы представлений матерей о своих положительных материнских качествах, которые оказывают наибольшее положительное влияние на взаимодействие матери и ребенка:

1) представления о положительных эмоционально-волевых качествах, которые улучшают способность матери воспринимать состояние ребенка, понимать причины его поведения, способствуют возникновению положительных чувств по отношению к себе как к родителю и к ребенку, его безусловному принятию, удовлетворению потребности в телесном контакте, эффективному воздействию на ребенка и поддержанию общего положительного эмоционального фона взаимодействия;

2) представления о своих положительных эмоциональных качествах, которые оказывают наибольшее влияние на эмоциональный компонент детско-материнского взаимодействия. Эти представления важны для формирования позитивного отношения к себе как к родителю, проявления матерью положительных чувств по отношению к ребенку, эмпатии, безусловного принятия и создания благоприятного эмоционального фона в отношениях;

3) представления о положительных когнитивных качествах, которые также влияют на эмоции матери в процессе взаимодействия с ребенком. Эти представления о себе воздействуют на понимание ребенка, а также на формирование положительных чувств по отношению к нему и к себе в родительской роли;

4) представления о положительных творческих качествах, которые положительно влияют на эмоциональный и поведенческий компоненты взаимодействия. Эти представления матери способствуют проявлению эмоциональной поддержки ребенка, безусловного принятия, возникновению положительных чувств и поддержанию положительного эмоционального фона взаимодействия с ребенком.

Представления женщин о наличии отрицательных материнских качеств, особенно эмоциональных, нравственно-моральных, эмоционально-волевых качеств и качеств, проявляющихся в отношениях с ребенком, связаны с существенными трудностями в детско-материнском взаимодействии. Так, представления женщины о себе как о злой, тревожной, агрессивной матери оказывают негативное влияние на все компоненты взаимодействия матери и ребенка. Это влияние мешает пониманию ребенка и формированию умения воздействовать на него, препятствует проявлению матерью безусловного принятия и поддержки, обеспечению телесного контакта, трансляции положительных чувств по отношению к ребенку и положительного отношения матери к себе, ухудшает эмоциональный фон взаимодействия в целом. Представления матери о наличии у себя отрицательных эмоционально-волевых качеств негативно влияют на эмоциональный фон общения матери с ребенком и ее умение воздействовать на состояние ребенка. Убежденность матери в наличии у себя отрицательных нравственно-моральных качеств негативно влияет на способность матери к эмпатии. Грубость, жестокость, насилие и другие отрицательные качества, которые женщина видит у себя, когда она общается с ребенком, также связаны с отсутствием положительных чувств матери по отношению к своему ребенку.

Исследование самовосприятия качеств матери как одной из составляющих когнитивного компонента ее самосознания и особенностей детско-материнского взаимодействия позволило выявить их взаимосвязь. Результаты данного исследования являются полезными не только в научном плане. Они открывают путь для практической реализации полученных данных о самосознании матерей и его влиянии на общение с ребенком. Формирование у женщины определенного содержания самовосприятия, его психологическая коррекция позволят улучшить качество общения матери и ребенка, найти более продуктивные способы детско-материнского взаимодействия, а также улучшить отношение женщины к себе как к родителю.

Более детальному исследованию подлежит вопрос об относительном влиянии воспринимаемых женщиной материнских качеств на ее взаимодействие с ребенком. Полученные результаты позволяют поставить новый исследовательский вопрос: «В какой степени субъективно воспринимаемые женщиной материнские качества влияют на взаимодействие с ребенком по сравнению с воздействием реально выраженных личностных материнских качеств?»

Библиографические ссылки

1. Валитова ИЕ, Киричик ЕС. Динамика оценки матерью эмоционального компонента взаимодействия с ребенком в контексте его возрастного развития. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія*. 2024; 14(3):159–170. EDN: GFJGCP.

2. Бернс Р. *Развитие я-концепции и воспитание*. Гнедовский МБ, Ковальчук МА, переводчики; Пилиповский ВЯ, Парамонова НИ, Дорогова ЛИ, редакторы. Москва: Прогресс; 1986. 421 с.

3. Василюк ФЕ. Структура образа. *Вопросы психологии*. 1993;5:5–19. EDN: CQIQQU.

4. Роджерс КР. *Взгляд на психотерапию. Становление человека.* Исенина ММ, переводчик; Исенина ЕИ, редактор. Москва: Прогресс; 1994. 479, [1] с. Совместно с издательством «Универс».

5. Устинова НА. Материнство как специфическое новообразование самосознания и личности женщины. *Мир науки, культуры, образования*. 2011;4(часть 1):76–79. EDN: PBEEIR.

6. Фрейд З. *Основной инстинкт*. Гуревич ПС, составитель и редактор. Москва: Олимп; 1997. 656 с. (Классики зарубежной психологии). Совместно с издательством «АСТ-ЛТД».

7. Винникотт ДВ. *Семья и развитие личности. Мать и дитя*. Грузберг А, переводчик. Екатеринбург: Литур; 2004. 400 с. EDN: QTTZGT.

8. Bowlby J. *Maternal care and mental health.* Geneva: World Health Organization; 1952. 194 p.

9. Badinter E. *Mother love: myth and reality.* New York: Macmillan; 1981. XXIII, 360 p.

10. Пономарева ЕВ. Представления взрослых об образе материнства. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2014;1(часть 1):474–481. EDN: SDNDOX.

11. Исенина ЕИ. О некоторых понятиях онтогенеза базовых качеств матери. *Перинатальная психология и психология родительства*. 2003;4–5:49–63.

12. Васягина НН. Специфика и содержательное наполнение самосознания матери. *Педагогическое образование в России*. 2007;2:75–84.

13. Холмогорова АБ. Философско-методологические аспекты когнитивной психотерапии. *Московский психотерапевтический журнал*. 1996;3:3–28. EDN: SGNIVD.

14. Валитова ИЕ. Реабилитационная активность матери при неврологической патологии ребенка раннего возраста. *Психология. Психофизиология.* 2021;14(1):76–87. EDN: VYIJZD.

15. Валитова ИЕ. Типология взаимодействия матери и ребенка раннего возраста с отклонениями в развитии вследствие неврологической патологии. *Национальный психологический журнал*. 2022;2(46):45–55. EDN: JVXGXS.

16. Захарова ЕИ. Опросник для исследования эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия. *Семейная психология и семейная терапия*. 1997;1:67–77.

Статья поступила в редколлегию 12.01.2026.
Received by editorial board 12.01.2026.

Социальные исследования

Social researches

УДК 101.1:316

НАУКА, ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРЕКАРНОСТЬ ТРУДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Л. Г. ТИТАРЕНКО[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Показано, что в условиях глобальной цифровой трансформации повсеместно усиливается процесс прекаризации трудовой деятельности, который затрагивает все сферы и профессии. В отношении занятых в науке прекаризация проявляется уже на этапе построения ранней научной карьеры (низкие зарплаты при высокой интенсивности трудовых затрат), что часто становится причиной эмиграции молодых научных кадров. В системе высшего образования рост учебной нагрузки, бумажной отчетности и чрезмерный контроль вызывают стресс у педагогов и снижают их удовлетворенность трудом. Эти обстоятельства повышают прекарность преподавательского труда, снижают его качество, а вместе с ним и качество получаемого молодежью образования. Отмечено, что низкая удовлетворенность трудом не компенсируется заработной платой, не стимулирует социально значимой ценностной мотивации и увеличения человеческого капитала работников.

Ключевые слова: прекаризация труда ученых и педагогов; цифровая трансформация; капитализм; глобализация; удовлетворенность трудом.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г26МС-006).

Образец цитирования:
Титаренко ЛГ. Наука, высшее образование и прекарность труда в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;2:25–29.
EDN: RBEVXR

For citation:
Titarenko LG. Science, higher education and precarity of labour in modern society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;2:25–29. Russian.
EDN: RBEVXR

Автор:
Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by
https://orcid.org/0000-0002-5729-1430

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2026;2:25–29
Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2026;2:25–29

SCIENCE, HIGHER EDUCATION AND PRECARITY OF LABOUR IN MODERN SOCIETY

L. G. TITARENKO[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. It has been shown that, in the context of global digital transformation, the precarisation of labour is intensifying across the board, affecting all sectors and professions. In science, precarisation manifests itself in an early research career (low salaries combined with high labour intensity), which often serves as a catalyst for the emigration of young researchers. In higher education, increasing teaching loads, paperwork, and excessive oversight lead to stress and decreased job satisfaction among teachers. This increases the precariousness of teaching, reducing its quality, and, consequently, the quality of education received by young people. Low job satisfaction is not compensated for by wages, and it does not stimulate socially significant value-based motivation or the growth of workers' human capital.

Keywords: precarity of labour in science and higher education; digital transformation; capitalism; globalisation; work satisfaction.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Belarusian Republic Foundation for Fundamental Research (grant No. G26MS-006).

Введение

В процессе глобальной цифровой трансформации, сопровождающейся автоматизацией и роботизацией производственных процессов, повсеместно усиливается процесс прекаризации трудовой деятельности [1]. Иными словами, происходит массовый переход наемных работников к неустойчивым формам занятости, для которых характерны отсутствие социальных гарантий, высокая зависимость от работодателя или алгоритмов, которые создают некомфортные условия труда и повышают уровень стресса наемных работников независимо от сферы их занятости [2; 3]. Термин «прекариат» был введен британским экономистом Г. Стэндингом, определившим прекариат как опасный класс капиталистического общества, который становится новым эксплуатируемым классом, продающим свою рабочую силу ради выживания и лишенным уверенности в будущем [4]. В наибольшей степени прекаризация проявляется в сферах производственного труда, причем как в развитых странах Европы, так и развивающихся странах Азии [5; 6], где быстро увеличилось количество социальных групп, лишенных постоянной работы, не получающих социальных льгот и защиты интересов на институциональном уровне. В исследованиях была выявлена связь между прекарностью труда и самооценкой удовлетворенности трудом, которая свидетельствует о росте негативных тенденций в трудовой сфере.

Прекаризация труда имеет место везде, где существуют капиталистические отношения, поскольку ориентация на прибыль заставляет работодателей не считаться с интересами наемных работников. Исследования, проводимые в России, выявили прекаризацию не только труда, но и образа жизни работающего населения [7]. Труд наемных работников все реже приносит им удовлетворенность жизнью, поскольку ни заработная плата, ни условия труда не отвечают потребностям в творческом развитии личности и не дают даже возможности удовлетворять основные человеческие потребности, поскольку этот труд забирает слишком много времени и сил. Не случайно уже почти два десятилетия назад исследователи ставили вопрос, живут ли люди для того, чтобы работать и просто выживать, или работают, чтобы жить? [8] Судя по результатам российских опросов, «можно утверждать о появлении и распространении нового социального феномена – прекаризации жизни» [9, с. 91].

Цель статьи – на основе анализа отечественных и зарубежных публикаций выделить тенденции прекаризации труда, отражающие происходящие изменения, и показать, что эти тенденции в настоящее время характерны для работников умственного труда таких интеллектуальных сфер, как наука и высшее образование. Поскольку эта социальная группа в основном представлена российской (или постсоветской) интеллигенцией, современное состояние прекарности их труда ставит проблему существенных изменений интеллигенции (ее превращения в одну из многих социальных групп наемных работников). Считается, что интеллигенция своей профессиональной интеллектуальной деятельностью в науке, образовании, искусстве и других сферах создает, воспроизводит и развивает культурные ценности, способствуя просвещению общества. Попытаемся определить, насколько ей присущи характеристики прекариата и правомерен ли такой исследовательский вопрос вообще.

Становятся ли работники науки прекариями?

Для поиска ответа на поставленный вопрос обратимся к упомянутому многолетнему исследованию жизненного мира работающего населения России, проводившемуся почти десятилетие под научным руководством Ж. Т. Тощенко. В обобщающей эти исследования монографии глава, посвященная ученым, предельно логична и хорошо аргументирована. Авторы пишут, что современные условия научного труда не являются творческими, они не способствуют развитию научных работников [9, с. 247]. Продукты их труда принадлежат не самим ученым, а государству или собственнику научной фирмы, они отчуждаются, а «ученый превращается в пролетария» [9, с. 249]. Сами научные работники все чаще оценивают свой труд главным образом как источник средств существования. В российском рыночном обществе наука стала сферой услуг, а ученые потеряли свой прежний привилегированный статус. В отношении ученых делается вывод о том, что они трансформировались в «новый тип пролетариата», потеряли не только право на произведенные ими продукты, но и «право на труд, отчуждаемый вместе с научным продуктом» [9, с. 260]. Исследование подтвердило, что в эпоху капитализма и цифровой трансформации общества профессии, которые ранее считались интеллектуальными, приблизились по условиям труда к профессиям наемных работников.

Сходный вывод в отношении США и других развитых стран Запада был сделан еще в конце XX в. американским социологом Дж. Ритцером. В рамках концепции макдональдизации общества Дж. Ритцер утверждал, что все основные сферы деятельности стали функционировать как рестораны быстрого питания сети «Макдональдс», что резко снизило социальный статус профессий, требующих высшего образования и креативности, повысило неудовлетворенность трудом и стало еще одним свидетельством роста отчуждения работников в условиях кризиса либеральной экономики [10]. В современных международных обзорах развития науки фиксируется системный характер проблемы академической прекарности, решать которую нужно посредством институциональных изменений в управлении наукой, реформирования системы финансирования, критериев оценки результативности и политики благополучия исследователей [11]. Исследования фиксируют, что молодые ученые также подвергаются эксплуатации и ощущают прекарность и своего труда, и социального положения в науке [11]. Более того, прослеживается негативное влияние стрессогенного положения молодых ученых на их здоровье и на прогнозы будущей продуктивности карьеры [12]. Актуализируется проблема удержания молодых кадров в науке, решение которой в зарубежных странах ученые связывают с необходимостью снизить жесткий надзор за аспирантами и молодыми кандидатами, дать им четкие перспективы роста, создать условия для повышения удовлетворенностью трудом [13]. В российской науке уже давно отмечается значимость создания новых механизмов закрепления молодежи в науке [14], что требует улучшения не только экономических, но и социальных и институциональных условий [15].

В сфере науки двойственность цифровой трансформации проявляется в том, что, с одной стороны, цифровизация и инновационные технологии расширяют возможности научной коммуникации молодых ученых, с другой стороны, они усиливают риски цифрового неравенства и нестабильности жизненных стратегий. Очевидно, что наука не сможет в полной мере выполнять свои креативные инновационные функции в современном обществе, если труд большинства ученых будет прекарным. В условиях глобальной цифровизации лучше работают позитивные стимулы труда (ценности развития), нежели мобилизационные стимулы (ценности выживания). Если ученые не ощущают весомой институциональной поддержки, они задумываются о миграции или покидают сферу науки, чтобы заняться бизнесом. В российско-белорусском исследовании научной продуктивности и миграции научных кадров посредством применения библиометрического подхода было выявлено, что в период с 2008 по 2019 г. масштабной миграции не было, но в России наблюдались циркуляционная и безвозвратная миграция части научных кадров, а в Беларуси происходила маятниковая миграция, которую отметили более трети всех обследованных ученых [16, с. 197], при этом величина диаспоры (безвозвратная миграция) лишь немногим превышала 10 %.

Миграция научных кадров является одним из доказательств неудовлетворенности ученых с высоким потенциалом условиями работы и жизни, а также индикатором их надежд найти лучшее место. В развитых западных странах заработная плата ученых в 3–4 раза выше, чем в России. Однако на каждое место необходимо пройти по конкурсу, который не менее жесткий, чем дома. Исключением являются приглашенные ученые, но приглашение дается на конкретный срок и редко продляется. Большинство мигрантов игнорируют тот факт, что хорошо устроиться в новой стране надолго нелегко, если только ты не ученый с мировым именем. В связи с этим за рубежом они остаются на позициях, близких к прекарным (с учетом особенностей страны-реципиента).

Высшее образование

Работники учреждений высшего образования в постсоветской реальности также превратились из ранее привилегированной социальной группы в одну из многих групп прекарного труда. В упомянутой работе о прекарности жизненного мира россиян отмечается, что современная сфера высшего образования ориентирована на формирование инструментальных ценностей и достижение соответствующих целей, т. е. она сблизилась со сферой обслуживания [9, с. 223]. В такой ситуации ухудшилось и положение занятых в ней специалистов. Например, получая среднюю по стране заработную плату, белорусские преподаватели вынуждены выполнять нагрузку, значительно превышающую нормы, существовавшие в советское время. Ухудшение базовых условий труда этой группы произошло постепенно, так что ее престиж для лиц, далеких от сферы высшего образования, еще сохраняется. Однако сами педагоги этого не ощущают, поскольку их деятельность строго контролируется и регламентируется, а пребывание в должности связано с регулярным прохождением конкурса на замещение якобы существующей вакансии, причем требования постоянно возрастают. В престижных учреждениях высшего образования России профессор, кроме выполнения учебной нагрузки, обязан иметь научные гранты и публикации в высокорейтинговых журналах, индексируемых в базах данных Scopus, Web of Science и RSCI, не получая за эти статьи дополнительной платы. В белорусских учреждениях высшего образования действует сходная система конкурсов: после прохождения конкурса преподавателю предлагают подписать контракт, который может быть даже на один год. Такой порядок провоцирует стресс и фрустрацию у педагогов, заставляет тратить время на подготовку документов, которые в принципе уже имеются у администрации в форме годовых отчетов. Рост бюрократизации сферы образования был метко назван бюропатологией и детально описан в ряде российских публикаций [17]. Любые замечания администрации могут привести к разрыву контракта, хотя желающих работать в высшей школе не так много.

Нельзя не отметить, что положение преподавателей в университетах так называемого Глобального Севера также ухудшилось. Как отмечают исследователи, все больше преподавателей получают при приеме на работу временные позиции ассистентов или внештатных преподавателей, причем их пропорции по разным странам варьируются от 16 до 70 %. Такой подход, увеличивающий прекарность труда педагогов, позволяет учебным заведениям экономить на их заработной плате и не предоставлять социальных гарантий [18]. Обычно только профессура имеет постоянные должности в штате университета. В связи с этим постоянная гарантированная работа для многих преподавателей становится иллюзией [19].

В России за последние 10 лет при росте числа студентов[1] количество ставок в учреждениях высшего образования сократилось почти в 2 раза. В Беларуси за 15 лет число студентов уменьшилось почти в 2 раза, поскольку было закрыто заочное обучение, резко сократился набор на платное обучение. Число ставок тоже сократилось. Многие преподаватели работают в двух местах, чтобы повысить доход. Как и в других сферах, усталость от переработок больше влияет на старшую возрастную группу преподавателей: наиболее легко сверхурочный труд способны выдерживать молодые работники с высоким потенциалом здоровья, в то время как возрастные работники стремятся к соблюдению баланса относительно времени труда и отдыха. Не случайно в СССР нагрузка снижалась вместе с повышением статуса: у профессора она была значительно меньше, чем у молодого ассистента. Такой же подход практиковался в зарубежных развитых странах: чем выше квалификация, тем меньше аудиторной нагрузки; акцент делался на индивидуальной работе с перспективными студентами и аспирантами. Всеобщая «уравниловка» создала фордистские условия труда для преподавателей старшего возраста. Отказ от дифференциации труда преподавателей в зависимости от результатов (количество публикаций) и научного статуса привел к тем же результатам, что и в науке (прекаризация, уравнение интеллигенции в ее социальной позиции с другими эксплуатируемыми группами наемного труда).

Молодые преподаватели, не имеющие достаточного опыта, по приходе в университет также испытывают проблемы: они остро нуждаются в методической и персональной помощи со стороны более опытных педагогов. Система наставничества в высшем образовании, к сожалению, пока не укоренена на постоянной основе, хотя ее использование дает хорошие результаты [20].

Ситуация прекаризации труда не меняется в условиях роста его цифровизации. Как отмечает Дж. Ритцер [21], просто прибавились новые возможности цифрового контроля, возникли формы непрямой манипуляции поведением преподавателей, не способствующие росту качества труда и удовлетворенности им.

Прекарность труда работников университетов растет от усложнения работы с современным поколением студентов – зумерами, которые имеют «на входе» в учреждение высшего образования более низкие учебные показатели, чем миллениалы, или поколение *Y*. Этот процесс, связанный с марке-

[1]Количество студентов российских вузов увеличилось за год более чем на двести тысяч // Дем.информ : сайт. URL: https://deminform.ru/news/kolichestvo-studentov-rossiyskikh-vuzov-uvelichilos-za-god-bolee-chem-na-dvesti-tysyach (дата обращения: 26.01.2026)

тизацией высшего образования, является глобальным и затрагивает все университеты. Как отмечает редактор издания *Times Higher Education* британец К. Хавергал, сегодня абитуриенты все чаще имеют квалификацию «от низкой до никакой»[2] (перевод наш. – *Л. Т.*).

Заключение

Человеческий капитал, накопленный социальными группами творческого умственного труда, является ключевым ресурсом для перехода к экономике, основанной на знаниях. Общество должно заботиться о приумножении этого капитала, воплощенного в труде квалифицированных специалистов. Однако вместе с глобальной трансформацией мира изменился и характер труда лиц, прежде считавших свой труд привилегированным. Преподаватели и ученые, как массовые слои наемных работников, подверглись прекаризации, лишившись возможности считать свой труд творческим. Глобальная рыночная конкуренция оказалась слишком жесткой, а интересы прибыли – более важными, чем забота об удовлетворенности наемных работников трудом. Формируется новая глобальная и региональная «нормальность», которая далека от утопий общества, где труд каждого может быть общественно полезен и достойно оценен.

Библиографические ссылки

1. Acemoglu D, Autor D. Skills, tasks and technologies: implications for employment and earnings. In: Ashenfelter O, Card D, editors. *Handbook of labor economics. Volume 4B.* Amsterdam: Elsevier; 2011. p. 1043–1171. DOI: 10.1016/S0169-7218(11)02410-5.

2. Козина ИМ, Серёжкина ЕВ. Производственные факторы стресса в работе российских и французских IT-специалистов. *Социологические исследования.* 2019;5:26–35. DOI: 10.31857/S013216250004950-8.

3. Glavin P, Schieman S. Dependency and hardship in the gig economy: the mental health consequences of platform work. *Socius.* 2022;8:1–13. DOI: 10.1177/23780231221082414.

4. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс.* Усова Н, переводчик. Москва: Ад маргинем пресс; 2014. 328 с.

5. Kalleberg AL, Hewison K, Shin K-Y. *Precarious Asia: global capitalism and work in Japan, South Korea, and Indonesia.* Redwood City: Stanford University Press; 2022. 248 p. DOI: 10.1515/9781503629837.

6. Lee C. China's precariat. *Globalizations.* 2019;16(2):137–154. DOI: 10.1080/14747731.2018.1479015.

7. Тощенко ЖТ, редактор. *От прекарной занятости к прекаризации жизни.* Москва: Весь мир; 2022. 364 с.

8. Burke RJ. Working to live or living to work: should individuals and organizations care? *Journal of Business Ethics.* 2009; 84(2):167–172. DOI: 10.1007/s10551-008-9703-6.

9. Тощенко ЖТ, редактор. *Жизненный мир работников: устойчивость versus прекарность.* Москва: Весь мир; 2024. 462 с.

10. Ritzer G. *McDonaldization of society.* London: Pine Forge Press; 1993. 221 p.

11. *Reducing the precarity of academic research careers.* Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development; 2021. 68 p. (OECD science, technology and industry policy papers; no. 113). DOI: 10.1787/0f8bd468-en.

12. Cilli E, Ranieri J, Guerra F, Di Giacomo D. Early career researchers and mental health: observational study of challenge and wellbeing. *Health Science Reports.* 2023;6(11):e1649. DOI: 10.1002/hsr2.1649.

13. van der Weijden I, Teelken C. Precarious careers: postdoctoral researchers and wellbeing at work. *Studies in Higher Education.* 2023;48(10):1595–1607. DOI: 10.1080/03075079.2023.2253833

14. Денисенко МБ, Мкртчян НВ. Демографические изменения и предложение рабочей силы в регионах России. *Демоскоп Weekly.* 2022, 951–952:21–40. EDN: UIDYFI.

15. Кадышева ОВ. Тенденции и закономерности процессов международной миграции в эпоху глобализации. *Вестник Института экономики Российской академии наук.* 2016;5:203–212. EDN: WVOVFB.

16. Пушкевич СА, Юревич МА. Миграционные паттерны научных кадров в Беларуси и России. *Управление наукой: теория и практика.* 2020;2(4):188–203. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.4.8.

17. Осипов АМ. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюропатологий. *Вестник Института социологии.* 2023;14(2):15–33. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.2.

18. Crutchley J, Nahaboo Z, Rao N. Precarious academic citizens: early career teachers' experiences and implications for the academy. *Teaching in Higher Education.* 2024;29(3):789–809. DOI: 10.1080/13562517.2023.2298822.

19. Kahn P, Moreau M-P, Gagnon J. Precarity and illusions of certainty in higher education teaching. *Teaching in Higher Education.* 2024;29(3):699–706. DOI: 10.1080/13562517.2024.2326403.

20. Амбарова ПА. Научное наставничество в высшем образовании: коммуникативный подход к интерпретации. *Социологические исследования.* 2025;2:40–51. DOI: 10.7868/S3034601025020044.

21. Ritzer G. *McDonaldization of society: into the digital age.* Thousand Oaks: Sage; 2020. 232 p.

Статья поступила в редколлегию 22.03.2026.
Received by editorial board 22.03.2026.

[2]Empowering global higher education // Times Higher Education : website. URL: https://newsletters@timeshighereducation.com (date of access: 18.03.2026).

УДК 101.1:37.018:004.738.5

ПРЕОБРАЗУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ И ПЛАТФОРМ ОНЛАЙН-ОБУЧЕНИЯ НА КИТАЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

ВАН ЧЖЭНЬЦЯНЬ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь*

Аннотация. Изучаются изменения в образовательной сфере Китая, происходящие под влиянием цифровых решений, ключевую роль в которых играют сервисы *Tencent Classroom* и *XuetangX*, облачные сервисы компании *NetEase*. Основное внимание уделяется авторской идее цифрового цзюнь-цзы – образцового студента нашего времени, который воспитывается с помощью интеллектуальных алгоритмов искусственного интеллекта и конфуцианских представлений о человечности, ритуалах и пути к совершенству. Отмечается, что Китай опережает другие страны в использовании цифровых технологий в исследованиях: более 16 млн людей являются активными пользователями услуг массовых открытых онлайн-курсов благодаря распространению опыта в зоне реализации инициативы «Один пояс – один путь», которая разрушает рамки традиционной системы образования Китая.

Ключевые слова: цифровой цзюнь-цзы; синтез конфуцианства и технологий; услуги массовых открытых онлайн-курсов; искусственный интеллект; образование; гуманность; ритуал; самосовершенствование личности; цифровой Китай.

THE TRANSFORMATIVE IMPACT OF TECHNOLOGICAL INNOVATION AND ONLINE LEARNING PLATFORMS ON CHINESE EDUCATION IN THE INFORMATION AGE

WANG ZHENQIAN[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The presented article is devoted to changes in the educational sphere of China under the influence of digital solutions, where services such as *Tencent Classroom* and *XuetangX*, *NetEase* cloud services play a key role. The focus is on the author's idea of digital junzi – a sample student of our time, who is brought up by smart artificial intelligence algorithms along with Confucian ideas about humanity, rituals and the path to perfection. China is ahead of the curve in introducing numbers into studies, as evidenced by the scale: over 16 mln active users of massive open online course services, with the promotion of experience on the initiative «Belt and road», which destroys the framework of China's traditional education system.

Keywords: digital junzi; synthesis of Confucianism and technology; massive open online course services; MOOC services; artificial intelligence; AI; education; humanity; ritual; self-improvement of personality; digital China.

Образец цитирования:
Ван Чжэньцянь. Преобразующее влияние технологических инноваций и платформ онлайн-обучения на китайское образование в информационную эпоху. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;2:30–35 (на англ.).
EDN: SYETGY

For citation:
Wang Zhenqian. The transformative impact of technological innovation and online learning platforms on Chinese education in the information age. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;2:30–35.
EDN: SYETGY

Автор:
Ван Чжэньцянь – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент А. С. Комаровская.

Author:
Wang Zhenqian, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
zhenqianwang608@gmail.com

Introduction

In the 21st century technological innovation is rapidly changing our lifestyles and social structures. One of the most important areas is education, which has always been considered the most important pillar of the nation and society. China is leading this transformational process, with more than 16 mln educational platform users to date and a 45–80 bln dollars educational technology market. The country is creating a global digitalisation benchmark by exporting platforms through initiative «Belt and road».

However, with the continuous development of technology, traditional teaching methods and models have undergone profound changes. Education is no longer limited to traditional classroom learning, but is entering the digital age, becoming more diversified and globalised through new technologies such as online learning platforms (massive open online course, MOOC).

The Chinese case is obviously one of the best research subjects, since only here there is an unprecedented scale of users of online educational platforms, state education policy that implements digitalisation as a national strategy and unique philosophy. These three pillars of modern China in the field of education make it possible to synthesise technology and ethics into a model of global importance and make a leap from digital China to the Eurasian educational future.

The purpose of the article is to investigate the influence of online platforms on the Chinese education system, to identify how Chinese MOOC platforms implement technological Confucian synthesis, turning students into a relevant form of junzi through the integration of personalisation algorithms with the basic principles of Confucianism: humanity, ritual and self-improvement, to create a harmonious knowledge society within the framework of the modern educational system.

An obvious innovation of the study is the conceptual model of digital junzi proposed by the author, which is being formed by technological Confucian synthesis. In this process, Chinese MOOC platforms act as an infrastructure for Confucian self-improvement in the digital age, synthesising artificial intelligence (AI) personalisation with key principles of Confucianism, turning the mass student into an autonomous digital junzi.

Main part

Confucian thought formed the foundation of education in China, presenting it as a moral path to social harmony. Teacher Confucius in conversations «Lun Yu» spent his studies as everyday work: «To engage in knowledge and return to it on time is not it a joy?» [1, p. 3]. This is how junzi was born – a man of honor, managing through valour: «A noble eats without satisfying hunger to his fullness, lives without pretensions of comfort, is quick to work, is prudent in speeches and is looking for a way to himself in Tao. Here is who appreciates teaching» [1, p. 5]. He insisted on equality of chances: «The doctrine does not divide by rank; all who are drawn to good are worthy» [1, p. 80]. The main thing is personal growth: «I was fifteen – I rushed to knowledge, stood firm at thirty, did not know forty doubts» [1, p. 6]. Since the 7th century keju has been introduced: tests on sacred books were put at the service of the capable, and not the offspring of the nobility.

It was based on ren, the Confucian category, which is often translated into European languages as humanity, while the Confucius conveyed through this category one of the characteristic features of a mentor – devotion to people, heart to people. The order is also based on whether the necessary component for self-discipline and eternal progress: «Repeating what you have passed, grab the new – here is a real teacher» [1, p. 7].

This line stretches to the present day. China's modern education system is undergoing a stage of technological modernisation, where the central role is played by the consolidation of online platforms as a single network of digital services that combines educational materials, interactive modules and knowledge acquisition control systems. Such systems provide unprecedented knowledge coverage to students, faculty, and universities, ensuring adaptability, expansion, and individualisation. These grounds are unconditional prerequisites for the formation of digital junzi.

Chinese online learning platforms refer to «…internet platforms that provide a variety of educational materials and learning resources, usually including online courses, educational videos, e-books, exercises, exam preparation materials, and education-related social interaction tools. These platforms are aimed at meeting the needs of students of different ages and training requirements, from basic education to higher education and vocational training»[1] [2, p. 6].

The development of these platforms embodies technological Confucian synthesis. Having emerged as additional tools, they have grown into full-fledged interaction environments due to «improving the technological infrastructure, diversifying the content of the course, introducing online assessment tools and wider user participation» [2, p. 11]. It is in this environment that the principle of incessant self-improvement is being revived today, where digital exams replace the ancient keju exam system.

[1]Here and further translated by us. – *W. Zh.*

Digital junzi formation is supported by the following online platforms:

• *Tencent Classroom* – «an online learning platform run by Chinese internet giant Tencent, offering a variety of courses and learning resources, including open courses, professional courses and K-12 educational resources» [3, p. 5]. The learning algorithm of this platform is an up-to-date version of the traditional ritual, suggesting the daily practice of performing the proposed tasks by students at all stages of the K-12, preparing for gaokao;

• *NetEase Cloud Classroom* – «an online learning platform managed by NetEase that provides students and professionals with a wide range of educational content that mostly implements social functions» [3, p. 5]. The multidisciplinary content of this online platform is aimed at implementing the principle of humanity through the formation of collective values;

• MOOC platforms – «Chinese universities and educational institutions actively participate in MOOC global projects, such as MOOC of China University» [3, p. 5], integrating national education standards into the international educational space. Thus, the spread of China's educational culture is one of the mechanisms of China's soft power;

• *XuetangX* – «Tsinghua University-supported online learning platform offering high-quality academic courses and professional training» [3, p. 5].

These systems crystallise the three pillars of modern Chinese education (scale, public policy, and Confucian basis) becoming a digital framework for autonomous digital junzi in a harmonious knowledge society.

Chinese digital education services stand out for their exceptional scope and targeted government support, making them role models around the world in online learning. While Western services mainly make money on content, platforms such as *Tencent Classroom*, *NetEase Cloud Classroom*, *XuetangX* and national MOOC platforms from Chinese universities are closely related to government policy and the latest developments. They attract tens of millions of learners and create an e-learning marketplace. These systems go beyond just disseminating information. They purposefully revive the Confucian pattern of the sage in digital format, helping each student to gain independence in mastering balanced knowledge.

All these resources strive for a common task that can be determined how to grow a digital junzi through a fusion of smart technologies and Confucian ideas like humanity, ritual and personal growth. For example, in *Tencent Classroom* platform, daily tasks on algorithms repeat the ancient ritual of preparing for the gaokao exam, instilling order and stable growth. *NetEase Cloud Classroom* platform emphasises group communication, developing humanity through shared values and a wide range of topics. Tsinghua University's *XuetangX* platform opens the door to elite learning for the masses, making it easier to access deep knowledge, and MOOC projects weave Chinese approaches into the global space, strengthening the country's influence around the world. Together they form a network where artificial intelligence supports, rather than supplants, a person's personal abilities.

This approach clearly shows the main task: to break down the old barriers in education through the merger of technology and Confucianism, raising the ideal inhabitant of digital China – a person who improves himself, follows ethics and is ready for the difficulties of the new era. These platforms do not split the study process, but build a path from an ordinary student to a new generation junzi, where smart recommendations are in harmony with the principles of self-control and balance. As a result, China offers the world a benchmark in which technology works not only for speed, but also for uplifting spirit and personality.

By deepening the synthesis of technology and Confucianism, China's online platforms are breaking down the barriers of traditional education, paving the way for universal self-improvement. Students go beyond geographical remoteness, rigidity of learning schedules and lack of infrastructure, gaining knowledge even in remote provinces previously cut off from the educational process. The diversity of digital content embodies humanity, making Tsinghua training courses available to millions of *XuetangX* users.

Personal study routes enliven the Confucian place about independent growth. Flexible planning for the individual rhythm of life elevates the strategy of education through life to the rank of the national smart education standard: «…the conflict between the traditional Chinese emphasis on political pragmatism and the classical preservation of the ontological significance of knowledge from the West has never mixed well. The ideal of integrating Chinese and Western ideas was never realized» [4, p. 302]. Digital platforms remove this contradiction by combining practical training in gaokao with a philosophical desire for truth.

Artificial intelligence is perceived only as the core of digital junzi. By analysing competencies, systems match material pointwise, personalisation «…helps students learn more efficiently because they can focus on areas of interest, fill their knowledge gaps, and progress at their own pace. It also helps to improve student engagement and learning achievement» [5, p. 9]. *Tencent Classroom* algorithms lay unique paths, where the ritual manifests itself in measured advancement, synchronised with the student's life goals.

The quality of education is improved through innovative tools. Multimedia formats, live discussions and interactive *NetEase Cloud Classroom* replace classical lectures with digital cognition ceremonies. Technology «provides more opportunities for assessment and feedback, which helps educators better understand the needs and progress of students, thereby better meeting

their academic requirements» [6, p. 31]. Instant feedback embodies Confucian pedagogy, where the teacher leads the mentee to the heights of wisdom.

Thus, the positive effects of online platforms: accessibility, personalisation, high quality education, systemically embody technological Confucian synthesis, giving rise to digital junzi. A citizen is born from a mass student, ready for the harmonious society of digital China knowledge and the challenges of the modern world.

Touching on the shadow side of the synthesis of technology and Confucianism, we can say that Chinese online platforms are revealing cracks in the foundation of the junzi. The main conflict is a technological split that fuels inequality. In the remote corners of the country and poor counties, students do not have a stable Internet and gadgets, losing the chance to gain knowledge, violating or completely eliminating the principle of humanity proclaimed by *XuetangX*.

Infrastructure imbalances exacerbate the gap for peripheral layers, and weak digital learning skills block the effectiveness of available online platforms. The independence of online forms gives rise to apathy, breaking the ritual: «…the lack of direct observation and atmosphere in the classroom, as well as the autonomy of the curriculum, can lead to problems such as delay, reduced learning ability and academic dishonesty. In addition, students may feel lonely and lack interaction with peers and teachers, which may affect their learning experience and academic achievement» [5, p. 3].

Data protection deforms the integrity of the digital junzi. Collecting the grades, study styles and personal information of millions is dangerous. Student data «…may be at risk of being hacked or misused without permission. Students and parents are also concerned that their data may be used for commercial purposes by advertisers or other third parties» [7, p. 17]. Monetising student habits is at odds with the Confucian desire for purity: education is not for monetary gain, but for truth.

Within the world space, China's experience highlights global risks, for example, «the authors justify the need to create a Belarusian digital university model that will take into account the traditions and values of Belarusian society, the accumulated experience and practice of Belarusian scientific schools, without blind copying successful foreign models» [8, p. 78–79]. This is a positive perception of the Chinese digital education initiative, where the digital junzi calls for a Eurasian rethink, demonstrates the need to abandon the mechanical transfer of elements of China's education system, requiring individual adaptation of digital environments to unique cultural grounds to maximise the result.

Future outlook and recommendations

In the long term, digital innovation will continue to radically transform the architecture of Chinese education. Key developmental trajectories include the institutionalisation of virtual and augmented reality technologies enabling immersive cognitive practices, as well as the dominance of artificial intelligence in personalised educational ecosystems. AI algorithms will systematically tailor instructional content and guidelines to individual cognitive profiles and student learning trajectories. In parallel, mobile learning and social media platforms will strengthen communication and collaborative functions, forming network models of interaction.

A set of institutional measures is needed to level the identified contradictions. Firstly, the implementation of subsidiary programmes of technical equipment and infrastructure support guarantees equal access to digital resources for all social strata. Secondly, the systematic professionalisation of teaching staff through certified programmes to improve information and communications technology competence will optimise motivational mechanisms and student engagement.

It is necessary to develop a systematic regulatory framework for the protection of personal information in the educational sphere. The state is obliged to construct a regime of increased legal rigour, integrating preventive control mechanisms with adequate sanctions for privacy violations. In educational policy, a conceptual priority of innovative technologies is required, supported by grant and infrastructure incentives for universities in the process of digital transformation. Additionally, it is advisable to institutionalise public-private partnerships as a vector for the development of the educational technology sector. In the context of education reform, the priority task is the professionalisation of teaching staff through certified adaptation programmes to technological innovations. Institutions are moving rationally to hybrid learning models synthesising traditional and digital formats to maximise technological benefits. The pandemic experience acted as a catalyst for the introduction of innovative tools in the field of Belarusian-Chinese educational cooperation, strengthening bilateral academic ties. Remote cooperation has been continuously strengthened, online courses have begun to develop, and effective remote enrollment training tools have emerged, «Belarus and China have also carried out a number of cooperation in the fields of cultural exchange and education» [9, p. 434].

The consolidation of digital ecosystems in international university alliances is strategically important. The formation of joint educational trajectories with the institutions of the Eurasian Economic Union, China and India construct the Eurasian academic space on the basis of convergence of standards and mutual recognition of attestation. The development of standardised digital skills qualification protocols to ensure their interoperability between sovereign educational jurisdictions is critical.

The technological transformation of learning activates fundamental questions of digital ethics. AI bias in competency assessment procedures, commercialisation of biographical data, and erosion of interpersonal pedagogical practices dictate the need for a digital education deontology code. Government regulation is required to codify the axioms of algorithmic transparency, informed subject consent, and technological auxilliarity, where digital artifacts expand but do not substitute for humanistic pedagogical discourse.

The structural reorientation of the educational system postulates the realignment of fiscal resources towards capital-intensive investments in educational technology. The institutionalisation of the national digital educational infrastructure fund accumulates capital for a regional technological upgrade. It is competitive to develop a venture mechanism to support educational innovators through fiscal preferences and incubation platforms, catalysing the innovation ecosystem.

The construction of a prognostic horizon until 2035 will allow counterposing the effect of metaversal spaces, neural interfaces and generative intelligence on the configuration of the educational field. National doctrines are required to project scenarios of technological synergy, including quantum simulations of cognitive processes and blockchain identification of academic verifications. This prognostic methodology guarantees the resilience of state educational architecture in conditions of non-linear technological trajectories.

Conclusions

Summing up, we note that the introduction of digital technologies radically changes the face of the educational system in China, giving rise to balanced approaches, where advanced developments are combined with fundamental human values and traditions of the country. In China, online platforms for a wide audience embody a unique fusion of technology and Confucian ideas, cultivating the image of digital junzi due to individual customisation of training and an emphasis on humanity, rituals and personal growth. This opens the doors of knowledge to all and awakens the active thinking of students.

China's digital change in education is not a departure from its roots, but a natural development of centuries-old Confucian thought. Since ancient times, the task of the exercise was clear, it was associated with the formation of a perfect citizen – junzi, the support of calm in society and the country's fortress. The author's new idea about digital junzi masterfully connects old truths with actual reality. Services like *Tencent Classroom*, *XuetangX*, and the *NetEase Cloud Classroom* synthesise smart algorithms with basic Confucian concepts of humanity, ritual, and self-improvement. It turns out not just a technique, but a deep renewal, where machines help to spiritually grow and improve.

Digital junzi is a step beyond a simple practical understanding of the role of gadgets, it is a fresh look at a person on the network, where traditional social selection mechanisms, for example, keju breathe in *Tencent Classroom* programmes, *NetEase Cloud Classroom* group chats and *XuetangX* expanded educational programmes. The main achievement of China's modern educational system is seen in large-scale training commissioned by the state without loss of morality. Through history, we see how from the exclusive checks of the 7th century, forming small groups of ideal men, we move to services for 16 mln users, where AI pushes for goodness, knowledge and pride in history for a wide audience. The union of a living mind and artificial algorithms gives rise to an independent student who is ready to independently choose the path of knowledge and prosperity for himself and the whole nation.

Ancient rules come alive online, changing the crowd of students into carriers of balance, harmony and social values. The active spread of such a scheme is the basis of China's strength as a single civilizational world. Digital junzi here acts as an ideal resident of digital China: strict to himself, responsive to others, striving for knowledge and self-improvement. A complex of educational online platforms generates knowledge as the basis of citizenship, where the success of one is success and benefit for all. This extinguishes disputes within society, softens the difference in money, customs within the country, cultivating the image of a country without conflicts.

Before the difficult tests of the outside world, this method gives China strength and confidence, based on the confidence that every educated resident of the country maintains its integrity and follows the path of its prosperity. China gives the whole world network Confucianism as an education project for all. From the rule «science without ranks» to MOOC for billions, from local keju to checks of the level of gaokao anywhere in China and the world. China blurs the boundaries of time and space, simplifying the exchange of experience and access to knowledge, emphasises the value basis of change: the transition from a traditional, human-centered understanding of knowledge to a partnership between man and machine.

References

1. Confucius. *Analects of Confucius.* Lays S, translator. New York: W. W. Norton & Company; 1997. 224 p.
2. Liu S. *Development of sinology-online education industry based on an empirical study in China* [dissertation]. Shanghai: Shanghai Jiao Tong University; 2015. 132 p. Chinese.

3. Chen G. *Research on the user retention mechanism of online learning platforms (based on the situation of role separation between secondary school students and their parents)* [dissertation]. Dalian: Dalian University of Technology; 2021. 196 p. DOI: 10.26991/d.cnki.gdllu.2021.004855. Chinese.

4. Rui Y. Emulating or integrating? Modern transformations of Chinese higher education. *Journal of Asian Public Policy.* 2019;12(3):294–311. DOI: 10.1080/17516234.2018.1448213.

5. Hou J. *A research on the cultivation of student's independent learning ability in higher Vocational College* [dissertation]. Guilin: Guangxi Normal University; 2018. 62 p. Chinese.

6. Xu M. *Research on the Chinese central collective leaders' thoughts quality of higher education since the 16th National Congress of the Communist Party of China* [dissertation]. Wuhan: Huazhong University of Science and Technology; 2013. 58 p. Chinese.

7. Wang R. *Protection of data privacy* [dissertation]. Zhengzhou: Zhengzhou University; 2022. 157 p. DOI: 10.27466/d.cnki.gzzdu.2022.001985. Chinese.

8. Pavlovskaya S, Chaikouskaya Y. The transformation of the higher education system in the digital age. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy.* 2021;2:73–80. EDN: FVNBLI.

9. Wang X. Belarus – China cooperation in educational exchange and joint research. In: Malashenko EA, editor. *Eurasian view on topical issues of philology, translation studies and linguodidactics. Proceedings of the 2nd Eurasian scientific and practical conference; 2024 April 17; Minsk, Belarus.* Minsk: Belarus State Economic University; 2024. p. 427–435.

Received by editorial board 23.03.2026.

УДК 316.74:27-184(476)

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОСТИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСЛАМА В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ: МЕЖДУ КАНОНОМ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬЮ

С. Г. КАРАСЁВА[1)]***, Е. В. РЕУТ***[1)]

[1)]*Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Предложена многомерная динамическая трактовка религиозности. С использованием прикладного авторского инструментария выявлены особенности следования приверженцев монотеистических религий их традициям в современных светских культурно и информационно открытых обществах. На основе данных прикладного исследования определена специфика восприимчивости последователей одной из монотеистических религий Беларуси (ислама) к не-, ино- и парарелигиозным (т. е. немонотеистическим) смыслам. Отмечена связь восприимчивости последователей ислама к неканоническим смыслам с их половой и возрастной принадлежностью.

Ключевые слова: религиозная традиция; ислам; канон; религиозность; повседневность; неканонические смыслы; нерелигиозные смыслы; инорелигиозные смыслы; парарелигиозные смыслы.

DYNAMICS OF RELIGIOSITY AMONG FOLLOWERS OF ISLAM IN THE CONTEMPORARY BELARUS: BETWEEN CANON AND EVERYDAY LIFE

S. G. KARASSYOVA[a]***, L. V. REUT***[a]

[a]*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,*
1 Surganava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: L. V. Reut (liliiren6997@mail.ru)

Abstract. A multidimensional, dynamic interpretation of religiosity is proposed. Using the author's applied tools, the author identifies the characteristics of adherence to monotheistic religions' traditions in modern secular, culturally and informationally open societies. Based on applied research data, the specific receptivity of followers of one monotheistic religion of Belarus (Islam) to non-religious, other-religious, and para-religious (i. e. non-monotheistic) meanings is determined. A correlation between the followers' of Islam to non-canonical meanings and their gender and age is noted.

Keywords: religious tradition; Islam; canon; religiosity; everyday life; non-canonical meanings; non-religious meanings; other-religious meanings; para-religious meanings.

Образец цитирования:
Карасёва СГ, Реут ЕВ. Динамика религиозности последователей ислама в современной Беларуси: между каноном и повседневностью. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;1:36–43. EDN: ZITSWI

For citation:
Karassyova SG, Reut LV. Dynamics of religiosity among followers of Islam in the contemporary Belarus: between canon and everyday life. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;1:36–43. Russian. EDN: ZITSWI

Авторы:
Светлана Геннадьевна Карасёва – кандидат философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник Белорусско-турецкого исследовательского центра.
Елизавета Викторовна Реут – младший научный сотрудник Белорусско-турецкого исследовательского центра.

Authors:
Svetlana G. Karassyova, PhD (philosophy), docent; leading researcher at the Belarusian-Turkish Research Centre.
karassyova@mail.ru
Lizaveta V. Reut, junior researcher at the Belarusian-Turkish Research Centre.
liliiren6997@mail.ru

Введение

Термин «религиозность» означает вовлеченность человека и (или) общества (его части) в религию. Религия – это символически организованная система представлений, деятельности и институтов, основанная на опыте поиска (обретения) истины трансцендентного порядка. Вовлеченность в религию может иметь разную степень (от искренних исканий и практического следования религиозной идее до формальной декларации принадлежности к культурному полю религиозной традиции). Религиозность является комплексной, подвижной характеристикой, которая воспроизводит сложность структуры и функционирования религии.

Ключевая функция религии для общества состоит в формировании вектора предельных (трансцендентных) ценностей и ориентации на них людей, что, как следствие, снижает значимость посюсторонних ценностей. Последователям религии нужно быть в той или иной мере отстраненными от целей посюсторонней жизни и сосредоточенными на ценностях трансцендентного порядка. Однако выдерживать уровень сосредоточенности на трансцендентных целях – задача, требующая от человека «надмирного» напряжения (сверхнапряжения) и отдаляющая его от задач повседневного существования. С этим обстоятельством связано разделение последователей любой религии на две основные группы: 1) специалистов, воспроизводящих смысл религиозной традиции в образе своей жизни, всецело служащих этому смыслу и тем самым значительно отдаляющихся от повседневных забот; 2) обычных последователей, сохраняющих повседневный образ жизни и полагающихся в следовании религиозным смыслам на специалистов как посредников между имманентной и трансцендентной сферами существования.

В целом вовлеченность в религию может варьироваться от безусловной, жертвенной, характерной для специалистов, хранителей традиции, до условной, ограниченной необходимостью решения повседневных задач, характерной для обычных последователей. Характер вовлеченности этих групп в религию зависит также от общего социально-культурного контекста, в котором существует религия. В моноэтничных и монокультурных обществах следование религии реализуется в той или иной степени внутри одной традиции. В полиэтничных и поликультурных обществах не только имеется градация религиозной вовлеченности, но и добавляется фактор сосуществования разных религий в одном пространственно-временном поле. И если благодаря безусловно (полностью) вовлеченным последователям религии сохраняют свою каноническую чистоту, то благодаря условно (повседневно) вовлеченным последователям они становятся проницаемыми для инорелигиозных смыслов.

В светских, преимущественно нерелигиозных обществах, включающих множество этнических групп, культурных и религиозных традиций, в условиях глобальной информационной открытости религии становятся максимально проницаемыми не только для взаимных влияний, но и для нерелигиозных идей, особенно на уровне повседневности. В таких поликультурных и поликонфессиональных светских обществах для последователей религии, вовлеченных минимально, появляется возможность просто декларировать свою религиозную идентичность, но практически никак не реализовывать ее, т. е. не следовать религиозным канонам и предписаниям. Такие последователи впитывают любые смыслы и жизненные стереотипы, наполняющие пространство их повседневности. В итоге религиозная вовлеченность этих последователей оказывается противоречивой: декларируется принадлежность к определенной традиции, но обеспечивается эклектика смыслов, преимущественно нерелигиозных. Религиозные смыслы включают компоненты как своей традиции, так и других религий, а также нередко они содержат значительное количество так называемых пararелигиозных (паранормальных) идей. Подобные формы религиозной идентичности описаны в современном религиоведении при помощи концепций религиозного бриколажа, лоскутной и имплицитной религиозности. При всем различии этих концепций их объединяет идея о предрасположенности человека к построению целостной картины реальности путем иррационального эклектичного соединения всех доступных ему смыслов в картину, отражающую его общее мироощущение.

В условиях информационной открытости и взаимной проницаемости множества культур любой человек может конструировать собственную картину мира из смысловых элементов разных традиций, включая разнородные религиозные, а также не-, ино- и пararелигиозные идеи. В связи с этим видится актуальной задача изучения картин мира и оснований мировосприятия последователей древних влиятельных религиозных традиций, прежде всего традиций монотеистического типа (иудаизм, христианство, ислам), поскольку эти религии по-прежнему задают предельные ценностные горизонты многих современных обществ и групп. Данная задача актуальна и для Беларуси, общество которой обоснованно характеризуется как светское, поликультурное и поликонфессиональное, но тем не менее подвергается монотеистическим влияниям [1; 2].

Для изучения восприимчивости последователей монотеизма к не-, ино- и пararелигиозным смыслам

целесообразно использовать инструмент, разработанный в 1980-х гг. американскими исследователями. Имеется в виду методика «шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика и Г. Милфорда, адаптированная разными авторами, хорошо зарекомендовавшая себя и широко используемая в мире в настоящее время. Одной из ее версий является методика «многомерный опросник научно необоснованных убеждений» (*multi-dimensional questionnaire of scientifically unsubstantiated beliefs*) А. Стоун и М. Макдермотта, предложенная в 2018 г. Эта методика разработана для изучения мировоззренческих особенностей населений светских обществ. Она опирается на перечень выделенных авторами научно необоснованных убеждений: традиционную веру, экстрасенсорные способности, колдовство, суеверия, спиритизм, экстраординарную форму жизни, предсказания [3–5]. В исследовании, которому посвящена статья, методика Стоун – Макдермотта используется в качестве прототипа для разработки авторского аналога шкалы, предназначенной для применения в религиозных (а не светских) средах, прежде всего монотеистических средах.

Одной из симптоматичных особенностей современной религиозности является восприимчивость последователей монотеистических традиций к немонотеистическим (неканоническим) смыслам, в которых различаются не-, ино- и пararелигиозные смыслы. В литературе по этой теме, в частности в исследовании [3], данные смыслы обобщаются с помощью терминов «паранормальные представления», «паранормальное» и «научно необоснованные убеждения». Под паранормальными представлениями авторы понимают необычные феномены, которые не могут быть объяснены ни научно, ни достоверно с помощью эмпирических или рациональных доказательств [3–5]. В настоящей работе описаны результаты исследования восприимчивости последователей ислама в современной Беларуси к паранормальным (не-, ино- и пararелигиозным) представлениям.

Материалы и методы исследования

Несмотря на то что основными целями исследования были адаптация и валидизация (определение надежности) методики Стоун – Макдермотта, данные, полученные в ходе ее апробации, оказались информативными сами по себе, т. е. они характеризуют религиозность респондентов. Исследование было проведено в период с лета по зиму 2024 г. методом раздаточного анкетного опроса. С учетом специфики и труднодоступности изучаемой группы опрос проводился в самом большом мусульманском храме Беларуси (Минская соборная мечеть) по предварительному согласованию с руководством. Методика, примененная в исследовании, представляет собой авторский опросник, специально модифицированная для последователей ислама. Ислам обладает собственной канонической и ритуальной спецификой, которая при изучении представлений его последователей требует тщательного учета. В связи с этим возникла необходимость в разработке отдельной версии опросника, адаптированной к исламскому контексту и позволяющей выявить особенности интеграции различных элементов в систему религиозных представлений мусульман с учетом их культурных и конфессиональных особенностей.

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования опрошены 102 респондента (табл. 1), идентифицировавших себя как мусульман. Из них 52 % респондентов являлись мужчинами, 48 % респондентов – женщинами. Согласно традиционной возрастной периодизации были выделены три группы респондентов: 1) респонденты молодого возраста; 2) респонденты среднего возраста; 3) респонденты старшего возраста.

Таблица 1

Структура выборочной совокупности

Table 1

Sample structure

Характеристики		Количество человек	Доля, %
Пол	Мужской	53	52,0
	Женский	49	48,0
Возраст	От 18 до 30 лет	36	36,0
	От 31 года до 50 лет	38	37,0
	51 год и более	28	27,0
Всего		*102*	*100*

Методика, примененная в исследовании, представляет собой авторский опросник из 89 суждений, адаптированных к канонической специфике ислама. С учетом особенностей исламского учения на этапе проверки надежности методики была проведена процедура валидизации, которая основана на экспертных оценках, полученных в формате интервью. К оценке опросника были привлечены 5 имамов Минской соборной мечети, включая председателя Совета имамов Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь. Данная процедура позволила получить ценные рекомендации и комментарии от экспертов, что способствовало улучшению содержания и формулировок суждений опросника для обеспечения их соответствия исламскому вероучению. В результате проведенной работы была обеспечена высокая степень соответствия инструмента специфике восприятия последователей ислама, что повысило его валидность для дальнейшего использования в исследовательских целях.

Адаптированный опросник, прошедший экспертную оценку, включает в себя 82 утверждения, характеризующих веру последователей монотеистической традиции, в данном случае ислама, в материализацию мыслей, фатализм (предопределенность, неотвратимость судьбы), приверженность магическим практикам, а также их склонность объяснять происходящие события воздействием магических факторов астрологического, космоэнергетического, экстрасенсорного свойства и др.

Верификация методики проводилась с применением факторного анализа. Количество анализируемых факторов было ограничено пятью компонентами (группами суждений), сохранившими около 43 % дисперсии исходных показателей. В качестве значимого коэффициента корреляции между переменными установлено значение 0,45. Для формирования итоговых шкал были выбраны подгруппы суждений с наиболее тесными связями [6]. При помощи математико-статистического метода была проверена и уточнена исходная авторская группировка утверждений, характеризующих особенности религиозного мировоззрения последователей ислама, которые принадлежат современной светской культуре и ее глобальному информационному полю.

Для выявления уровня приверженности респондентов – последователей ислама не-, ино- и пararелигиозным представлениям им было предложено оценить каждое из 89 утверждений по пятибалльной шкале Лайкерта. В основе указанной шкалы лежит степень согласия или несогласия с суждениями: 5 – полностью согласен; 4 – частично согласен; 3 – трудно сказать, согласен или не согласен; 2 – частично не согласен; 1 – совершенно не согласен [7–9]. Суммарное значение баллов для каждой шкалы в контексте методологии исследования интерпретировано как общий показатель восприимчивости последователей исламской традиции к не-, ино- и пararелигиозным смыслам, циркулирующим в глобальном информационном поле современности.

В результате факторного анализа (тестирования обоснованности авторской группировки суждений) были выявлены следующие группы суждений: 1) модернистские представления; 2) традиционалистские магические представления; 3) имплицитные представления о неявной причинности; 4) фаталистические представления; 5) ориентация на ритуальные практики. Эти группы утверждений образуют факторы (компоненты), характеризующие приверженность последователей ислама немонотеистическим представлениям. Опишем эти факторы. Первый фактор основывается на модернистских представлениях об особенностях использования магических практик в повседневной деятельности. Он образован суждениями, которые свидетельствуют о приверженности астрологическим представлениям, нумерологии, космоэнергетике, вере в реинкарнацию (перерождение), экстрасенсорику и т. д. Для второго фактора характерны традиционалистские магические представления, т. е. суеверия, вера в магическую причинность, действенность магических атрибутов и ритуальных практик. Третий фактор можно обозначить как имплицитные представления о неявной причинности, включающие веру в скрытые связи, силы и воздействия, которые невозможно объяснить, и веру в материализацию мыслей. Четвертый фактор отражает фаталистические представления (веру в предопределенность судьбы). Пятый фактор описывает ориентацию на ритуальные практики (их необходимость), а также частично включает конспирологические представления.

На основании анализа ответов респондентов суждения, образовавшие факторы, были сгруппированы в шкалы (табл. 2). Шкалы представляют собой факторы, подтвержденные математически обработанными ответами респондентов. Для последующей проверки надежности для всех шкал были посчитаны значения α-коэффициента Кронбаха. Значение α-коэффициента Кронбаха выше 0,7 считается арифметически достаточным [10]. Этого порога достигли две шкалы (шкалы № 1 и 2). Одна шкала не показала соответствия (шкала № 4). Еще две шкалы продемонстрировали недостаточные значения (шкалы № 3 и 5), вследствие чего они были пересчитаны по другим коэффициентам надежности.

Таблица 2

Результаты проверки шкал на надежность

Table 2

Results of scale reliability testing

Номер шкалы	Наименование шкалы	Количество элементов (утверждений) в шкале	α-Коэффициент Кронбаха
1	Модернистские представления	24	0,945
2	Традиционалистские магические представления	32	0,920
3	Имплицитные представления о неявной причинности	10	0,581
4	Фаталистические представления	6	0,202
5	Ориентация на ритуальные практики	17	0,578

Шкала № 1 «модернистские представления» объединила 24 утверждения. Она продемонстрировала высокую степень надежности (α = 0,945), отклонения при исключении пунктов по итогам факторного анализа не превысили 0,006.

В шкалу № 2 «традиционалистские магические представления» вошли 32 утверждения. Проверка показала высокую степень надежности этой шкалы (α = 0,920), отклонения при исключении пунктов не превысили 0,006.

Шкала № 3 «имплицитные представления о неявной причинности» включает 10 утверждений. Данная шкала продемонстрировала достаточную степень надежности (α = 0,581), отклонения при исключении пунктов не превысили 0,092.

В шкалу № 4 «фаталистические представления», в свою очередь, вошли 6 утверждений. Проверка с опорой на ответы респондентов показала невысокую степень надежности (α = 0,202), отклонения при исключении пунктов распределились в диапазоне от 0,371 до –0,017.

Шкала № 5 «ориентация на ритуальные практики» объединила 17 утверждений. Она продемонстрировала достаточную степень надежности (α = 0,578), отклонения при исключении пунктов не превысили 0,060.

Помимо α-коэффициента Кронбаха, для проверки надежности шкал был применен ω-коэффициент Макдональда, позволяющий получить более строгие оценки на основе факторного анализа. Поскольку значения ω-коэффициента Макдональда для шкал № 3 (0,581) и № 5 (0,578) превышают минимально допустимый порог в 0,5, принятый в исследованиях [11], данные шкалы признаются пригодными для использования в анализе в качестве валидных показателей измеряемых конструктов. Шкала № 4, продемонстрировавшая крайне низкую надежность (0,202), была исключена из последующего анализа.

Для построения характеристики восприимчивости последователей исламской традиции к не-, ино- и парарелигиозным смыслам для четырех шкал (шкал № 1, 2, 3 и 5) были рассчитаны описательные статистики (табл. 3) и сделано пропорциональное распределение по уровням.

Пропорциональное распределение (33,3 %) позволило ранжировать ответы респондентов по трем уровням: 1) высокий уровень; 2) средний уровень; 3) низкий уровень (табл. 4). Для каждого уровня были рассчитаны соответствующие диапазоны значений.

Таблица 3

Описательные статистики

Table 3

Descriptive statistics

Шкала	Количество человек	Среднее отклонение	Среднеквадратическое отклонение	Минимум	Максимум	Процентили		
						25-й	50-й (медиана)	75-й
Модернистские представления	102	76,58	24,455	28	115	58,75	80,50	97,50
Традиционалистские представления	102	92,10	23,487	38	135	72,75	94,00	111,00

Окончание табл. 3
Ending of the table 3

Шкала	Количество человек	Среднее отклонение	Среднеквадратическое отклонение	Минимум	Максимум	Процентили		
						25-й	50-й (медиана)	75-й
Имплицитные представления	102	34,39	6,616	19	46	30,00	34,00	40,25
Ориентация на ритуальные практики	102	58,06	9,014	33	78	52,00	59,00	64,00

Таблица 4

Уровни оценок в диапазонах значений шкал, баллы

Table 4

Levels of ratings in ranges of scale values, points

Уровень	Шкала			
	Модернистские представления	Традиционалистские магические представления	Имплицитные представления о неявной причинности	Ориентация на ритуальные практики
Низкий уровень	28–68	38–83	19–31	33–54
Средний уровень	69–91	84–103	32–37	55–62
Высокий уровень	92–115	104–135	38–46	63–78

Специфику демографического профиля респондентов можно представить для обозначенных позиций и уровней (табл. 5). Женщины в большей степени склонны демонстрировать приверженность традиционалистским магическим практикам и имплицитным представлениям. Одновременно с этим у женщин мы можем наблюдать низкую степень интереса к модернистским представлениям. Для мужчин более свойственны модернистские представления и ориентация на ритуальные практики.

Молодежь демонстрирует склонность к модернистским и имплицитным представлениям, а также ориентацию на ритуальные практики. Для представителей средней возрастной группы характерны фокус на традиционалистских магических представлениях и довольно явно выраженная ориентация на ритуальные практики. Представителям старшего возраста свойственно проявлять интерес к имплицитным представлениям о неявной причинности. Однако они в значительно меньшей степени, по сравнению с другими возрастными группами, привержены модернистским представлениям и ритуальным практикам, что говорит о большем влиянии на старшее поколение конфессионально допустимых форм религиозной деятельности.

Согласно результатам эмпирического исследования мужчины-мусульмане демонстрируют склонность к модернистским представлениям (51,5 %) с одновременной ориентацией на ритуальные практики (53,1 %). Это обстоятельство может быть связано с воздействием массовой культуры на их восприятие религии. Женщины в большей степени склонны придерживаться традиционалистских магических (60,6 %) и имплицитных (55,9 %) представлений.

Респонденты в возрасте от 18 до 30 лет демонстрируют наиболее высокий уровень ориентации на ритуальные практики (40,6 %) и имплицитные представления (54,5 %), что указывает на стремление к интеграции современных и традиционных элементов в религиозную практику молодых людей. Для представителей средней возрастной группы характерен фокус на традиционалистских представлениях (39,4 %). В то же время респонденты-мусульмане из этой возрастной группы делают акцент на ритуальных практиках (40,6 %). Этот факт может свидетельствовать о том, что люди среднего возраста стремятся сохранить связь с традициями, одновременно адаптируя их к современным условиям. Проведенный анализ выявил у представителей старшего возраста выраженную ориентацию на имплицитные представления о неявной причинности (35,3 %) при минимальном интересе к модернистским представлениям (12,2 %). Полученные данные позволяют заключить, что религиозные предпочтения данного поколения в значительной степени формируются в рамках конфессионально одобряемых форм религиозной деятельности. Следовательно, возраст играет значительную роль в формировании религиозных ориентаций, а наибольшую восприимчивость к неканоническим смыслам демонстрируют молодые люди. Это обстоятельство может быть связано с их открытостью к новым

идеям и практикам, а также с поиском собственной идентичности в условиях быстро меняющегося мира. В то же время более зрелые люди склонны придерживаться традиционных норм и обрядов, демонстрируя бóльшую консервативность в своих взглядах и предпочтениях.

Таблица 5

Распределение респондентов в зависимости от социально-демографических характеристик и уровня приверженности немонотеистическим представлениям

Table 5

Distribution of respondents depending on socio-demographic characteristics and level of commitment to non-monoteistic views

Характеристики		Шкала											
		Модернистские представления			Традиционалистские магические представления			Имплицитные представления о неявной причинности			Ориентация на ритуальные практики		
		Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Пол	Мужской	40,0	64,7	51,5	52,9	62,9	39,4	51,6	59,5	44,1	50,0	52,6	53,1
	Женский	60,0	35,3	48,5	47,1	37,1	60,6	48,4	40,5	55,9	50,0	47,4	46,9
Возраст	От 18 до 30 лет	20,0	38,2	54,5	38,2	40,0	33,3	41,9	35,2	35,3	31,2	39,5	40,6
	От 31 года до 50 лет	34,3	41,2	33,3	35,3	34,3	39,4	32,3	45,9	29,4	21,9	44,7	40,6
	51 год и более	45,7	20,6	12,2	26,5	25,7	27,3	25,8	18,9	35,3	46,9	15,8	18,8

Влияние религиозной нормативности проявляется в первую очередь среди старшей возрастной группы. Религиозное мировоззрение молодежи более размыто, оно характеризуется направленностью на модернистские и имплицитные представления. Заметной также является восприимчивость мужчин и молодых людей к современным широко распространенным представлениям астрологического, нумерологического характера, а также к специфичным именно для ислама магическим практикам.

Заключение

Религиозность, или вовлеченность в религию, представляет собой отношение человека к системе и опыту религиозной традиции или новой проповеди, которое отличается многомерностью и динамизмом. Кроме отношения к каноническому содержанию религии, ориентирующему на трансцендентный горизонт, любой ее последователь погружен в имманентную реальность – повседневность, из которой соткана его жизнь. Повседневность в любой культуре, даже в монорелигиозном или моноэтничном пространстве, проницаема для разных смыслов и практик. Это обстоятельство создает условия для привнесения в поле конкретной религии инородных по отношению к ней смысловых и ритуальных элементов.

Наибольшим влиянием в современном мире и, в частности, в Беларуси пользуются древние монотеистические религии – христианство, ислам, отчасти иудаизм. Восприимчивость их последователей к немонотеистическим смыслам в условиях открытого информационного мира влияет на эти традиции и культурное (предметное, смысловое, ценностное) поле тех обществ, которые развивались в границах их распространения.

На основании данных прикладного исследования восприимчивости последователей ислама в Беларуси к неканоническим смыслам установлено, что в мировоззрение мусульман попадают представления и практики, которые преимущественно близки к их традиционной религиозной культуре. Тенденции в восприятии неканонических смыслов последователями ислама зависят также от их половой и возрастной принадлежности.

Богословская фильтрация, интерпретация и интеграция (если возможно) неканонических привнесений в смысловое и ритуальное поле религии являются задачами для специалистов (богословов) монотеистических традиций, в частности, ислама. В связи с этим результаты данного исследования имеют практическую ценность для богословов. Также они актуальны для практикующих и академических психологов, сотрудников образовательных учреждений и органов управления социально-конфессиональной сферой.

Библиографические ссылки

1. Карасёва СГ. *Типология религиозности в современной Беларуси.* Минск: БГУ; 2018. 219 с.
2. Карасёва С. Социально-антропологическая обусловленность религии. *Наука и инновации.* 2023;4:25–27. EDN: RIHDKO.
3. Stone A, McDermott MR, Abdi A, Cornwell B, Matyas Z, Reed R, et al. Development and validation of the multi-dimensional questionnaire of scientifically unsubstantiated belief. *Personality and Individual Differences.* 2018;128:146–156. DOI: 10.1016/j.paid.2018.02.024.
4. Tobacyk JJ. A revised paranormal belief scale. *International Journal of Transpersonal Studies.* 2004;23(1):94–98. DOI: 10.1037/t14015-000.
5. Григорьев ДС. Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика. *Социальная психология и общество.* 2015;6(2):132–145. EDN: TYRPNB.
6. Реут ЕВ, Шкурова ЕВ. Особенности приверженности различным формам магических представлений (на основе апробации авторской методики исследования). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;2:47–59. EDN: HISPQC.
7. Armstrong RL. The midpoint on a five-point Likert-type scale. *Perceptual and Motor Skills.* 1987;64(2):359–362. DOI: 10.2466/pms.1987.64.2.359.
8. Norman G. Likert scales, levels of measurement and the «laws» of statistics. *Advances in Health Sciences Education.* 2010;15(5):625–632. DOI: 10.1007/s10459-010-9222-y.
9. Robbins NB, Heiberger RM. Plotting Likert and other rating scales. In: American Statistical Association. *Proceedings of the Section on Survey Research Methods; 2011 July 30 – August 4; Miami Beach, USA.* Washington: American Statistical Association; 2011. p. 1058–1066.
10. Cronbach LJ. Coefficient alpha and the internal structure of a test. *Psychometrika.* 1951;16(3):297–334. DOI: 10.1007/BF02310555.
11. McDonald R. Structural models and the art of approximation. *Perspectives on Psychological Science.* 2010;5(6):675–686. DOI: 10.1177/1745691610388766.

Статья поступила в редколлегию 09.01.2026.
Received by editorial board 09.01.2026.

Социальная философия

Social philosophy

УДК 304.2 + 316.7

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ

И. Н. КОЛЯДКО[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Осуществлен социально-философский анализ концепций конструирования социальной реальности в цифровую эпоху. Отмечена важная роль общественного сознания, его ориентационной и проектной функций в разработке и реализации проектов конструирования социальной реальности, а также в воспроизводстве значимого социокультурного опыта, обеспечивающего преемственность развития. Обоснован тезис о том, что трансформация фундаментальных оснований общества обусловлена реинтерпретацией базисных смыслов универсалий культуры. Особенностью современного этапа развития информационного общества является то, что изменение базисных смыслов универсалий культуры осуществляется посредством динамично развивающейся информационно-коммуникационной инфраструктуры, квинтэссенцией которой выступают медиатехнологии на основе больших данных. Выявлены факторы цифровой трансформации современного общества под воздействием современных социальных и коммуникационных технологий.

Ключевые слова: конструирование социальной реальности; цифровая трансформация общества; общественное сознание; универсалии культуры; современные медиатехнологии.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г26МС-006).

Образец цитирования:
Колядко ИН. Конструирование социальной реальности в цифровую эпоху: онтологические и социокультурные основания. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;2:44–50.
EDN: OXEDFN

For citation:
Kolyadko IN. Construction of social reality in the digital age: ontological and sociocultural foundations. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026; 2:44–50. Russian.
EDN: OXEDFN

Автор:
Илья Николаевич Колядко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:
Ilya N. Kolyadko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
kaliadka@bsu.by
https://orcid.org/0000-0003-4177-6617

CONSTRUCTION OF SOCIAL REALITY IN THE DIGITAL AGE: ONTOLOGICAL AND SOCIOCULTURAL FOUNDATIONS

I. N. KOLYADKO[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article provides a socio-philosophical analysis of concepts for construction of social reality in the digital age. It highlights the important role of public consciousness, its orientation and project functions, in the development and implementation of projects for construction of social reality, as well as in the reproduction of significant sociocultural experience, ensuring the continuity of development. It substantiates the thesis that the transformation of the fundamental foundations of society is determined by the reinterpretation of the fundamental meanings of cultural universals. A distinctive feature of the current stage of information society development is that the fundamental meanings of cultural universals are being transformed through a dynamically developing information and communications infrastructure, the quintessence of which is media technologies based on big data. The factors driving the digital transformation of modern society under the influence of modern social and communications technologies are identified.

Keywords: construction of social reality; digital transformation of society; public consciousness; cultural universals; modern media technologies.

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. G26MS-006).

Введение

Общество, как сложноорганизованная целостность, в современной социальной философии и социально-гуманитарном знании осмысливается с различных теоретико-методологических позиций: от системно-деятельностной интерпретации его онтологических и социокультурных оснований до построения социально-феноменологических и фигуративных теорий. Предметом исследования все чаще становится особый вид социальной реальности, именуемый в современном научном дискурсе информационным обществом, цифровым обществом, сетевым обществом и т. д. При всех особенностях и реальных различиях указанных типов общества одним из их сущностных атрибутов является наличие в структуре развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры, квинтэссенцией которой выступают медиатехнологии на основе больших данных. Именно последние становятся фактором возможных трансформаций оснований современного общества посредством реинтерпретации существующих смыслов и ценностей или генерации и воспроизводства новых.

Возможные трансформации и кризисы в социокультурном развитии общества обусловлены появлением новых надбиологических (символических) программ человеческой жизнедеятельности, фундамент которых составляют универсалии культуры – особые категории и мировоззренческие паттерны, определяющие способ осмысления, понимания и переживания человеком мира. В рамках деятельностного подхода к анализу культуры, обоснованного В. С. Стёпиным, изменение онтологических и социокультурных оснований общества, возникновение кризисных периодов в его развитии связывается с «преобразованием базисных смыслов универсалий культуры», они знаменуют трансформацию «не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, их отношения к действительности, их ценностных ориентаций» [1, с. 211].

Материалы и методы исследования

Современное общество претерпевает изменения, затрагивающие социально-антропологические и ценностные константы человеческого существования, деформирует традиционные системы социокультурной регуляции и устоявшееся понимание мира. Цифровой прогресс существенным образом преобразует социальную реальность, выступая не только условием социально-экономического и технологического развития, но и фактором переосмысления базисных смыслов универсалий культуры (В. С. Стёпин), что инициирует дискуссии об этических, нравственных и правовых основаниях использования современных технологических достижений в различных сферах современного общества. Новая, цифровая реальность неизбежно влечет за собой возникновение новых рисков и метаморфоз, которые являются результатом распространения цифровых коммуникаций, гибридизации онлайн- и офлайн-пространств, использования технологий больших данных. Цифровое общество является результатом

разработки и внедрения сложной технологической инфраструктуры [2, с. 113], центральным элементом которой является коммуникация, понимаемая не только как средство обмена информацией и ее распространения, но и прежде всего как сложная система конструирования реальности на основе партиципационного производства смыслов [3, с. 93; 4, с. 110]. Конструируемая в процессе коммуникативного взаимодействия с опорой на технологическую инфраструктуру реальность свидетельствует о способности человеческого сознания к проектной деятельности, а значит ставит на совершенно новый уровень проблему власти, которая в эпоху цифровизации осуществляется путем формирования сознания – «более глубокой и устойчивой формы доминирования»[1]. Используемые в статье концепции как русскоязычных (Е. Н. Князева, В. А. Лекторский, К. Х. Момджян, В. С. Стёпин), так и иноязычных (А. Моль, П. Бергер, Т. Лукман, М. Кастельс, П. Бурдье, Н. Коулдри, А. Хепп) авторов выступают соответствующим цели данного исследования и методологически эффективным инструментом анализа цифровой трансформации современного общества, так как они ориентированы не столько на выявление и параметризацию онтологических и социокультурных оснований конструирования социальной реальности, сколько на определение сильных и слабых сторон трансформационных процессов (совокупности последствий для человека, культуры и общества). Именно в возможности реализации системного подхода к анализу процессов цифровой трансформации современного общества и состоит важное научное значение использованных в статье философских и культурологических концепций, возникших на заре зарождения информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Результаты и их обсуждение

В современную цифровую эпоху использование различного рода технологий, в том числе технологий коммуникации, становится настолько распространенным явлением, что все чаще возникает вопрос: «Какова роль общественного сознания в конструировании социальной реальности и меняется ли в действительности его роль в истории?». Особую остроту данный вопрос приобретает в связи с развитием технологий искусственного интеллекта, которые претендуют если не на замещение, то по меньшей мере на получение приоритетной роли в цифровой трансформации основных сфер общества (от системы образования до экономики и здравоохранения). В связи с этим представляется важным выявление параметров и субстанциональной роли сознания в конструировании социальной реальности; возможность этой реальности во многом определяется активностью человеческого сознания. Человек, опираясь на знание, преобразует мир вокруг себя, конструирует вторую природу, создает ранее не существовавшие объекты, формируя специфическую область реальности, которую различные авторы называли по-разному: «идеальным» (Э. В. Ильенков), «миром объективного знания» (К. Поппер), «пространством смыслов» (У. Селларс). В то же время существование этой реальности становится возможным благодаря взаимодействию между людьми, реализуемым в коммуникативных практиках, которые нередко выступают опорой властных отношений, лежащих в основе общественных институтов (М. Кастельс).

Сознание, являясь важнейшим родовым свойством человека, понимается, как «высший уровень человеческой психики, который представляет собой системную совокупность информационных процессов, основанных на вербально-понятийном мышлении и потому специфичных для человека» [5, с. 19]. Речь идет о совокупности символически создаваемых мышлением человека знаниях, нормах, образах и других идеальных конструкциях, которые посредством объективации и социализации обретают знаково-символическую форму и становятся частью общественного дискурса. Таким образом, сознание в общественной жизни выполняет две взаимодополняющие функции: ориентационную и проектную функции [5, с. 20]. Ориентационная функция сознания связана с осмыслением наличного бытия, того, что уже существует в мире или должно в нем появиться независимо от воли человека. Проектная функция предполагает использование рефлективной и валюативной информации для конструирования особой символико-смысловой сферы бытия – социальной реальности. Вместе с тем имеется кардинальное различие между способностью людей проектировать объектную среду своего существования и их способностью создавать и контролировать организационные условия собственной жизни, меняя основы и формы человеческого общежития [5, с. 22]. Сознание не принимает непосредственного участия в генезисе социальных структур и институтов в качестве производящей причины, однако является условием их возникновения. Как отмечает Р. Бхаскар, «социальные структуры, в отличие от природных структур, не существуют независимо от видов деятельности, направляемых ими» и «независимо от идей и представлений субъектов» [6, с. 231]. Из этого следует, что социальная реальность представляет собой особое пространство, структуры которого возникают и существуют благодаря информационному поведению человека

[1] *Кастельс М.* Власть коммуникации : учеб. пособие / пер.: Н. М. Тылевич, А. А. Архипова ; ред. А. И. Черных. М. : Высш. шк. экономики, 2023. С. 9.

в среде, основанному на абстрактно-логическом, вербально-понятийном мышлении, которое обеспечивает генерацию и воспроизводство интерсубъективных ценностных и смысловых паттернов.

Таким образом, проектная функция сознания в процессе возникновения и трансформации социальных институтов во все времена оставалась определяющей, поскольку она регулировала социальные взаимодействия и определяла стратегические пути развития социальной системы. В условиях цифровой трансформации современного общества проектная функция сознания приобретает центральное значение, что обусловлено как минимум двумя фундаментальными обстоятельствами. Первым обстоятельством является возрастание роли целенаправленного планирования и сознательного контроля, «расширение общественных сфер, подчиненных стандартам рационального решения» [7, с. 50]. Речь идет об управлении всем циклом производства, распределения и обмена всевозможных материальных и нематериальных ценностей, которые формируются в различных сферах общественной деятельности. В то же время возросшие возможности проектного сознания связаны не только с расширением сферы сознательного контроля, изменением базиса общества и его социального уклада. Велика роль проектного сознания и в изменении институциональных основ общественной жизни, что проявляется среди прочего в возникновении наднациональных систем управления, которым делегирована значительная часть полномочий ранее автономных стран и народов.

Вторым обстоятельством, свидетельствующим о возрастании роли проектного сознания, является «…расширение возможностей сознательного контроля, проникающего в сферы общественной жизни, где ранее доминировала стихийная модель развития. Кроме того, проектное сознание обретает беспрецедентную способность совершать масштабные изменения общественной жизни не под давлением исторической необходимости, а в соответствии с ценностными приоритетами людей, их представлениями о должном социальном устройстве» [8, с. 38]. В данном случае речь идет о возникновении специальных инжиниринговых технологий и средств проектирования социального пространства, имеющих очевидные практические следствия. Опыт XX – начала XXI в. наглядно демонстрирует, как отдельные идеологемы и идеологические концепции оказывали глубокое ранее невиданное влияние на фундаментальные структуры общества, его социально-экономические, политико-институциональные и социокультурные основания. Данное влияние было обусловлено множеством факторов и влекло за собой разнообразные положительные и отрицательные результаты. Стремительное распространение различных проектов преобразования социальной реальности, обусловленное развитием информационно-коммуникационных технологий, стало реальным фактором подчинения общественного бытия общественным сознанием. Как следствие, «проективно-конструктивная установка в отношении природы, общества и человека становится доминирующей, а создание новых технологий осуществляется планомерно и во все больших масштабах, при этом на основе развития научного знания» [9, с. 177].

Вместе с тем реализация проектной функции сознания в процессе конструирования социальной реальности имеет свои особенности. С одной стороны, следует иметь в виду, что социальное конструирование не является произвольным процессом, а исходит из признания и понимания объективных законов общественной жизни, задающих границы достижения желаемого. С другой стороны, именно в современную эпоху, характеризующуюся становлением и развитием особой технологически адаптивной информационно-коммуникационной инфраструктуры, проектная функция общественного сознания раскрывается в способности определять содержание дискурсивных практик, а значит ценностей и норм, лежащих в основе социального взаимодействия в эпоху постправды. Изменение базисных смыслов универсалий культуры осуществляется посредством динамично развивающейся информационно-коммуникационной инфраструктуры и не в последнюю очередь благодаря медиатехнологиям.

Новые информационно-коммуникационные технологии, в особенности медиатехнологии, оказывают непосредственное влияние на жизненный мир человека, в определенном смысле подчиняя его технологическим возможностям, главным образом в сфере коммуникации. Как отмечает М. Кастельс, «если фундаментальная битва за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной жизни происходит вокруг формирования человеческого сознания, то коммуникация является эпицентром этой битвы»[2]. Технологии, в том числе новые технологии коммуникации, из чисто вспомогательного средства, увеличивающего комфортность жизни людей, превращаются в доминирующий фактор трансформации культуры и фундаментальных оснований современного общества. Динамика культуры становится нелинейной, а воспроизводство ее фундаментальных мировоззренческих структур (универсалий культуры) – все в большей степени зависимым от медийно конструируемой событийности. Реальность, прежде всего социальная реальность, понимаемая как опосредованная совместной деятельностью надорганическая институциональная форма существования людей, формируется на основе смыслов и ценностей, сгенерированных

[2] *Кастельс М.* Власть коммуникации… С. 20–21.

в процессах коммуникации [10, с. 415]. В данном случае речь идет о своего рода конструировании социальной реальности посредством технологий коммуникации, что выступает одной из радикальных форм медиатизации.

Социально-философское осмысление описанных процессов формирования информационно-коммуникационной инфраструктуры на различных этапах развития современного общества (от зарождения цифровых технологий передачи и распространения информации до появления современных медиатехнологий) нашло свое отражение в работах А. Моля, П. Бергера, Т. Лукмана, М. Кастельса, П. Бурдье, Н. Коулдри, А. Хеппа. В их концепциях внимание сосредоточено на выявлении роли информационно-коммуникационных технологий в генерации и воспроизводстве универсалий культуры, выступающих своеобразным «геномом социальной жизни» [1, с. 206], матрицей для развертывания разнообразных конкретных образцов деятельности, знаний, предписаний, норм, идеалов, которые регулируют социальную жизнь в рамках определенного типа культуры. Как отмечают ученые, их роль меняется по мере формирования информационно-коммуникационной инфраструктуры современного общества (от вспомогательной формы опосредования социальных взаимодействий до практически самостоятельной структуры, задающей способы организации социального пространства).

В рамках концепции социодинамики культуры (А. Моль) информационно-коммуникационная инфраструктура понимается в качестве особого интеллектуального оснащения и представляет собой структуру знаний, идей, смыслов и ценностей, присущих определенному типу общества. А. Моль обращает внимание на механизмы формирования определенной картины мира на основе усвоения человеком базисных смыслов универсалий культуры. В то же время ученый, различая два типа культур (традиционную гуманитарную культуру и современную «мозаичную» культуру), отмечает, что важнейшим отличием второго типа является то, что «знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации» [11, с. 45]. Таким образом, А. Моль фиксирует и, опираясь на конкретные фактологические данные, обосновывает идею о том, что формообразование восприятия и опосредующих его репрезентаций в современном цифровом обществе носит фрагментарный характер и осуществляется путем воздействия современных технологий коммуникации.

Продолжают исследования особенностей интеграции информационно-коммуникационной инфраструктуры в социальную практику П. Бергер и Т. Лукман, отмечая ключевую роль медиа в поддержании оснований базовой реальности повседневности: медиа выступают в качестве технологической основы легитимации институционального порядка, участвуют в производстве знаний и идентичности [12]. Выступая влиятельным агентом социализации и образования, технологии коммуникации и новые медиа прочно встраиваются в систему производства и распределения знаний; они выступают не только средством приобщения к «символическому универсуму», определяющему способы социального упорядочения действительности, но и механизмом проектирования идентичности в цифровой среде. Однако еще более глубокая интеграция новых коммуникационных технологий и медиатехнологий в структуру современного общества (медиатизация (Н. Коулдри, А. Хепп) [13]) приводит к ситуации, когда установление норм социального взаимодействия и «легитимное видение социальной реальности» (П. Бурдье), т. е. осуществление власти как способа организации общества, становятся прерогативой информационно-коммуникационной инфраструктуры. Таким образом реализуемая символическая власть, понимаемая как «борьба за формирование общественного сознания на символическом уровне» [14, с. 146], т. е. на уровне смыслов и ценностей, нередко оборачивается символическим информационным насилием – «…бессознательным подчинением власти посредством системы знаний и иерархии ценностей, приобретающих само собой разумеющийся характер»; она заставляет признать их легитимными и одновременно скрывает силовые отношения, лежащие в ее основе [15, с. 38].

Исследователи Н. Коулдри и А. Хепп акцентируют внимание на ключевой роли коммуникации в поддержании социального порядка. Последний конституируется за счет процесса медиатизации: медиа, с одной стороны, трансформируют коммуникативные практики, а с другой стороны, материализуют и институционализируют их. Таким образом, медиа в процессах коммуникации не только выступают посредником в передаче информации и сообщений, но и оказываются способными изменять акты социальной интеракции и способы социального взаимодействия. Процесс медиатизации также изменяет темпоральность социального мира. Как отмечает А. Хепп, эта новая темпоральность все меньше поддается контролю субъектов социальных взаимодействий и все чаще определяется возможностями технологической инфраструктуры [16]. Ключевым источником производства и распространения социального знания становятся технологии больших данных. С помощью алгоритмов знания, генерируемые в цифровой среде, аккумулируются для последующего коммерческого или административного использования. Таким образом, конструирование социальной реальности в цифровую эпоху предполагает алгоритмизацию больших данных и генерацию на этой основе систем знаний и ценностей, лежащих в основе перманентно воспроизводящихся в публичном пространстве социума дискурсов.

В настоящее время современное общество переживает очередной виток трансформации, обусловленный качественными сдвигами в медиапространстве. Развитие медиатехнологий происходит под непосредственным воздействием процессов цифровизации, основанных на датификации – двунаправленном процессе, предполагающем преобразование отдельных аспектов человеческой деятельности в данные посредством их количественной оценки и превращение этих данных в различные виды ценностей [17]. Исследователь процессов цифровизации Ш. Мау в связи с этим вводит понятие «метрическое общество», характеризующее полный переход всех социальных процессов, явлений и даже личной идентичности в измеряемый, числовой формат [18]. Этот процесс квантификации проявляется в широком использовании рейтингов, систем ранжирования, разработке и внедрении новых критериев измерения, скоринговых систем, а также практик самоизмерения и самоконтроля. Количественные самоописания служат инструментом формирования социальных различий посредством новых, цифровых механизмов (лайков, рекомендаций, отзывов и рейтингов), что позволяет говорить о широком распространении практики социального конструирования идентичности субъекта на основе алгоритмической обработки данных цифровыми медиаплатформами.

Внедрение цифровых технологий оказывает влияние и на трансформацию социального взаимодействия. Появление платформенных медиа не только изменило каналы распространения информации, но и способствовало формированию новой социальной инфраструктуры. Как технологический драйвер цифровизации общества, платформенные медиа благодаря интеграции алгоритмических закономерностей, больших данных и технологий искусственного интеллекта постепенно сформировали новую социальную и коммуникационную инфраструктуру современного общества. Интернет-платформы перестраивают механизмы производства и распространения контента посредством анализа данных и алгоритмических рекомендаций, формируя новые модели организационных коммуникаций. Также эти платформы изменяют фундаментальные модели межличностной коммуникации. Роль основных каналов получения информации пользователями перешла от традиционных средств массовой информации к комплексу цифровых платформ и приложений.

Ядром технологической инфраструктуры современного общества становится феномен метавселенной, возникающий в результате конвергенции новых информационно-коммуникационных технологий. Эта форма «метамедиа» не только меняет представление об информации, но и может реконструировать традиционные практики социального взаимодействия. Конструирование социальной реальности осуществляется посредством использования алгоритмов и разнообразных технических систем, автоматизированной обработки данных [16]. Эти трансформации затрагивают фундаментальные аспекты социальной жизни, включая пространство и время, а также способы производства и распространения социального знания. Исследователи уделяют особое внимание социальным последствиям этих изменений. Интернет расширяет горизонты индивидуального жизненного пространства, а медиатизированное социальное взаимодействие приобретает центральное значение для установления знакомств и поддержания общения. Вместе с тем эти новые возможности порождают и актуальные социальные вызовы, такие как возникновение новых форм неравенства (например, цифрового разрыва) и размывание границ между частной и общественной сферами жизни.

Заключение

Проведенный социально-философский анализ концепций конструирования социальной реальности позволил эксплицировать важнейшие параметры и функциональный статус информационно-коммуникационных технологий в цифровую эпоху, роль ориентационной и проектной функций общественного сознания в трансформации фундаментальных оснований современного общества. Выявленные особенности онтологических и социокультурных оснований информационно-коммуникационной инфраструктуры современного общества позволили определить преимущества и возможные риски, возникающие в процессе медиатизации. Наиболее существенными из них являются следующие риски:

1) фрагментация общественного сознания из-за «информационных пузырей» и алгоритмов персонализации, используемых современными медиа;

2) распространение дезинформации и фейков в условиях трансформации способов передачи и распространения информации;

3) угроза приватности и безопасности персональных данных;

4) усиление социального неравенства между теми, кто имеет доступ к цифровым технологиям, и теми, кто его лишен (цифровой разрыв);

5) манипуляция общественным мнением через таргетированное воздействие и скрытые механизмы влияния;

6) размывание границ между реальным и виртуальным, которое может приводить к искажению восприятия действительности;

7) появление зависимости от платформ и сервисов, контролируемых крупными технологическими корпорациями, которая снижает цифровой суверенитет государств и сообществ.

Формирование и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры оказало существенное влияние на способы организации социокультурного пространства современного цифрового общества, формы трансляции и воспроизводства универсалий культуры, процессы легитимации и идентификации. Указанные изменения, связанные с распространением и воздействием медиатехнологий на все сферы жизни, несут серьезные трансформативные последствия для социальной реальности. Социокультурное пространство последней становится все в большей степени специально сконструированным и выступает особым символическим универсумом, в котором смыслы формируются преимущественно на основе технологий событийности и постправды. Вместе с тем именно такая организация социальной реальности усиливает рефлексивность субъектов социальных взаимодействий, что может стать действенным фактором, препятствующим распространению практик манипулирования общественным сознанием и способствующим развитию цифрового общества на подлинно гуманистических принципах.

Библиографические ссылки

1. Стёпин ВС. *Теоретическое знание: структура, историческая эволюция*. Минск: Беларуская навука; 2021. Философские основания науки; с. 196–218.
2. Добринская ДЕ. Что такое цифровое общество? *Социология науки и технологий*. 2021;12(2):112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129.
3. Князева ЕН. Конструирование в коммуникативных системах. *Философия науки*. 2012;17(1):84–97. EDN: TNINWT.
4. Князева ЕН. Коммуникативная сложность. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013;5:110–118. EDN: QBJLHP.
5. Момджян КХ. Проблема конструирования социальной реальности. В: Момджян КХ, Цуркан ЕГ, Ефремов ОА, Бараш РЭ, Левицкий ВС, Миронова ДВГ и др. *Диагноз современности и глобальные общественные вызовы в социально-философской рефлексии*. Момджян КХ, Цуркан ЕГ, составители. Москва: Логос; 2022. с. 19–38.
6. Бхаскар Р. Общества. В: Винокуров ВВ, Филиппов АФ, составители и редакторы. *Социологос: социология, антропология, метафизика. Выпуск 1, Общество и сферы смысла*. Москва: Прогресс; 1991. с. 219–240.
7. Хабермас Ю. *Техника и наука как «идеология»*. Хорькова МЛ, переводчик; Кильдющов ОВ, редактор. Москва: Праксис; 2007. 208 с.
8. Момджян КХ. К вопросу о конструировании социальной реальности. *Философский журнал*. 2021;14(4):38–52. DOI: 10.21146/2072-0726-2021-14-4-38-52.
9. Лекторский ВА. *Философия. Познание. Культура*. Москва: Канон+; 2012. Социальные технологии и человек; с. 177–188.
10. Ним ЕГ. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации. *Социологическое обозрение*. 2017;16(3):409–427. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-409-427.
11. Моль А. *Социодинамика культуры*. Бирюков БВ, Зарипов РХ, Плотников СН, редакторы. Москва: URSS; 2008. 416 с.
12. Бергер П, Лукман, Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич ЕД, переводчик. Москва: Медиум; 1995. 323 с.
13. Couldry N, Hepp A. *The mediated construction of reality*. Cambridge: Polity; 2017. 256 p.
14. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть. Иванов ВИ, переводчик. В: Гончаренко ЮО, Горюнова ЕЕ, Давыдов МА, Михеев АВ, Михина МВ, Молчанова НВ и др., редакторы. *THESIS. Выпуск 2, Структуры и институты*. Москва: Высшая школа экономики; 1993. с. 137–150.
15. Сидоренко ИН. *Философия насилия: от метафоры к концепту*. Минск: БГУ; 2017. 175 с.
16. Hepp A. *Deep mediatization*. London: Routledge, 2019. 260 p. DOI: 10.4324/9781351064903.
17. Mejias UA, Couldry N. Datafication. *Internet Policy Review*. 2019;8(4):1–10. DOI: 10.14763/2019.4.1428.
18. Mau S. *The metric society on the quantification of the social*. Howe S, translator. Cambridge: Policy; 2019. VII, 205 p.

Статья поступила в редколлегию 05.03.2026.
Received by editorial board 05.03.2026.

УДК 141.7:37.013.1(476)

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО: РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА В СТАНОВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Д. В. ГОНЧАРОВА[1)]

[1)]*Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Рассматриваются история православной церкви и ее взаимодействие с государством. Анализируются влияние византийского наследия на становление русской государственности, взаимодействие церкви с государством в период петровских реформ и в период господства советской атеистической идеологии, а также партнерские отношения церкви и белорусского государства на современном этапе. Делается вывод о значительном влиянии института православной церкви на становление социальных институтов (право, семья, благотворительность, образование, здравоохранение, армия) и на общество через ее доктрину и ценности. Отмечается важность взаимоотношений церкви с современными социальными институтами Республики Беларусь для сохранения социальной стабильности, национального самосознания и суверенитета государства.

Ключевые слова: институт церкви; социальные институты; государство; православное вероучение; христианская аксиология; основы идеологии белорусского государства; национальное самосознание.

CHURCH AND GOVERNMENT: THE ROLE OF ORTHODOX CHRISTIANITY IN THE FORMATION OF SOCIAL INSTITUTIONS

D. V. HANCHAROVA[a]

[a]*National Institute for Higher Education, 15 Maskowskaya Street, Minsk 220007, Belarus*

Abstract. The article examines the history of the Orthodox Church and its interaction with the state. The influence of the Byzantine heritage on the formation of the Russian statehood, the interaction between church and state during the period of Peter I reforms and during the domination of Soviet atheistic ideology, as well as at the current stage of the partnership between the church and the Belarusian state. The conclusion is drawn about the significant influence of the institution of the Orthodox Church on the formation of social institutions (law, family, charity, education, health care, army) and on society through its doctrine and values. The importance of the relationships between the church and the modern social institutions of the Republic of Belarus is noted for the preservation of social stability, national identity and sovereignty of the state.

Keywords: institution of the church; social institutions; state; orthodox doctrine; Christian axiology; foundations of ideology of the Belarusian state; national identity.

Образец цитирования:
Гончарова ДВ. Церковь и государство: роль православного христианства в становлении социальных институтов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;2:51–59.
EDN: OXUXMN

For citation:
Hancharova DV. Church and government: the role of Orthodox Christianity in the formation of social institutions. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2026;2:51–59. Russian.
EDN: OXUXMN

Автор:
Диана Владимировна Гончарова – аспирантка кафедры философии, истории и методологии образования. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Д. Г. Доброродний.

Author:
Dziyana V. Hancharova, postgraduate student at the department of philosophy, history and methodology of university education.
korzundi2003@gmail.com

CC BY NC

Введение

Взаимодействие церкви и государства остается одной из наиболее актуальных проблем современного общества, особенно в контексте поиска духовных основ национальной идентичности и социальной стабильности. В условиях глобализации и ценностного плюрализма обращение к историческому опыту становления социальных институтов под влиянием православного христианства приобретает особую значимость. В течение более чем тысячелетия православие на многих славянских землях, в том числе исторических землях Республики Беларусь, играло ключевую роль в становлении и развитии важных социальных структур общества (семья, право, благотворительность, образование, здравоохранение, военное дело), которые впоследствии институализировались. Таким образом, культурные, моральные и этических основания православной веры служили нормативно-аксиологической базой для формирования широкого спектра социальных институтов, обеспечивающих стабильность и интеграцию общества. На примере Республики Беларусь, где заключены фундаментальные соглашения между церковью и государственными структурами, видна практическая востребованность такого взаимодействия. Вследствие этого можно говорить, что православная церковь в нашей стране сыграла ключевую роль в формировании современных социальных институтов.

Актуальную сегодняшнему анализу цивилизационной ситуации мысль высказал социолог Т. Веблен: «Развитие институтов есть развитие общества. Институты – это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций»[1] [1, с. 201]. Это емкое высказывание отвечает идее национальной идентичности, сформированной под влиянием церковно-нравственных нарративов. Православное самосознание сформировало культуру, в которой зародились и потом под влиянием национальных традиций оформились современные социальные институты.

В свою очередь, Т. Парсонс отмечал: «Религия как *культурный* феномен *не* является частью системы поддержания паттерна. Скорее, соответствующей структурой является коллективная организация религиозных ориентаций, например, в церквях или в профетических движениях» [2, с. 61]. Действительно, религия выступает важной частью культурной системы, которая через свою организацию и практики участвует в формировании норм и институтов общества. Согласно Т. Парсонсу этика, наука и право институализировались, происходя из религии: «Религия содержит в себе матрицу, из которой дифференцировались в общем и целом культурные институты, и остается “главенствующей системой” в кибернетическом смысле. Но мирские интеллектуальные дисциплины (наука), искусства в экспрессивно-символическом смысле и нормативные дисциплины (например, этика и право) достигли [при этом] дифференциации от нее» [2, с. 61]. Именно религия служит важным регулятором культурных паттернов, поддерживающим социальную интеграцию.

В Республике Беларусь, как в многоконфессиональном государстве, сохраняется опора на традиционные ценности, сформированные под влиянием традиционных религий. В настоящей статье берутся во внимание прежде всего православные христианские ценности, транслируемые православной церковью, которая играет особую роль «в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа»[2]. Сегодня ведутся споры о том, какие ценности в белорусском народе считаются традиционными. Согласно православной христианской аксиологии религиозно-этическими и религиозно-социальными ценностями являются благо, любовь к ближнему и своему врагу, прощение, святость, добродетель, церковь, христианская община, соборность, человечество[3]. Такие ценности сегодня включены в идеологические основы белорусского государства[4]. В соответствии с Директивой № 12 Президента Республики Беларусь через «взаимодействие с религиозными организациями, зарегистрированными в Республике Беларусь, в вопросах духовно-нравственного воспитания населения, сохранение традиционных ценностей, профилактики социального неблагополучия, противодействие деструктивным религиозным течениям»[5] белорусское государство транслирует ценности, которые являются общепризнанными в стране и разделяются православной церковью. Компонентом идеологии Республики Беларусь является «совокупность идей о солидарности, социальной справедливости, нравственности, патриотизме,

[1]Здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

[2]О свободе совести и религиозных организациях : Закон Респ. Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-XII // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2024. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19202054 (дата обращения: 06.11.2025).

[3]Аксиология // Православ. портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/aksiologiya (дата обращения: 08.11.2025).

[4]Государственную идеологию необходимо строить на фундаменте христианских ценностей // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. Минск, 2009. URL: https://president.gov.by/ru/events/gosudarstvennuju-ideologiju-neobxodimo-stroit-na-fundamente-xristianskix-tsennostej-4877 (дата обращения: 08.11.2025).

[5]О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь, 9 апр. 2025 г., № 12 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (дата обращения: 06.11.2025).

обязанностях, правах и свободах человека, балансе интересов различных социальных групп»[6]. Церковь плечом к плечу с государством стоит на страже семейных ценностей, защищая белорусов от морально-нравственного разложения, искажения истории, в том числе обесценивания роли белорусского народа в достижении победы в Великой Отечественной войне, а также вносит свой вклад в сохранение целостности системы образования, традиционных конфессий, армии, институтов государственной власти[7]. Через поддержание восточнославянской православной культуры церковь способствует «сохранению народного единства, национальной идентичности»[8]. В основе идеологии белорусского государства лежит мысль о том, что белорусский народ осознает свою принадлежность к восточнославянской цивилизации; свидетельством тому служит комплекс устоявшихся убеждений о происхождении народа, формировании и развитии его самосознания[9].

Исследуя вопрос о традиционных ценностях белорусского народа, мы смотрим не в прошлое, а в будущее. Современная информационная эпоха предполагает манипулирование невещественными факторами производства: социальным поведением, потребностями, социальными сетями. Человек, как духовно-социальное существо, становится одним из участников материально-экономической парадигмы обогащения. Способность влиять на его ценности превращается в способность монетизировать идеи и ценности. Следовательно, сохранение традиционных ценностей народа переходит на уровень стратегической безопасности страны. В Директиве № 12 Президента Республики Беларусь говорится, что «Беларусь сталкивается с угрозой внешней агрессии, принимающей характер гибридного противостояния: информационные войны, борьба идей и смыслов, насаждение чуждой деструктивной идеологии»[10]. Вследствие этого сохранение традиционных ценностей рассматривается в качестве фундаментального аспекта обеспечения суверенитета белорусского государства. Таким образом, взаимодействие Белорусской православной церкви с органами государственной власти выстраивается на единой аксиологической основе. Реализуя свою миссию через социальное служение, церковь актуализирует религиозный потенциал в публичном пространстве. Как следует из концептуальных документов церковных институтов, данная деятельность находит легитимацию в соглашениях с ключевыми социальными институтами Республики Беларусь[11].

Соглашение о сотрудничестве между правительством Республики Беларусь и Белорусской православной церковью было заключено 12 июня 2003 г. Оно означало, что все важнейшие социальные институты страны будут взаимодействовать с церковью для укрепления основ республики как социального государства. Затем в течение 2004 г. церковь заключила соглашения со многими государственными социальными институтами Республики Беларусь. На базе данных соглашений выработаны программы сотрудничества с Министерством внутренних дел Республики Беларусь, Министерством здравоохранения Республики Беларусь, Министерством информации Республики Беларусь, Министерством культуры Республики Беларусь, Министерством обороны Республики Беларусь, Министерством образования Республики Беларусь, Министерством труда и социальной защиты Республики Беларусь, Минским городским исполнительным комитетом, Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, НАН Беларуси и др. Из этого следует, что православной церкви необходима социальная деятельность для реализации ее учения о любви к человеку, а государство всегда опирается на религиозную составляющую жизни людей. На сегодняшний день данные программы активно претворяются в жизнь. 29 марта 2024 г. в духовно-просветительском центре «Ковчег» Свято-Елисаветинского монастыря г. Минска состоялось выездное заседание Президиума Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь для обсуждения темы «Общественно-государственное партнерство в сохранении духовно-нравственных ценностей современного общества». 15 октября 2025 г. в Софийском соборе г. Полоцка прошел форум «Разговор о важном: счастливая семья – сильное государство». 16 мая 2025 г. в Свято-Успенском Жировичском митрополичьем мужском монастыре был проведен семинар «Государство и Церковь. На страже традиций и нравственных ценностей белорусского общества». Семинар прошел под руководством председателя Палаты представителей Республики Беларусь И. П. Сергеенко. Лейтмотивом семинара стала тема религиозного служения в деле укрепления традиционных ценностей, в том числе семейных и духовных ценностей. Сам семинар и его тематика свидетельствуют о взаимодействии государства и церкви в деле сохранения и развития духовных ценностей и показывают заинтересованность

[6]О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь, 9 апр. 2025 г., № 12 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (дата обращения: 06.11.2025).

[7]Там же.

[8]Там же.

[9]Там же.

[10]Там же.

[11]О принципах организации социальной работы в Русской православной церкви // Офиц. портал Белорус. православ. церкви. Минск, 2011. URL: http://church.by/docs/o-principah-organizacii-socialnoj-raboty-v-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi (дата обращения: 06.11.2025).

государства в подобного рода мероприятиях. Церковь совместно с министерством образования ежегодно проводит конференции, посвященные вопросам сотрудничества. К ним относятся Рождественские чтения, Кирилло-Мефодиевские чтения. Множество совместных с церковью и духовными школами конференций организовывает НАН Беларуси. В Минском городском институте развития образования 8 июля 2025 г. состоялось рабочее совещание по вопросам планирования мероприятий в рамках Программы сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской православной церквью на 2026–2030 годы. Реализация совместных проектов вовлекает людей в социальную жизнь общества, влияя на позитивную конструктивную жизненную позицию белорусского народа.

Все вышесказанное подтверждает актуальность и значимость взаимодействия православной церкви с государством и социальными институтами Республики Беларусь. Это взаимодействие не является чем-то принципиально новым как для нашего региона, так и для самой церкви. В данной статье будет прослеживаться влияние православия на становление и развитие ключевых государственных социальных институтов начиная с периода Византийской империи и заканчивая современностью.

Взаимоотношения христианской церкви и национальных государств развивались на протяжении почти двух тысячелетий. За это время церковь выделила и сформировала позиции, на которых зиждется ее современное сотрудничество с основными государственными социальными институтами. Как человек состоит из тела и души, так и общество формируют государственная и духовная власти. Церковь, по завету апостолов, чтит власть, закон, как богоустановленный порядок. Следовательно, задачи церкви и государства совпадают: обе власти способствуют процветанию и украшению материального и духовного мира соответственно. В шестой новелле императора Юстиниана I (VI в.) говорится о священстве и царстве как о двух величайших дарах человечеству: «…первое заботится об угождении Богу, второе – о прочих предметах человеческих. Оба же, происходят от одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни. Когда и церковь во всех своих частях благоустроена, и государственное управление твердо и путем законов направляет жизнь народа к истинному благу, то возникает добрый и плодотворный союз церкви и государства, столь благодетельный для человечества» [3, с. 15]. Шестая новелла императора Юстиниана I трансформировала институт юстиции, в корне поменяла значение и исполнение большинства законов римского права. Однако первый толчок в развитии христианского гражданского общества и государственной власти дал Миланский эдикт, изданный императором Константином I Великим в 313 г. Этот эдикт не только прекратил гонения на христиан и христианскую религию, но и легализовал христианство. В 380 г. император Феодосий I Великий наделил христианство статусом государственной религии [4, с. 9]. Взаимозависимость и взаимоподдержку церкви и светской власти в византийский период характеризуют как симфонию властей: «…обоюдное сотрудничество, взаимная поддержка и взаимная ответственность без вторжения одной стороны в сферу исключительной компетенции другой. Гос-во при симфонических отношениях с Церковью ищет у нее моральной, духовной поддержки, ищет молитвы за себя и благословения на деятельность, направленную на достижение целей, служащих благополучию граждан, а Церковь получает от гос-ва помощь в создании условий, благоприятных для благовествования и для духовного окормления своих чад, являющихся одновременно гражданами гос-ва»[12].

Симфония властей стала политической доктриной Византийской империи, а в последующем и Руси, как ее духовной преемственницы. Она была положена в основу церковно-государственных отношений, прежде всего в законодательных актах. Роль церкви в государстве и обществе велика, поскольку христианство актуализирует высшее назначение государственной власти. Через христианство власть понимается как сдерживатель разрушительных действий и покровитель добродетельного поведения. Посредством этого государство создает условия для «спасения людей через устройство мирного общежития» и является одним из «благодеяний божественной воли», таким образом власть «облегчает работу Церкви по спасению человеческих душ» [3, с. 17]. В свою очередь, ранняя христианская церковь составляла свои законы, опираясь на римское законодательство (она переняла систему законов Римской империи) [5, с. 112]. Таким образом было сформулировано церковное право как «система правовых норм, обусловливающих внутреннее устройство Церкви, ее практическую жизнь, внутреннюю деятельность и деятельность, касающуюся взаимоотношений с внешней социальной средой»[13].

Преобразующая роль христианства проявилась в кратчайшие сроки. При императоре Юстиниане I правовые нормы, своды законов наполнились новым содержанием. Под влиянием христианства увеличилось уважение к свободному труду, значительно смягчились нормы в отношении рабства, изменились нормы, касавшиеся брака и развода и вообще положения женщин. Были устранены гладиаторские бои, изменились нравы общества в целом: «…все становление Византийской империи в контексте государственности – это привнесение христи-

[12]Симфония властей // Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» : сайт. URL: https://m.pravenc.ru/text/2663268.html?ysclid=ms3inf1rrd692172031 (дата обращения: 08.11.2025).

[13]Церковное право // Православ. портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/cerkovnoe-pravo (дата обращения: 23.10.2025).

анской идеи в государственное управление» [3, с. 28]. В Византии реформы Юстиниана I наделили юридическим статусом и правами церковные благотворительные организации, церковные общины. Под влиянием христианства в Византийской империи появились сиротские дома, дома престарелых, вдовьи дома и дома для нищих, больницы, воспитательные учреждения и странноприимные дома. Государственная власть предоставляла этим церковным учреждениям ряд привилегий. Христианство признавалось универсальной религией всего человечества, в нем нейтрализовывался национальный характер вероисповедания. Также христианство преодолевало языческий характер юридических форм и принципиально их изменяло. Таким образом, христианство и церковь стали неотъемлемой частью жизни общества и государства, что, как драгоценное наследие, перешло в русское государство.

Приняв православие из рук византийского патриарха, Русь переняла византийские юридические нормы и систему государственного управления, адаптировав их под славянское сознание. Вместе с православием князь Владимир принял и постановления апостольские, и постановления церковных Вселенских соборов, что составило наибольшую часть сборника церковных и светских законов «Кормчая книга». При князе Владимире началось формирование государственной законодательной системы Руси. За ее основу были взяты законы Юстиниана I, составлявшие большую часть номоканонов патриарха Фотия и патриарха Иоанна III Схоластика [6, с. 81]. Прежде всего эти законы нашли отражение в законодательных актах. Также огромное политическое значение имел союз Владимира с византийской принцессой Анной. По совету своей жены Владимир создал первый церковный устав. Устав князя Владимира стал «первым приложением к условиям жизни русской общего церковного, и в частности византийского законоположения» и «первым опытом местного, самобытного церковного законодательства в России» [6, с. 83].

Митрополит Макарий в своем труде «История русской церкви» пишет о церкви и государстве как о двух началах в русской истории. Вклад русской церкви в жизнь государства он описывает следующим образом: «…ее единственная цель – возрождать и воспитывать людей для живота грядущего и приготовлять их к вечному блаженству на небеси. Но в то же время, как истинная насадительница благочестия в человечестве она носит в себе обетование и живота нынешнего (I Тим IV, 8); в то же время она может оказывать самое благотворное влияние и на временную судьбу как частных лиц, так и целых народов, быть лучшею руководительницею гражданского усовершенствования, первейшею водворительницею внутреннего мира, довольства и счастья в государствах и самою благонадежною спасительницею их во дни бурь и треволнений политических» [7, с. 259].

Решение князя Владимира принять православную веру было вызвано не только велением сердца, но «государевым умом» (на тот момент уровень образования, политический вес восточной части Римской империи, ее экономическое влияние были велики). Кроме того, его политика собирания земель нуждалась в объединяющем начале. При князе Владимире родовые традиции ушли на второй план. Через введение единого законодательства на всех подвластных ему территориях, через единую религию и систему ценностей в русском народе начало выкристаллизовываться государственное самосознание. Единая монотеистическая религия как никакая другая могла консолидировать русский народ.

Принятие христианства для русской государственности того времени означало переход на новый уровень общественного устройства, переход от первобытного племенного общества к цивилизации, сплачивание родственных племен в единую этническую общность через замену политеизма монотеизмом. Единая религия, получавшая поддержку государя и, наоборот, поддерживающая правителя, также способствовала укреплению государственности. Вступление в семью христианских народов открывало путь для влияния более развитых христианских государств. Таким государством на Востоке была Византия. Вследствие этого «новорожденные» христианские государства получили письменность и литературу на родном языке. Восточные славяне также сформировали и раскрыли свою идентичность во многом благодаря православному христианству.

Церковь устанавливалась знаковым институтом через имущественные отношения с государством, выплату ей десятины из доходов казны, а также вверению в ее руки регулирования брачных отношений в обществе. Православная церковь поддерживала русских князей и стала опорой национальной государственности. Нравственное влияние молодой религии способствовало укреплению института семьи. Христианское понимание брака делало институт семьи устойчивым, упорядочивало взаимоотношения в родовых общинах, которые часто составляли малые поселения, и через это укрепляло государственный строй: «…взаимопроникновение между социальной и культурной системами очевиднее всего связано с местом религии относительно социальной структуры. Фактически первичные структуры наиболее примитивных обществ почти целиком укладываются в две базовые категории – родства и религии» [2, с. 70].

С христианизацией Руси получила распространение и благотворительность. В уставе князя Владимира, состоящем из трех частей, в первую очередь назначается десятина для церкви Пресвятой Богородицы в Киеве; осуществляется дифференциация дел, подлежащих гражданскому и церковному суду; определяется круг ведомств и людей, принадлежащих к церкви или «окормляемых» ею (в том

числе монастыри, больницы, гостиницы и странноприимные дома) [6, с. 85]. Религиозные тексты, например слова из Священного Писания, напрямую влияли на судьбы людей через христианского князя. В той же летописи «Повесть временны́х лет» говорится о том, как жестокосердный языческий правитель, князь Владимир, приняв крещение, полностью изменил свой нрав: «…повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что “немощные и больные не могут добраться до двора моего”, приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: “Где больной, нищий или кто не может ходить?” И раздавали тем все необходимое» [8, с. 134]. Этот пример иллюстрирует то, как религия влияла на развитие личности христианина и способствовала формированию института благотворительности: «Институты есть распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций. <…> Другими словами, институты – это привычный образ мысли, руководствуясь которым живут люди… Институты – это образ мысли, точки зрения, настрой и способности ума, да и многое другое» (цит. по [9, с. 380]).

По всей Руси стремительно развивалась образовательная система. Порфирородная византийская принцесса Анна, супруга князя Владимира, дала импульс развитию русского образования. Епископы и священники, сопровождавшие княгиню, привезли с собой вероучительные книги и открыли доступ к достижениям античной науки, философии и христианской теологии. Важное значение имело то, что многие вероучительные книги были переведены на славянский язык солунскими братьями, святыми Кириллом и Мефодием, что подчеркивает первоочередное влияние православия на формирование культуры и нравственности восточных славян: «Успехи разума и способностей его, необходимое следствие гражданского состояния людей, были ускорены в России христианскою верою» [10, с. 171]. В летописи «Повесть временны́х лет» упоминается создание школ князем Владимиром. Они были основаны для книжного учения в 988 г., сразу после крещения Руси. В этих школах учили грамоте, чтению и религиозным текстам [8, с. 128]. Также первые учебные заведения на Руси организовывались при монастырях. Первое женское училище было открыто в 1186 г. княгиней Анной Всеволодовной при церкви Святого Андрея [6, с. 177]. Один из важнейших духовно-просветительских центров в первые века христианизированной Руси и в наше время, монастырь Евфросинии Полоцкой (Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь), также внес свой вклад в дело просвещения славян. При участии святой Евфросинии в монастыре постоянно пополнялся книжный фонд и велось летописание.

Под влиянием православия в Древней Руси началась активная образовательная и благотворительная деятельность. Основными средствами передачи вероучения были проповедь, переписывание книг (благодаря азбуке славянского языка, составленной святыми Кириллом и Мефодием) и иконопись («богословие в красках», которое являлось очень важным способом проповеди, поскольку система образования на Руси только начала формироваться). Такое положение дел сохранялось до начала XVII в.

Необходимо выделить явление православных братств, которые были важной частью русской церкви. Впервые они появились в 1439 г. в г. Львове (Галиция). Многие братства открывали школы, активно работали на ниве благотворительности. В Речи Посполитой православные братства обладали юридическими правами и благодаря магдебургскому праву имели привилегии. После заключения Брестской унии 1596 г. братства стали центрами апологетики православия. Во второй половине XVII в. – первой половине XIX в. они стали редкими явлениями. Однако с 1850–60-х гг. братства начали возникать как благотворительные учреждения для помощи сиротам, бедным и престарелым. В дальнейшем они стали центрами миссионерской деятельности [11, с. 83]. Вследствие этой деятельности православные братства внесли огромный вклад в становление институтов благотворительности и образования.

Русская православная церковь прошла этапы становления независимости от Византии. В 1589 г. учреждено патриаршество на Руси. В 1700 г. Петр I, вопреки обычаю, не созвал Освященный собор для избрания нового патриарха. В 1721 г. патриаршество было упразднено; оно было восстановлено перед революцией в 1917 г. В период с 1721 по 1917 г. высшим органом управления православной церковью был назначен Святейший правительствующей синод.

К тому времени церковная система образования, в рамках которой учили только основам литургической жизни, перестала удовлетворять передовым планам Петра I. Он в любом деле руководствовался практической ориентацией. Будучи религиозным человеком, Петр I глубоко чтил православные обычаи, однако роль Русской православной церкви он видел в служении государственным интересам. Для экономического развития страны Петру I было важно воспитать поколение с практическими знаниями и навыками в армейском и флотском деле. В связи с этим во всей образовательной деятельности исключалась нравственно-религиозная составляющая. Только в 1774 г. в гимназиях была признана необходимой для морального формирования учащихся нравственно-религиозная составляющая просвещения.

Проводя школьную реформу, Екатерина II уделяла внимание общему образованию, а также подчеркивала значимость религиозного воспитания, поскольку она «строила свою педагогическую программу на воспитании детей, а не на их образовании» [11, с. 91]. Было решено открывать школы при

церковных приходах (7 ноября 1775 г.), что напрямую указывает на огромное значение церкви в становлении института образования. Об этом же говорилось и в Уставе народных училищ: важно дать «чистое и разумное понятие о Творце и его святом законе, основательные правила непоколебимой верности государю и истинной любви к отечеству и своим согражданам, кои суть главные подпоры общего государственного благосостояния» [11, с. 83]. Таким образом признавалась ведущая роль религиозного воспитания в формировании личности подданного. Известные в истории русской земли деятели культуры и политики (канцлер и министр иностранных дел при Екатерине II А. А. Безбородко, историк Н. Н. Бантыш-Каменский, министр юстиции при Александре I Д. П. Трощинский, М. М. Сперанский) окончили Киевскую духовную академию и Александро-Невскую семинарию. При Екатерине II за счет студентов духовных академий неоднократно пополнялась Медико-хирургическая академия [12, с. 406]. Это обстоятельство говорит о высоком уровне образования в духовной школе и о воспитании церковью людей, имеющих нравственные качества. Выпускники указанных учреждений занимали ключевые для страны должности.

Видно, что именно благодаря церкви появилось, сохранилось и широко распространилось образование на русской земле. Таким образом становление института образования напрямую связано с институтом церкви: «И так предки наши были обязаны христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею без сомнения нравственностью, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей – изобретения, которое подобно утренней заре, в веках мрачных предвестило уже» [10, с. 92].

В синодальную эпоху реорганизовались другие социальные институты и благотворительность. Духовное сословие разделилось на три особые группы: 1) военно-морское духовенство; 2) придворное духовенство; 3) зарубежное духовенство. Военно-морское духовенство Петр I учредил для обеспечения регулярного богослужения и духовного «окормления» воинства [12, с. 382]. Воинский и Морской уставы регламентировали духовную жизнь солдат и матросов, в них говорилось об обязанности посещения богослужений и описывались духовные преступления и наказания воинства [11, с. 60]. При Екатерине II стали строиться церкви для гвардейских полков. В 1801 г. Александр I осуществил план по подготовке военных священников в особой войсковой семинарии. Во время военных действий духовенство следовало за своими частями. Богослужения совершались в особых палатках – передвижных церквях с необходимой утварью, богослужебными предметами и книгами. Священник облегчал страдания раненных на поле боя солдат, готовил к кончине умирающих. О самоотверженности священников, выполняющих свой пастырский долг, говорят свидетельства обороны Севастополя (1854–1855) и Порт-Артура (1904–1905). Таким образом формировался воинский институт, неотъемлемой частью которого было православное духовенство.

В XIX в. церковь продолжила развивать давнюю традицию благотворительности через монастыри и православные приходы: открывались церковно-приходские богадельни, странноприимные дома, лечебницы. Святейший правительствующий синод создал Приходские советы для оживления приходской жизни и миссионерского служения в Приамурском крае. В 1963 г. Святейший правительствующий синод разработал Положение о приходских попечительствах [11, с. 79]. Попечительства были призваны развивать благотворительную и духовно-просветительскую деятельность в приходах: «В самом деле, попечительства дали приходским церквам – то есть русской церкви в целом – миллионы рублей, а кроме того развили замечательную организационную и благотворительную деятельность» [11, с. 80]. Таким образом оказывалась бесплатная медицинская помощь; беспризорные дети, пожилые люди, больные и инвалиды не были оставлены без внимания. Обязанность по организации благотворительности брали на себя церковные братства. Они оказывали материальную помощь неимущим, поддерживали бедных учеников, выдавали семена крестьянам. Церковно-приходская благотворительность регламентировалась Положением о приходских попечительствах при православных церквях от 2 августа 1864 г.[14]

В период с 1721 по 1917 г. церковь находилась под жестким контролем государства, не имея возможности созывать церковные соборы для регулирования собственной деятельности и решения актуальных проблем. Февральская революция 1917 г. создала условия для освобождения Русской православной церкви от тотального контроля государства и восстановления патриаршества. Однако антирелигиозный вектор советской политики стал новым вызовом для церкви. Русская православная церковь переживала период массовых репрессий и стояла на грани прекращения своего существования. Начиная с этого времени сотрудничество государства и церкви прекратилось. Участие Русской православной церкви исключалось из всех возможных направлений социальной деятельности государства. В первую очередь советская власть пресекала любые попытки просвещения и проповедования. Церковно-приходские школы были расформированы согласно Декрету от 20 декабря 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», прекращалось всякое взаимодействие с церковью

[14]Социальное служение Русской православной церкви : учеб. пособие / свящ. Георгий Андрианов [и др.] ; ред.: Н. Ф. Басов, свящ. Георгий Андрианов. М. : Общецерков. аспирантура и докторантура им. св. равноапостольн. Кирилла и Мефодия, 2019. С. 18.

в социальной сфере [4, с. 50]. Церковь лишилась материальной поддержки, ее имущество национализировалось: «Большевики начали внедрять в массы новую коммунистическую идеологию и материалистическое мировоззрение, воинствующий атеизм был положен в основу государственной политики в отношении церкви. В 1922 г. в Беларуси были ограблены все церкви, костелы, синагоги, расстрелян 201 православный священник» [13, с. 31].

В годы Великой Отечественной войны во взаимоотношениях церкви и государства произошел перелом. Еще до известного обращения И. В. Сталина церковь поспешила оказать народу материальную и духовную помощь и поддержку: «…в трагическое время для страны церковь не вспомнила про репрессии, не обернулась против государства, но поддержала и словом и делом страну, показав, что Отечество – общее для всех и верующих и неверующих, для гонимых и гонителей, для властей и народа» [14, с. 98]. Затем И. В. Сталин по случаю начала войны обратился к народу со словами «братья и сестры». Такое обращение было выбрано неслучайно. Главнокомандующий понимал, что духовные струны являются самыми чувствительными для воздействия. Он использовал их для того, чтобы донести народу, который в кратчайшие сроки необходимо мобилизовать, насколько критична ситуация.

Надо отметить, что в советские годы, когда церковь из поддерживаемого властями института превратилась в гонимый, но дух благочестия, традиции и вера продолжали жить в русском народе. Церковь была объявлена вне закона. Светские учреждения не допускали религиозного просвещения и даже проводили антирелигиозную политику. Церковь была объявлена главным идеологическим врагом государства, но сущностная основа жизни людей базировалась на религиозности и нравственном законе. Именно это сберегло нацию в нужный момент, консолидировало ее. Сегодня у власти Республики Беларусь есть понимание важности построения идеологии государства на основе нравственного закона и традиционных ценностей белорусского народа.

Празднование тысячелетнего юбилея крещения Руси в 1988 г. показало, что наступил новый этап во взаимоотношениях церкви и государства. С этого времени на постсоветском пространстве, в том числе в Республике Беларусь, начал чувствоваться духовный подъем. Строились и открывались новые храмы и монастыри, восстанавливались старые. Особенно актуальной в период с 1991 г. по начало 2000-х гг. была духовная литература. Одним из самых важных моментов в новейшей истории взаимоотношений Белорусской православной церкви и белорусского государства является подписание Соглашения о сотрудничестве в 2003 г. Оно повлекло за собой заключение соглашений с государственными социальными институтами страны, а затем стали разрабатываться и воплощаться в жизнь совместные программы.

На современном этапе государство и церковь развивают партнерские взаимоотношения. В среде воинства церковная деятельность ведется так же органично, как и в те времена, когда государь одновременно носил звание православного христианина, самодержца и главнокомандующего. Для воина вопросы жизни и смерти, внутреннего нравственного достоинства, жертвенности «за други» являются особенно актуальными. Как в древности, так и сейчас церковь идет плечом к плечу с Вооруженными силами Республики Беларусь, реализуя проекты, устраивая встречи, богослужения в храмах при воинских частях и в образовательных учреждениях. Взаимодействие с медицинскими учреждениями также дает церкви возможность для проповеди: «“Наше сотрудничество с Белорусской православной церковью носит системный характер и охватывает такие направления, как семья, профилактика абортов, здоровый образ жизни, психические заболевания и другие”, – рассказал министр здравоохранения Дмитрий Пиневич»[15]. Программа сотрудничества Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Белорусской православной церкви на 2023–2026 годы была подписана 25 ноября 2022 г. во время открытия VIII Белорусских Рождественских чтений на тему «Глобальные вызовы современности и духовный выбор человека». Если ни одна из сторон по истечении данного срока письменно не изъявит желания завершить ее реализацию, срок действия программы автоматически продлится еще на 4 года[16]. Такое взаимодействие предполагает осознание обеими сторонами возможностей проявления христианской любви, заботы и поддержки населения, которое характерно для православной церкви; оно всегда сопровождалось совместной с государством заботой о страждущих.

Согласно Т. Парсонсу социальную систему составляют три взаимопроникающих системы: культурная, социальная и личностная системы. Они создают социокультурную сферу, которая является структурообразующей для общества: «В этой сфере создается и сохраняется нормативная культурная традиция, разделяемая в той или иной степени всеми членами общества и передаваемая от поколения к поколению через процесс обучения… В нее включаются организованные системы структурированного, или

[15]Дмитрий Пиневич: взаимодействие с БПЦ носит системный характер // Министерство здравоохранения Республики Беларусь : сайт. URL: https://minzdrav.gov.by/ru/sobytiya/detail.php?ID=330980&sphrase_id=731993 (дата обращения: 08.11.2025).

[16]Программа сотрудничества Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Белорусской православной церкви на 2023–2026 годы // Синодальный отдел Белорусской православной церкви по вопросам семьи, защиты материнства и детства : сайт. URL: https://bpc-semya.by/dokumenty/dejstvuyushhie-soglasheniya-o-sotrudnichestve-s-gosudarstvom/programma-sotrudnichestva-ministerstva-zdravoohraneniya-respubliki-belarus-i-belorusskoj-pravoslavnoj-tserkvi-na-2023-2026-gody/ (дата обращения: 08.11.2025).

институционализированного, взаимодействия между большим числом индивидов» [15, с. 121]. Исходя из этого можно сказать, что качество человеческой личности, ее морально-нравственная основа являются залогом процветания государства и поддержания порядка в нем. И. А. Ильин писал, что государство – это «духовное единство людей, ибо в основе его лежит духовная связь, предназначенная для того, чтобы жить в душах и создавать в них мотивы для правильного внешнего поведения» [16, с. 106]. Государство – это в первую очередь соединение людей, племен, наций, имеющих общие духовные основания, а потом уже структура и форма социального бытия, социальный институт. Духовные устремления народа, лежащие в основе государства, определяют его нравственный идеал, формируют нравственный стержень гражданина и нравственный облик самого государства [17, с. 51]. Неоценимую роль в этих процессах играет церковь, как воспитывающий и прививающий нравственность институт.

Заключение

На сегодняшний день можно констатировать актуальность укрепления духовных ценностей во всех сферах жизни общества. На протяжении всей истории христианства мы видим, какую важную роль оно сыграло в упорядочивании и гуманизации общественных отношений. В византийский период императоры находились в относительной «симфонии» с церковью. В период становления православия в русском царстве благодаря православным принципам, заложенным в систему юстиции, Русская православная церковь смогла оказать влияние на формирование основных социальных институтов. В эпоху петровских реформ церковь была реорганизована, но христианские ценности продолжали оказывать созидающее воздействие. В советский период церковь была гонима, но православные ценности жили в народе, в его нравственности и культуре. В постсоветский период церковь и государство вернулись к взаимодействию через совместную работу. Церковь выстраивает партнерские отношения с важнейшими социальными институтами государства на идеологической основе православных ценностей и традиций. Православное христианство оказало глубокое и долговременное влияние на формирование социальных институтов (семья, право, благотворительность, образование, здравоохранение и армия) в нашей стране.

Библиографические ссылки

1. Веблен Т. *Теория праздного класса.* Сорокина СГ, переводчик; Радынова ОГ, редактор. Москва: Прогресс; 1984. 367 с. (Экономическая мысль Запада).
2. Парсонс Т. Социальные системы. Николаев ВГ, переводчик. *Вопросы социальной теории.* 2008;2:38–71. EDN: NRBVHP.
3. Священник Алексей Николин. *Церковь и государство (история правовых отношений).* Москва: Сретенский монастырь; 1997. 429, [1] с.
4. Поспеловский ДВ. *Русская православная церковь в XX в.* Москва: Республика; 1995. 511 с.
5. *Церковь и мир. Основы социальной концепции Русской православной церкви.* Москва: Даниловский благовестник; 2000. 192 с.
6. Макарий, митрополит Московский и Коломенский. *История русской церкви. Том 2, История Русской церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240).* Назаренко АВ, редактор. Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря; 1995. 702, [1] с.
7. Макарий, митрополит Московский и Коломенский. *История русской церкви. Том 1, История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской церкви*. Беляев СА, редактор. Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря; 1994. 406, [1] с.
8. Лихачев ДС, переводчик. *Повесть временны́х лет. Произведения древнерусской литературы в переводах Д. С. Лихачева.* Санкт-Петербург: Азбука; 2024. 384 с. (Азбука-классика. Non-fiction).
9. Протопопова НИ. Происхождение, роль и эволюция общественных институтов (по работам Т. Веблена и Д. Норта). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2008;12:379–387.
10. Карамзин НМ. *История государства Российского. Том 1.* Сахаров АН, редактор. Москва: Наука; 1989. 637, [1] с.
11. Смолич ИК. *История русской церкви. Том 8, 1700–1917. Часть 2.* Кравец ЕВ, Назаренко АВ, редакторы. Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря; 1997. 798, [1] с.
12. Смолич ИК. *История русской церкви. Том 8, 1700–1917. Часть 1.* Кравец ЕВ, Кочетов ДБ, редакторы. Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря; 1997. 800 с.
13. Янушевич ИИ. Государственно-церковные отношения в Беларуси: уроки истории (1917–2002). *Гісторыя: праблемы выкладання.* 2003;3:28–34.
14. Гончарова ДВ. Вклад Русской православной церкви в победу в ВОВ (на примере архиепископа Луки Войно-Ясенецкого). В: Республиканский институт высшей школы. *Великая победа во имя мира и созидания. Сборник материалов республиканской научно-практической конференции с международным участием; 24 апреля 2025 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Республиканский институт высшей школы; 2025. с. 97–100.
15. Михалева КЮ, Полякова НЛ. Концепция социального института в социологической теории. *Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология.* 2012;2:117–132.
16. Ильин ИА. *О сущности правосознания.* Москва: Рарогъ; 1993. 235 с.
17. Тихомиров ЛА. *Личность, общество и церковь.* Минск: Белорусская православная церковь; 2010. 480 с.

Статья поступила в редколлегию 08.12.2025.
Received by editorial board 08.12.2025.

История философии

History of philosophy

УДК 130.2 + 82.091

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ ДАОСИЗМА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТВОРЧЕСТВО ГЕРМАНА ГЕССЕ

ФЭН ВЭНЬСИН[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Выявляются ключевые концепции даосизма (единство человека и природы, у-вэй и естественность) в философско-литературных произведениях Германа Гессе, включая романы «Сиддхартха», «Степной волк» и «Игра в бисер». На основе сравнительного и текстологического анализа в рамках теории культурного трансфера определяется, как Г. Гессе осуществил интеграцию даосских идей в западную философию и культурную традицию. Особое внимание уделяется рассмотрению феномена гибридизации восточных и западных нарративов (например, интерпретации реки как символа дао в романе «Сиддхартха» и синтезу даосской пустоты с европейским рационализмом в романе «Игра в бисер»). Результаты исследования свидетельствуют о том, что даосизм стал для Г. Гессе не просто экзотическим заимствованием и увлечением, а инструментом критики модернизма и поиска универсальной духовности.

Ключевые слова: Герман Гессе; даосизм; кросс-культурный диалог.

Образец цитирования:
Фэн Вэньсин. Философские идеи даосизма и их влияние на творчество Германа Гессе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026; 2:60–66.
EDN: AOCVHB

For citation:
Feng Wenxing. Philosophical ideas of Taoism and their influence on the works of Hermann Hesse. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;2:60–66. Russian.
EDN: AOCVHB

Автор:
Фэн Вэньсин – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И. Н. Колядко.

Author:
Feng Wenxing, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
fenvensin@gmail.com

PHILOSOPHICAL IDEAS OF TAOISM AND THEIR INFLUENCE ON THE WORKS OF HERMANN HESSE

FENG WENXING[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The article is devoted to identifying the key concepts of Taoism (the unity of man and nature, wu wei and the naturalness) in the philosophical and literary works of Hermann Hesse, including the novels «Siddhartha», «Steppenwolf» and «The glass bead game». Based on the methods of comparative and textual analysis, with the help of the theory of cultural transfer, it is revealed how H. Hesse integrated of Taoist ideas into Western philosophy and cultural tradition. Particular attention is paid to the consideration of the phenomenon of hybridisation of Eastern and Western narratives (e. g. the interpretation of the river as a symbol of Tao in novel «Siddhartha» and the synthesis of Taoist emptiness with European rationalism in novel «The glass bead game»). The results of the study indicate that Taoism became for H. Hesse not just an exotic borrowing and hobby, but an instrument for criticising modernism and searching for universal spirituality.

Keywords: Hermann Hesse; Taoism; cross-cultural dialogue.

Введение

В современную эпоху господства информационно-коммуникационных технологий и цифровизации практически всех сфер социума обращение к проблеме поиска духовных оснований бытия человека, представленной в философско-литературных произведениях Германа Гессе, становится чрезвычайно актуальным, поскольку оно позволяет не только зафиксировать факторы кризиса техногенной цивилизации, но и найти надежные мировоззренческие и ценностные основания стратегии антикризисного управления в ситуациях нарастания социальной нестабильности и стратегической неопределенности. Именно сейчас диалог Г. Гессе с даосизмом снова обретает актуальность. В 1920-х гг., когда Г. Гессе в швейцарской деревне Монтаньола знакомился с трактатом «Дао дэ цзин» в переводе Р. Вильгельма, Европа переживала кризис (отголоски Первой мировой войны, крах религиозных авторитетов, нарастающее отчуждение). В письме С. Цвейгу он отмечал, что даосский образ воды, побеждающей камень, представляется ему наиболее точной метафорой духовного кризиса Европы [1, с. 3]. В трактате «Дао дэ цзин» слово «вода» часто используется как символ самого дао – мягкого, смиренного и терпимого, но способного проникать сквозь самые твердые предметы и преодолевать самые труднопроходимые препятствия: «Ничто в мире не мягче и не слабее воды, но когда она нападает на сильное, ничто не может ее одолеть»[1] [2, с. 3]. Г. Гессе использовал метафору воды, побеждающей камень, чтобы критиковать косный, напыщенный рационализм, механицизм и волю к власти, пронизывавшие европейский дух того времени. Он утверждал, что кризисы, с которыми столкнулась западная цивилизация в начале XX в., такие как две мировые войны, коренятся в духовной болезни – чрезмерном акценте на завоевании, экспансии и эгоцентризме при отсутствии терпимости, самоанализа и способности адаптироваться к природе.

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего необходимостью выявления точек соприкосновения восточной и западной интеллектуальной культуры в условиях формирования полицентрического мирового устройства и преодоления глобального социокультурного кризиса. Систематический анализ и выявление особенностей восточной философии, в том числе даосизма, а также экспликация факторов влияния восточной философии на западную интеллектуальную культуру позволят наладить взаимодействие западной и восточной цивилизаций на основе взаимоуважения мировоззренческих и ценностных оснований.

Герман Гессе использовал формы и принципы восточного мышления при создании художественной реальности своих произведений, которые благодаря этому исполнены сложной символикой. Таким образом, писатель еще в начале XX в. указывал на то, что философия, как и религия, не имеет национальных и культурных границ, и художественно воплощал это понимание в своих философско-литературных произведениях. В обращении к религии и философии Востока Г. Гессе видел способ остановить кризис техногенной цивилизации. Своей жизнью и творчеством он показал пример плодотворного взаимодействия философских идей Запада и Востока.

В настоящей статье посредством философско-исторического анализа даосской мысли, заложенной в произведениях Г. Гессе, раскрыты влияние даосизма на его литературное творчество и важность этого учения для писателя; изучены идеи даосской философии, которые сформировали стиль, тематику и характер его литературных произведений. Выявлено, что для Г. Гессе даосизм был инструментом

[1]Здесь и далее перевод наш. – *Ф. В.*

критики модернизма и достижения универсальной духовности. Будущие исследования позволят глубже изучить решающее значение даосской мысли для современной западной культуры и то, как она обеспечивает духовное просвещение современного общества и моральное руководство им. Результаты этих исследований будут способствовать культурному обмену между восточной и западной культурами, их взаимному обучению, прогрессу человеческой цивилизации.

Даосизм: основные принципы и идеи

В рамках даосизма (философско-религиозной системы, основанной на китайской классической мысли) создан уникальный взгляд на небо и человека, эпистемологию и этику, в основе которого лежит принцип дао. К фундаментальным классическим произведениям даосизма относятся трактат «Дао дэ цзин» (Лао-цзы, IV в. до н. э.), в котором раскрывается сущность дао, рождающего вещи, и политика недеяния, или у-вэй (无为), и труд «Чжуан-цзы» (Чжуан-цзы, около III в. до н. э.), разъясняющий посредством басен релятивистскую эпистемологию, центральными концепциями которой являются равенство вещей, или ци у (齐物), и беззаботное скитание, или сяо яо (逍遥) [3, с. 4].

Основные идеи даосской философии

Онтологический аспект. Дао – это высшая реальность и источник всех вещей, превосходящий имена и формы. Оно порождает и поддерживает вселенную посредством динамического цикла инь и ян, а не бинарных оппозиций. Принцип «дао следует природе» раскрывает изначальные законы космической самоорганизации, подчеркивая необходимость соответствия естественному порядку вещей, а не вмешательства в него [2, с. 4]. Этот принцип пронизывает как искусство, так и жизненную практику. Таким образом, даосская онтология представляет собой спонтанную, текучую и взаимосвязанную вселенную, в которой все вещи постоянно обновляются под невидимым контролем дао.

В романе «Игра в бисер» дао именуется тайной вселенной и божественной истиной. В романе «Демиан» дао символизирует Абраксас, олицетворяющий единство богов и демонов, света и тьмы. В романе «Сиддхартха» функцию дао выполняет звук «ом» – вечный звук реки, пронизывающий все сущее. Дао воплощают не персонифицированные боги, а, скорее, невидимая и безымянная высшая реальность, охватывающая все сущее и управляющая его функционированием.

Эпистемологический аспект. В даосской эпистемологии отказ от мудрости представляет собой интуитивный способ познания, превосходящий концептуализацию, вербализацию и логический анализ [2, с. 5]. Призыв Лао-цзы отказаться от мудрости и оставить ее был направлен не на противодействие знанию как таковому, а, скорее, на критику малого знания, которое отклоняется от великого дао и ограничивается различением и привязанностью. Эта мысль глубоко перекликается с некоторыми идеями западной философии. Л. Витгенштейн завершил свой труд «Логико-философский трактат» следующим утверждением: «О невыразимом следует хранить молчание» [3, p. 189]. Он строго очертил пределы языка, указав, что логический язык не способен достичь высших реальностей жизни, этики и метафизики. Эта идея перекликается с даосским пониманием трансцендентности дао: «Дао, которое можно выразить словами, не есть вечное дао» [2, с. 5]. Лао-цзы и Л. Витгенштейн признают, что высшая реальность может быть постигнута не посредством пропозиционального знания, а только через интуицию или молчание, превосходящее язык. Разница заключается в том, что Л. Витгенштейн предпочитает молчание за пределами этих границ, в то время как Лао-цзы и Чжуан-цзы активно предлагают пути постижения невыразимого дао через медитацию, искусство и физические практики (например, внутреннюю алхимию) [4, с. 5].

В романе «Игра в бисер» Г. Гессе главный герой Кнехт в конечном итоге отказывается от рационально сконструированного, крайне абстрактного мира интеллектуальных игр и выбирает реальную жизнь, чтобы воспитывать ребенка. Это действие символизирует выход за пределы чистого интеллекта и возвращение к самой жизни – литературное выражение отказа от мудрости. Главный герой романа «Сиддхартха» также отказывается от брахманических доктрин, аскетических дисциплин и даже коммерческих расчетов и постигает вечный круговорот жизни, слушая речную воду и совершенный звук «ом». Этот путь отказа от догм, включающий познание природы и достижение просветления через интуицию, согласуется с даосской эпистемологией, предполагающей очищение тайн (玄览), т. е. интуитивное постижение скрытой сущности вещей, и следование законам природы (法自然), т. е. познание через приведение себя в соответствие с естественным порядком. С помощью литературных образов Г. Гессе показывает, что истинная мудрость, в отличие от знания, должна быть обретена через целостный опыт и внутреннее пробуждение.

Таким образом, даосская эпистемология, по сравнению с господствующей западной рационалистической традицией, предлагает совершенно иной путь: она стремится не к знанию через завоевание объекта

и контроль над ним, а, скорее, к высшей мудрости гармоничного сосуществования со вселенной и жизнью через отказ от субъективного намерения, противоречащего естественному порядку вещей (узыжань), и слияние с природой.

Праксеологический аспект. У-вэй рассматривается как искусство действия в гармонии с природой, повлиявшее на юнгианскую индивидуацию. Управление через недеяние предполагает отказ от насильственного вмешательства в социальные процессы и доверие к их способности самоорганизовываться и самовосстановливаться. К. Г. Юнг считал, что цель индивидуации – создать психологически целостную личность, интегрируя сознательное и бессознательное, чтобы *Я* больше не находилось под властью одной «персоны» или «тени». Ключ к достижению этой цели кроется не в опоре на сознательную силу воли для подавления бессознательного, а в бездействии: необходимо позволить бессознательному проявляться естественным образом, терпеливо наблюдать за ним и понимать его символическое значение, участвуя в диалоге, а не в конфронтации. Роль психоаналитика в данном случае заключается не в том, чтобы направлять человека или формировать у него определенные качества, а в том, чтобы, подобно даосскому мудрецу, предоставлять пространство для безопасного и свободного проявления бессознательных процессов (своего рода «охраняемое» пространство) и приспособления к ним, доверяя мудрости и направляющей способности разума. В этом отношении даосский подход бездействия тесно связан с подходом невмешательства К. Г. Юнга, поскольку они оба подчеркивают уважение и доверие к внутреннему естественному процессу.

В романе «Демиан» Г. Гессе путь развития главного героя Синклера далек от следования нормам, навязанным обществом или семьей. Напротив, это процесс постоянного прислушивания к своему внутреннему зову, принятия как светлых, так и темных сторон (Абраксас) и становления самим собой. Синклер достигает самореализации не через активные поиски, а через пассивное понимание и принятие. Эта модель развития, позволяющая внутреннему *Я* проявляться естественным образом, идеально воплощает принцип у-вэй в индивидуальной жизненной практике. Аналогично в романе «Сиддхартха» главный герой Сиддхартха в конечном итоге достигает просветления не через аскетизм, доктрину или рациональное познание, а через недеяние у реки. Наблюдая за вечным течением воды, он познает нереальность времени, достигая состояния совершенного единения с миром и преисполняясь сострадания. Его путь к просветлению – это процесс принятия слушания, адаптации и постоянного отказа от стремления к чему-либо. Таким образом, Г. Гессе показывает, что истинное самопознание (индивидуализация) – это не насильственное завоевание внутренней природы человека, а мягкое, естественное раскрытие его внутреннего потенциала. Принцип у-вэй предлагает универсальную идею: истинная сила и мудрость рождаются из понимания, уважения природы и адаптации к природе (будь то внешняя природа или внутренняя человеческая природа), а не из борьбы с ней.

Влияние философских идей даосизма на творчество Г. Гессе

Герман Гессе (1877–1962) – немецко-швейцарский писатель и поэт, который родился в г. Кальв (Германия). В юности он порвал связи с семьей из-за конфликта на основе догматических религиозных взглядов, работал книготорговцем, механиком. Во время Первой мировой войны писатель пережил нервный срыв и прошел курс психоанализа у К. Г. Юнга, после чего поселился в Швейцарии. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1946), последние годы он провел в кантоне Тичино (Швейцария), посвятив себя творчеству.

Рассмотрим основные произведения Г. Гессе.

1. Роман «Сиддхартха» (1922) – философский роман, где путь ученика Будды переосмыслен через даосскую идею единства человека и природы. Сиддхартха исследует обретение истины через личный опыт; он отрекся от брахманизма, аскетизма Бодхисаттвы Самантабхадры, мирских удовольствий и буддийских догм, в конечном счете достигнув просветления у реки. Путь Сиддхартха к просветлению лежал не через активные усилия или учебу, а через ожидание, терпение и слушание – квинтэссенциальное состояние недеяния. Он позволил миру развиваться таким, какой он есть, а не форсировал его становление. Река – прекрасная метафора дао. Она течет вечно (развиваясь), но при этом всегда остается присутствующей (вечной); река охватывает все (добро и зло, жизнь и смерть); она говорит без слов, но учит все сущее. В воде Сиддхартха познавал иллюзорность времени и единство жизни, достигая состояния гармонии между человеком и природой. Роман подчеркивает невыразимость мудрости, перекликаясь с эпистемологическим принципом Лаоцзы: «Дао, которое можно выразить словами, не есть вечное дао» [2, с. 5].

2. Роман «Степной волк» (1927) – история «расколотого» героя Гарри Галлера. Это произведение является критикой отчуждения, присущего техногенной цивилизации, и предлагает искусство и любовь как пути преодоления экзистенциального кризиса. Главный герой, Гарри, страдает от восприятия себя как бинарной комбинации человека и волка. В конечном счете он обретает освобождение через понимание, через магический театр своего *Я* как

многогранного единства [5, с. 8], состоящего из сотен бесчисленных фрагментированных *Я*. Юмор (трансцендентальная перспектива) позволяет ему принять все противоречивые аспекты и тем самым достичь освобождения. Это принятие, несомненно, является психологическим применением концепции равенства вещей (Чжуан-цзы), предполагающей растворение абсолютных границ между субъектом и объектом, между собой и другими и рассмотрение всего сущего с высшей точки зрения дао для достижения свободы [4, с. 8].

3. Роман «Игра в бисер» (1943) – утопия, противопоставляющая даосский идеал пустоты, или сюй-цзин (虚静), технократической рациональности, названной поэтическим противоядием европейского духовного кризиса. Сама игра в бисер символизирует «универсальный закон» [6, с. 9], стремящийся объединить сущность всех культур, интеллектуальный поиск высшей гармонии дао. Главный герой, Кнехт, в конце концов осознает, что элитарное духовное королевство Касталии, несмотря на свое совершенство, окостенело из-за оторванности от живой жизни и природы (дао). Он решает оставить свой элитный статус, чтобы дать образование обычному ребенку, что символизирует переход от активных интеллектуальных игр к пассивным жизненным практикам. Кнехт теперь стремится не контролировать жизнь посредством правил, а следовать естественному пути ее развития.

В целом творчество Г. Гессе и его основные философско-литературные произведения посвящены диалектике внутреннего *Я* и космического порядка, проблеме диалога восточной и западной культур. Г. Гессе внес значительный вклад в укрепление взаимодействия двух цивилизаций, его основные философско-литературные произведения остаются универсальным языком межкультурного диалога, предлагая читателям всего мира выход за пределы культурных границ.

Философская интерпретация дао в контексте западной философии

Онтология (дао как парадокс бытия). Становление дао в трактате «Дао дэ цзин» сочетает постоянное дао (вечная сущность) и изменчивое дао (динамическое становление), что перекликается с идеей процессуальности реальности. В романе «Сиддхартха» Г. Гессе река выступает метафорой этого парадокса: герой «становится» рекой (единство с дао), но в каждый момент отличен от реки (поток становления).

Эпистемология (невыразимость дао). Л. Витгенштейн утверждал: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [3, p. 189]. Чжуан-цзы говорил о забывании сетей после поимки рыбы. Г. Гессе превращает эту эпистемологическую дилемму в литературную иронию: прозрение Гарри в романе «Степной волк» выражено через джаз и сны – невербальные символы (дань уважения даосской молчаливой мудрости и одновременно метафора логоцентризма).

Даосская лихорадка в Европе и власть знания

В начале XX в. на фоне духовного кризиса Европы Г. Гессе превращает даосизм в метаязык критики модерна. В романе «Игра в бисер» недеяние становится формой духовной борьбы против господства техногенной цивилизации. Г. Гессе превращает принцип у-вэй в оружие против инструментального разума, осуществляя обратное просвещение, которое требует критики ориенталистского насилия и признания деколониального потенциала периферийных культур.

В период с 1895 по 1914 г. Г. Гессе столкнулся с религиозными конфликтами в своей семье (его отец был протестантским миссионером), что посеяло семена сомнения в истинности религиозных убеждений писателя среди членов его семьи. Поездка в Индию (1911) не привела Г. Гессе к буддизму, но через К. Г. Юнга он открыл для себя даосизм. Этот обходной путь подтверждает теорию культурной гибридности, созданную Х. К. Бхабхи: даосизм Г. Гессе является продуктом третьего пространства, синтеза китайской философии и европейского экзистенциализма в условиях колониальной травмы [7, p. 10]. В 1916 г. писатель прошел юнгианскую психотерапию и впервые соприкоснулся с трудом «И цзин» («Книга перемен»). Он записал в своем дневнике: «Гексаграммы в “И цзин” подобны зеркалу, позволяющему мне ясно увидеть свою разделенную душу» [1, с. 10]. В 1922 г. во время создания романа «Сиддхартха» Г. Гессе в своем письме Р. Роллану отметил: «Я пытался привнести мудрость Лао-цзы в историю об индийском Будде, но эта история в конечном счете принадлежит каждому европейцу, ищущему себя» [1, с. 10].

Путь Г. Гессе от буддийского увлечения к даосскому повороту 1920-х гг. в определенном смысле является выражением потребности в «вакцине смысла» для людей послевоенной Европы. Переписка с К. Г. Юнгом показывает: Г. Гессе интерпретирует даосизм через призму индивидуации, создавая уникальную психологизированную версию дао.

Следует выделить несколько основополагающих проблем творчества Г. Гессе:

1) экзистенциалистскую проблематику (свобода воли как созидание смысла в пустоте, вступаю-

щее в диалог с даосским недеянием как действием). Принцип у-вэй в даосизме означает мудрое действие в соответствии с естественным порядком, а не навязывание человеческой воли. Данный принцип предполагает не пассивность, а достижение всеобъемлющей эффективности через следование природе вещей [2, с. 11];

2) проблему трансформации восточной мудрости (переосмысление буддийского анатмана и даосской естественности в контексте кризиса европейской культуры);

3) критику модерна (поэтическое просвещение как антитеза инструментальному разуму, призыв к исцелению техногенной цивилизации через искусство и духовность).

Согласно теории слияния горизонтов, созданной Г.-Х. Гадамером, рецепция философских идей даосизма у Г. Гессе является не пассивным заимствованием, а динамическим воспроизводством смыслов в контексте экзистенциального кризиса Европы. Например, образ реки в романе «Сиддхартха» кодирует как даосскую этику высшего добра, подобного воде (上善若水), так и длительность (А. Бергсон), раскрывая процесс традиции как события [8, S. 11].

В романе «Степной волк» танцующий Гарри достигает состояния забытья, перекликающегося с концепцией сидения в забытьи (坐忘) Чжуан-цзы [4, с. 11]. Эта стратегия отражает даосский идеал единства формы и духа, борьбу современного человека против инструментальной рациональности и отчуждения.

Когда Г. Гессе в романе «Сиддхартха» описывает реку как вечное становление, это перекликается с пониманием бытия как времени М. Хайдеггера. Однако если М. Хайдеггер говорит о заботе, то герой Г. Гессе учится отпускать, как даосский мудрец, следующий принципу у-вэй. В романе «Игра в бисер» идеал тишины похож на вслушивание в бытие (М. Хайдеггер), но корни этот идеал берет в даосской практике недеяния. «Присутствие» М. Хайдеггера подчеркивает тревожную проекцию людей во времени, но Г. Гессе превращает ее в неконфронтационную позицию существования через даосскую природу (например, Сиддхартха отказался от аскетизма и последовал к реке, чтобы достичь просветления). Они оба критикуют инструментальную рациональность: М. Хайдеггер выступает против технической структуры, а Г. Гессе декларирует постулат «дао невыразимо» через молчаливую эстетику романа «Игра в бисер». Идеал юмориста Гарри в романе «Степной волк» можно рассматривать как экзистенциалистского реального человека – человека, который признает абсурд существования и одновременно созерцательно пребывает среди вещей мира, подобно Чжуан-цзы: «Река научила его слушать… в каждом ее звуке жила мудрость, которую можно выразить как “не борьба, а растворение в потоке”» [9, с. 12]. Герой не прорывается к истине, как в экзистенциализме Ж.-П. Сартра, а позволяет ей открыться – это и есть отпускание (泰然任之) в даосской философии.

Заключение

Творчество Г. Гессе представляет собой уникальный пример «культурного алхимического синтеза» [10, S. 12], где даосизм служит средством критики европоцентризма. Этот синтез не только обогатил немецкую литературу, но и предложил модель межцивилизационного диалога, особенно актуальную для XXI в.

Во-первых, в онтологии и эпистемологии Г. Гессе дао становится динамической конечной реальностью, преодолевающей бинарные оппозиции. Будь то Абраксас (роман «Демиан»), река (роман «Сиддхартха») или космический дух (роман «Игре в бисер») – все воплощает ключевые принципы единства инь и ян и естественности. В гносеологическом аспекте путь просветления героев Г. Гессе всегда основан на даосском принципе отказа от интеллектуального знания (шэ чжи) и прямого постижения, он акцентирует интуитивное схватывание невыразимого, что перекликается с молчанием Л. Витгенштейна в межкультурном резонансе.

Во-вторых, на уровне праксологии (человеческого действия) принцип у-вэй становится для Г. Гессе высшей мудростью для разрешения личных и социальных дилемм. Суть данного принципа заключается в отказе от внешнего принуждения и насильственного действия в пользу доверия, следования внутренней природе и законам самой жизни (внутреннее пробуждение Синклера, ухода Кнехта из Касталии). Он тесно коррелирует с процессом индивидуации К. Г. Юнга и предлагает современному человеку модель неотчужденного существования.

Даосская волна в Европе XX в. предоставила контекст для рецепции Г. Гессе, но его литературная реконструкция позволила дао выйти за рамки экзотики, стать универсальным внутренним ресурсом. В западном контексте дао интерпретировалось как «истина», «путь» или «естественный закон», а творчество Г. Гессе стало наиболее успешной художественной практикой такой интерпретации.

Таким образом, представленное в настоящей статье исследование основных идей даосизма и их влияния на философско-литературное творчество Г. Гессе позволяет обоснованно утверждать о важнейшей роли цивилизационного диалога в ситуациях нарастания социальной нестабильности и стратегической неопределенности техногенной цивилизации. Сегодня, когда пустотная тишина романа «Игра

в бисер» противопоставляется информационному шуму и конструируемой современными медиатехнологиями событийности, а единство природы и человека бросает вызов виртуальной колонизации метавселенной, рецепция основных идей даосизма в произведениях Г. Гессе доказывает, что цивилизованный диалог – это основа созидания на благо настоящих и будущих поколений.

Библиографические ссылки

1. 赫尔曼黑塞. 黑塞书信集. 谢莹莹, 王滨滨, 巩婕, 译. 上海: 上海人民出版社; 2023. 480 页 = Гессе Г. *Письма Гессе.* Се Инъин, Ван Биньбиня и Гун Цзе, переводчики. Шанхай: Шанхайское народное издательство; 2023. 480 с.
2. 老子. 老子道德经注. 王弼, 编辑. 北京: 中华; 2018. 250 页 = Лао-цзы. *Дао дэ цзин.* Ван Би, редактор. Пекин: Чжунхуа; 2018. 250 с.
3. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат.* Добросельский Л, переводчик. Москва: АСТ; 2018. 160 с. (Эксклюзивная классика).
4. 庄子. 庄子晋和. 陈桂娜, 编辑. 北京: 中华; 2009. 480 页 = Чжуан-цзы. *Чжуан-цзы.* Чэнь Гуин, редактор. Пекин: Чжунхуа; 2009. 480 с.
5. Гессе Г. *Степной волк.* Апт С, переводчик. Москва: АСТ; 2025. 288 с. (Эксключзивная классика).
6. Гессе Г. *Игра в бисер*. Апт С, переводчик. Москва: АСТ; 2024. 480 с. (Зарубежная классика).
7. Bhabha HK. *The location of culture.* London: Routledge; 1994. XIV, 285 p. DOI: 10.4324/9780203820551.
8. Gadamer H-G. *Wahrheit und Methode.* Tübingen: J. C. B. Mohr; 1960. 486 S.
9. Гессе Г. *Сиддхартха.* Федоров НН, переводчик. Москва: АСТ; 2001. 256 с. (Книга на все времена).
10. Jung CG. *Psychologie und Alchemie.* Zürich: Rascher Verlag; 1944. 646 S.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2026.
Received by editorial board 24.11.2026.

Эстетика

Aesthetics

УДК 7.01:316.7

ФЕНОМЕН ЛИМИНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ОПЫТЕ

Д. А. ШИХАНЦОВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь*

Аннотация. Исследуется феномен лиминальности в эстетическом опыте современной культуры. Лиминальность рассматривается как особое состояние перехода и неопределенности, способное трансформировать индивидуальные и коллективные формы восприятия, а также стимулировать свободное творческое выражение. В эстетическом контексте лиминальность проявляется в художественных практиках, где зритель становится активным «соучастником» произведения; она стирает границы между произведением и зрителем. Лиминальное искусство формирует полифоничный спектр эмоциональных откликов (от тревоги и меланхолии до умиротворения), выходя за пределы бинарной оппозиции «прекрасное – безобразное». Особое внимание уделяется виртуальной среде, где размываются границы между реальным и воображаемым, телесным и цифровым. Лиминальность характеризуется как ключ к пониманию новых форм чувствования и представления в культуре XXI в.

Ключевые слова: лиминальность; лиминальный опыт; эстетический опыт; ностальгия; виртуальность.

Образец цитирования:
Шиханцова ДА. Феномен лиминальности в современном эстетическом опыте. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;2:67–73. EDN: CSPBDU

For citation:
Shikhantsova DA. The phenomenon of liminality in contemporary aesthetic experience. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;2:67–73. Russian. EDN: CSPBDU

Автор:
Дарья Александровна Шиханцова – преподаватель и специалист по обеспечению учебного процесса кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:
Darya A. Shikhantsova, lecturer and specialist for education process support at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
shikhan.phl@gmail.com
https://orcid.org/0009-0002-9116-3085

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2026;2:67–73
Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2026;2:67–73

THE PHENOMENON OF LIMINALITY IN CONTEMPORARY AESTHETIC EXPERIENCE

D. A. SHIKHANTSOVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This paper explores the phenomenon of liminality within the aesthetic experience of contemporary culture. Liminality is conceptualised as a specific condition of transition and indeterminacy that has the capacity to transform both individual and collective modes of perception, while simultaneously encouraging free creative expression. In the aesthetic domain, liminality is manifested through artistic practices in which the spectator becomes an active «co-creator» of the work; thereby erasing the boundary between artwork and audience. Liminal art generates a polyphonic spectrum of emotional responses ranging (from anxiety and melancholy to tranquility), thus transcending the binary opposition «beautiful – ugly». Particular attention is given to virtual environment, where the boundaries between the real and the imagined, the corporeal and the digital, are continuously blurred. Liminality is is defined as a key to understanding new forms of sensibility and representation in the culture of the 21st century.

Keywords: liminality; liminal experience; aesthetic experience; nostalgia; virtuality.

Введение

В современном гуманитарном знании, развивающемся в парадигме междисциплинарности, значимость приобретают концепты, сформулированные в рамках узких исследований, однако затем перешедшие в другие области познания. Одним из таких концептов является понятие «лиминальность», предложенное А. ван Геннепом [1] в ходе антропологических исследований обрядов перехода. Впоследствии идея была развита В. Тэрнером [2], но до XXI в. она не обладала широким эпистемологическим статусом.

В общем контексте лиминальность может быть рассмотрена как универсальная модель трансформации, выраженная не только в социальных практиках перехода, но также в динамизме личностного и художественного опыта. Указывая на состояние «между», пограничность и амбивалентность, лиминальность имеет собственный потенциал и как эстетическая категория.

Современная культура все чаще реализуется в гибридных формах и жанрах, развиваясь так быстро, что культурные черты часто остаются неопределенными, но уже продуцируют новые грани культуры. Особенно этот процесс характерен для быстро развивающейся сферы виртуальной реальности, обнажающей лиминальное состояние зрителя, который находится как бы в двух мирах, границы которых размыты.

Сама эстетика лиминального позволяет определить новые формы чувственного опыта вне традиционных форм возвышенного и выходящего за рамки утилитарного. Лиминальность в ее художественном выражении активно используется в современной культуре для формирования эмоционального отклика и создания уникальных образов, что особенно выражено в понятии «лиминальное пространство» (*liminal space*), активно используемом в играх жанра «хоррор». Также пограничность лиминальности является интертекстуальным мостом между общественными тревогами и культурной реализацией, проблематизирует культурные коды и открывает пути для самовыражения и самоисцеления. Анализ эстетического потенциала лиминальности позволяет не просто описать новые художественные практики, но и выявить глубинные механизмы формирования нового опыта видения и воспроизведения реальности в эпоху переходов и неопределенности.

Материалы и методы исследования

Исследование феномена лиминальности в эстетическом опыте опирается на междисциплинарную концептуально-методологическую рамку, объединяющую антропологию, философию и культурологию цифровой среды. Лиминальность трактуется как универсальная модель перехода и неопределенности, восходящая к работам А. ван Геннепа, но выходящая за пределы ритуальных структур в контексте современного общества. В рамках эстетики лиминальность понимается как особая модальность восприятия, в которой размываются границы между субъектом и объектом, телесным и цифровым. Теоретические основания исследования включают современные концепции эстетического опыта, теории аффектов, постнеклассическую эстетику и исследования виртуальной культуры, позволяющие рассматривать лиминальность как ключ к пониманию новых форм чувствования и художественного выражения в условиях гибридизации культурных практик. Такой подход делает возможным анализ лиминальности не только как временного культурного феномена, но и как продуктивного эстетического механизма, формирующего новые способы переживания и интерпретации мира.

Методология исследования носит комплексный характер и сочетает теоретико-концептуальный анализ, феноменологическое описание субъективного опыта и изучение современных художественных практик. Теоретико-концептуальный анализ позволяет выстроить понятийный аппарат и определить особенности функционирования лиминальности как эстетической категории. Феноменологическое описание субъективного опыта направлено на реконструкцию структуры пороговых переживаний, оно дает возможность фиксировать их эмоциональную, телесную и перцептивную динамику. Медиатический анализ включает изучение пороговых феноменов современного искусства и ядровых эстетик, что позволяет выявить конкретные стратегии создания эффекта пороговости и механизмы формирования эмоционального отклика зрителя. Такое сочетание методов обеспечивает целостное понимание лиминальности как эстетического феномена, проявляющегося на пересечении индивидуального опыта, культурных кодов и технологически опосредованных форм восприятия.

Результаты и их обсуждение

Подобно порогу или границе, лиминальность характеризует мобильность общества, личности, даже мира в его онтологическом смысле. Практически лишенная сегодня сакральных ритуалов, лиминальность становится объектом тревожного опыта неопределенности и потери устойчивых структур.

Лиминальность – это онтологические руины. Руины всегда означают прерванную традицию, не имеющую к нам отношения. Руины говорят не о наших предках, а о ком-то ином [3, с. 8]. Выражение кого-то иного, кого-то, кого мы можем не знать, но узнаем, создает эффект жуткого, описанного З. Фрейдом. В одноименном эссе жуткое представлено как возвращение вытесненного; знакомое становится чужим, порождая страх и дезориентацию [4]. Впоследствии именно эмоциональный отклик на это явление будет использоваться в культуре.

Смерть функции в руине пробуждает новую форму жизни [3, с. 21]. Творческий потенциал лиминальности формируется посредством столкновения противоречивых характеристик, хаотично смешанных в пространстве неопределенности. Когда разрушается привычная структура, рождается альтернатива для формирования новой устойчивости, что неизбежно из-за потребности человека в безопасности, порожденной предсказуемостью.

Современное общество в большей или меньшей мере находится в состоянии кризиса. Феномен лиминальности представляется видимой составляющей всякого переходного, кризисного состояния [5, с. 103]. Художественная реализация переживаний лиминальности является средством осмысления лиминального, а также адаптации к миру, который наполнен неопределенностью.

Лиминальный субъект проходит через ту область культуры, у которой очень мало либо вовсе нет свойств прошлого или будущего состояния. Социальное положение данного субъекта и соответствующие ему этические нормы обладают здесь особым характером [5, с. 105]. Как источник эстетического опыта, лиминальность разрушает очевидные границы между обозревателем и обозреваемым, создавая уникальную связь без четкой иерархии, что особенно выраженно в перфомансах, где зритель не понимает своего положения.

Отсутствие очевидных границ между зрителем и произведением формирует потенциал для тревожных переживаний. Лиминальность в сущности не завершена, она пространственно, темпорально и концептуально пребывает между фазами «до» и «после». Неоднозначность роли, которая сопровождает лиминальность, является ядром тревожного опыта зрителя. Привычные бинарные оппозиции (темпоральная оппозиция «до – после», онтологическая оппозиция «реальное – виртуальное», феноменологическая оппозиция «свой – чужой») разрушаются либо искажаются до неузнаваемости. Зритель, лишенный знакомой структуры произведения, вынужден сам формулировать догадки, что создает эффект открытого произведения согласно У. Эко [6].

Восприятие лиминального произведения не может быть пассивным, разрушенная структура текста или изображения, знакомая и незнакомая одновременно, стимулирует фантазию, вынуждая зрителя стать вторым автором. Таким образом, трактовка лиминального произведения не может обладать однозначными свойствами. Эмоциональное вовлечение субъекта также разнообразно, что особенно выражено в восприятии такой культурного феномена, как эстетика «дримкор» (*dreamcore*). Напряжение между знакомым и чуждым создает тревожное и (или) ностальгическое чувство, противоречивые желания между продолжением и завершением просмотра. Лиминальность выводит зрителя за пределы классических категорий прекрасного и возвышенного, открывая новые модусы – тревожное, странное, неопределенное. Она обращает внимание реципиента на то, что было скрыто, на пустые пространства, руины. Зритель смотрит не на явленное, но на скрытое и лишенное явления. Лиминальность реализуется на границах нормы красоты и уродства, часто оставляя реципиента в смешанных чувствах.

Лиминальность, как пороговое пространство, стирает причинность для зрителя. Пока лиминальный субъект переживает глубокие трансформации, лиминальное пространство является невидимым,

оставляя только результат трансформации. Так, в культуре используются образы лиминальности во времени, лиминальности в пространстве и лиминальности в личностных трансформациях.

Наиболее репрезентативным представлением лиминальности во времени является творчество Х. Араки, а именно созданный им в рамках литературного произведения «Невероятные приключения ДжоДжо» стенд Кинг Кримсон[1]. Манифестация воли и особенностей формирования индивида в виде стенда намеренно обнажает внутренние переживания и трансформации личности в визуальном и концептуальном образах. Визуализируя лиминальное пространство, автор пользуется образами пустоты, рассыпающихся границ и руин, что соответствует классическим представлениям о лиминальности, сформированным еще классиками понятия – А. ван Геннепом и В. Тэрнером.

Опыт противников стенда Кинг Кримсон – это опыт дезориентации и ужаса. Переживание лиминальности без возможности осознания лиминальных трансформаций приводит к потере опоры, что разрушает идентичность в привычном понимании. Потеря причинно-следственных связей обезоруживает, разрушая привычные структуры, что свойственно переживанию пограничного опыта.

Идея лиминальности в пространстве множественно обыграна в кинематографе, играх и даже живописи. Лиминальные пространства и «бэкрумс» (*backrooms*) являются своеобразными парадоксами восприятия. Такие пространства, в привычном понимании наполненные жизнью, демонстрируются для зрителя в заброшенности: пустые офисы, бассейны, детские площадки, вокзалы. Диссонанс, порожденный насильственным опустошением, порождает дезориентацию и тревожность, в отдельных случаях – панический страх. Особенность лиминальности состоит в том, что она способна вызывать страх не тем, что создает пугающий образ, а тем, что отбирает привычные образы, обнажая необъяснимый недостаток человека в чем-то. Недостаток в контексте толкает человека к додумыванию, из-за чего лиминальные пространства стали изобильной базой для создания пугающих образов. В эти образы можно добавить сверхъестественных существ, которые завершили бы картину и объяснили своим существованием, почему лиминальность тревожна. Лиминальное пространство – это обычно шумный вокзал, который внезапно погрузился в абсолютную тишину. Также лиминальное пространство – это труднообъяснимое ничто, которое пугает: темные проемы дверей, туманные улицы. Однако в то же время лиминальное пространство раскрывается в подмене ожидаемого на непредсказуемое. Визуально это выражается в обнажении противоречий, особенно в случае применения гиперболизированных образов.

Так, в контексте произведения «Невероятные приключения ДжоДжо» существует маленький город Морио, представленный как крайне спокойное, радостное и лишенное событий место. Лиминальность обнажает себя там, где раскрывается скрытая опасность города. Визуализация лиминальности усиливается, когда цветовая палитра в анимации искажается на неестественные цвета, подчеркивающие тревожную природу города. В целом контрастные цвета используются для усиления лиминального эффекта, дополнительная инфантилизация усиливает эффект тревоги.

Амбивалентность лиминального образа реализуется в нескольких дуальностях: 1) дуализме поверхностной идиллии и скрытой угрозы; 2) дуализме навязчиво обыденного и очевидно экстраординального или даже сверхъестественного. Привычная структура мира разрушается и замещается нетривиальным и тревожным. Подобным образом был реализован сюжет фильма «Сияние» (1980; реж. С. Кубрик), визуальные образы которого напоминают образы г. Морио. Тихое и преимущественно пустое место, в привычном контексте безопасное и знакомое, становится пространством для осуществления нетривиального, разрушая тем самым устойчивые представления персонажей и зрителя. Яркими представителями подобной художественной реализации лиминальности в кинематографе также являются фильмы «Вивариум» (2019; реж. Л. Финнеган), «Шоу Трумана» (1998; реж. П. Уир) и «Эдвард Руки-Ножницы» (1990; реж. Т. Бёртон).

Стоит отметить, что лиминальные пространства используются в популярной культуре не только для воспроизводства тревожных образов, цель которых – напугать зрителя, но и для создания уникальной эстетики «дримкор». В центре этой эстетики находятся лиминальность и тревожность, которую порождает лиминальность; но также эстетика «дримкор» вызывает у зрителя чувства меланхолии и ностальгии. Это место, в котором зритель никогда не был, но которое необъяснимо знакомо. Что-то в этом пространстве «сломано» для зрителя. Само название эстетики с суффиксом *-core* отсылает на блок цифровых субкультур, которые можно назвать ядровыми эстетиками. В широком смысле под ядровыми эстетиками понимается совокупность цифровых субкультур, сосредоточенных вокруг общих тематических или эмоциональных атмосфер, которые выражаются через специфические визуальные тропы, цветовые палитры и аффективные настроения [7, p. 529]. Таким образом, в рамках данной эстетики формируется сновиденческий образ, который, в отличие от образа, формируемого в рамках сюрреализма, не нуждается

[1] *Араки Х.* Невероятные приключения ДжоДжо. Ч. 5. Золотой ветер. Т. 9. Гл. 80. Босс!! // Сюкан сёнэн дзямпу. 1997. № 40. С. 117–132 (на яп.).

в символизме и раскрывает глубину личностных переживаний.

Эстетика «дримкор» строится на балансирующих между сном и явью образах: размытых фотографиях, контрастных и часто детских; несуществующих воспоминаниях; цифровых глитчах; глубине пространства фотографии. Эти визуальные коды создают онтологическую неопределенность. Здесь проявляется феноменологический мотив: эстетика «дримкор» фиксирует переживание сна, не переводя его в рациональные категории. Как продукт цифровой культуры, эта эстетика является выражением переживаний поколений, которые росли в условиях быстрого развития интернета, культурной глобализации и расширения культурного пространства с ростом средств культурного выражения.

Осмысление указанной эстетики возможно с концептуальной точки зрения, но не на личностно-эмоциональном уровне. Как и всякий лиминальный опыт, эстетика «дримкор» стимулирует фантазию, создает ложные воспоминания и остается вне понимания.

К середине 2020-х гг. эстетика «дримкор» получила широкое распространение в социальных сетях и на платформах, используемых для творческого выражения. Кроме того, ряд инди-игр, созданных после 2020 г., также заимствовал сюрреалистическую визуальность эстетика «дримкор» для конструирования иммерсивных, тревожных атмосфер, напоминающих фрагментированные воспоминания [7, p. 530]. По своей сути коллажирование сновиденческих образов и художественной реальности является и лиминальностью во времени, поскольку оно разрушает привычное представление о линейности времени, замещая его неестественными образами, где элементы прошлого и будущего смешиваются, создавая самостоятельный временно́й промежуток вне линейности. Ностальгия, которая привычно относится к форме восприятия прошлого, является опытом настоящего с памятью о прошлом, которого никогда не было. Так, ностальгия в эстетике «дримкор» – это ностальгия по чему-то выдуманному, фантастическому, но фантастическое проявляется как жуткое в культуре, где вера в возможность чуда уже утрачена. В этой культуре считается, что всему должно найтись объяснение в соответствии с законами природы, где время не может обращаться вспять, а человек не может находиться в двух местах одновременно [8, с. 320].

Виртуальное пространство, в рамках которого развиваются современные ядровые эстетики, представляет собой пространство лиминальности в целом. Оно содержит такие характеристики лиминальности, как двойственность, незавершенность, гибкость идентичности.

Отход от установленных категорий, обычно бинарных, как первичных концептуальных и организационных оснований, привел к осознанию множественности субъектных позиций, гибкости идентичности и невозможности существования личности без социального и культурного контекста. Теоретически новаторским и политически значимым оказывается требование мыслить за пределами нарративов исходных и первоначальных субъективностей и концентрироваться на тех моментах или процессах, которые возникают при артикуляции культурных различий [9, p. 11]. Выходя за пределы своей идентичности, зритель реконструирует себя через поглощение лиминального опыта. Любой опыт эстетического потребления в современной культуре должен быть опытом самоконструирования. Здесь основным инструментом служит не аналитическое осмысление видимого, но интуитивное переживание, поскольку неоформленность лиминального искусства возможна только в контексте личностного осмысления. Данная неоформленность означает пространственную дистанцию, обещает будущее, однако преодоление границы (сам акт выхода за пределы) оказывается непознаваемым, непредставимым без возвращения в настоящее, которое в процессе повторения становится разорванным и смещенным [9, p. 14]. Если эстетическое восприятие в традиционном смысле создает впечатления, вызывает эмоциональный отклик и забывается в дальнейшем, то эстетическое восприятие лиминального произведения оставляет след, разрушающий принятую форму. Лиминальность здесь выступает средством актуализации трансформирующегося кризиса самосознания посредством деконструкции устойчивых личных смыслов.

Возвращаясь к виртуальному пространству, стоит отметить, что виртуальность – широкое понятие, которое содержит в себе не только технологии виртуальной реальности и цифровое искусство, но и естественную виртуальность, реализующуюся в сновидениях, бредовых галлюцинациях, фантазиях [10, с. 9]. Виртуальностью является все образное пространство, не схваченное материальными образами при помощи художественных средств выражения. Таким образом, указанная виртуальность персонализирована и полифонична, поскольку конкретные образы не способны удерживать устойчивую форму по истечении времени.

В традиционном акте эстетического восприятия, как правило, полного вовлечения зрителя не происходит, однако виртуальность, не обладая устойчивой формой, не способна конструировать границы между произведением и зрителем, что невольно вовлекает личность в процесс воспроизведения, будь то бессознательное переживание сна или сознательное фантазирование. Именно такую полноценную погруженность субъекта переняла известная сейчас виртуальная реальность, собственно пространства этой реальности, поскольку она имеет механизмы, воздействующие на органы чувств человека

полноценно, а не сепарировано, как принято в кинематографе, музыке, художественном искусстве. Полноценная погруженность предполагает предельную активизацию субъекта восприятия искусства, его вовлечение в создание и развитие произведения (робко начавшегося с хеппенингов), полное слияние искусства с жизнью, организацию виртуальной жизни по законам искусства, даже некую квазитеургию и своеобразную электронную соборность сознания [10, с. 13].

Помимо амбивалентности существования субъекта реального и виртуального, его неопределенного онтологического положения между реальностью и виртуальностью, опыт погружения в виртуальную реальность требует реализации лиминального ритуала смены идентичности посредством специальных технологий. Виртуальное эстетическое пространство, которое воспринимает реципиент, существует в ограниченном контексте технологических возможностей и активного эстетического акта, требующего от зрителя последовательной подготовки.

В виртуальной эстетической реальности уже сегодня намечаются два вида больших пространств, различающихся характером эстетической активности реципиента: 1) динамические эстетические пространства, предназначенные только для презентации в качестве виртуальных эстетических объектов, виртуального посещения и созерцания без активного участия зрителя в их модифицировании; 2) интерактивные эстетические пространства, рассчитанные на активное взаимодействие с реципиентом, его креативное участие [10, с. 13].

Особенности реализации лиминальности в искусстве возможны благодаря активному развитию постмодернистского искусства, в рамках которого гибридизация форм искусства и постоянный поиск альтернативных средств выражения являются нормой. Границы реальности и воображения на протяжении последнего века стираются. Из-за этого современные произведения часто разрушают представления о времени и пространстве, кульминацией чего являются пространства виртуальной реальности. Универсализм, диктующий четкие характеристики культуры на протяжении всей истории, сменяется релятивизмом. Этот процесс связан не только с естественной эволюцией культуры. Современные люди, особенно люди из поколений, взрослеющих в эпоху развития социальных сетей, в XXI в. открыли для себя огромный мультикультурный мир, в котором иерархия работает не всегда, этические и эстетические законы релятивны, контекст определяет природу социальных явлений, а норма не имеет особого значения и является скорее формальным ориентиром. Бинарность, в рамках которой существует мир для ребенка, оказывается ограниченной и не позволяет создать сообщество. Наиболее очевидным примером является бинарная оппозиция «мужское – женское», понятная для ребенка, но не эффективная в мире взрослых, где быть мужчиной или женщиной недостаточно.

В попытке создать новый универсализм, свободный от жестких критериев и бинарности, человек формирует множество субкультур, групп по интересам, ядровых эстетик. Они позволяют человеку не только сохранить гибкость личности, но и осознать принадлежность к группе единомышленников, понимающих его переживания, представления о красоте и этике. Так, ядровые эстетики являются средством переживания сумбурной и неустойчивой жизни для людей, испытывающих нужду в ностальгии по спокойному и предсказуемому времени, которого никогда не было.

Исходя из этой потребности в комфорте и сообществе также сформировалась интертекстуальность как ключевая черта постмодернистского искусства. Интертекстуальность позволяет авторам произведений включать отсылки к другим текстам (контекстам), создавая при этом многоуровневые, сложно детерминированные сети значений, что дарит потребителю результата творчества возможность противоречивых автономных интерпретаций [11].

Таким образом, лиминальное произведение искусства существует мультипространственно, взаимодействует не только с органами чувств человека, но и с его памятью, активным воображением, внутренними переживаниями. Произведение не ограничено формой выражения или физической формой, оно гибкое и несформулированное, а от зрителя ожидается персонифицированная конечная трактовка. Такое искусство не просто влияет на реципиента, но и вызывает эмоциональный отклик, что создает персонально-социальный диалог между различными аудиториями [11]. Без эмоционального отклика лиминальное искусство не имеет смысла, поскольку конкретные правила реализации лиминальных образов слишком ограничены, они оставляют на усмотрение зрителя практически все. Атрибутикой лиминального искусства являются пустота, неполное пространство, неправильно составленные цветовые сочетания и неопределенность. Именно чувственно-эмоциональный ответ, порожденный тревогой человека и необходимостью завершить произведение собственными переживаниями, создает лиминальное искусство. Это обстоятельство еще больше размывает границы актантной модели шоу *создатель – зритель* и формирует новые пространства для теоретизирования и самовыражения [11].

Заключение

Лиминальность, как антропологический феномен, открывает исследователям путь к изучению трансформаций на уровне личности, социальной группы и целого общества. Дальнейшее развитие понятия открывает потенциал для использования лиминальности как концептуального фрейма

в целях изучения многих проблем социально-гуманитарного знания. В контексте эстетики потенциал лиминальности выражается в трансформации опыта неопределенности в конкретные художественные произведения, а также в способности вызывать эмоциональный и смыслоформирующий отклик со стороны зрителя. Реципиент не просто потребляет предмет лиминального искусства, но переживает его и достраивает, включая себя в пространство лиминального произведения.

Лиминальность не только структурирует художественные и культурные практики, но и формирует особый тип восприятия, требующий вовлечения зрителя. Без фактора смотрящего лиминальное искусство невозможно. Эмоциональный отклик на лиминальное полифоничен, он существует за гранью бинарной оппозиции «прекрасное – безобразное» и представляют собой опыт тревоги, ностальгии, меланхолии, ужаса и умиротворения. Лиминальность не напоминает человеку о времени, которое было, и пространствах, в которых он был. Вместо этого она подменяет реальное воображаемым и стимулирует ностальгию по тому, чего никогда не было. Вместо изображения чего-то явленного лиминальность демонстрирует недостающее в картине. Особое значение приобретает лиминальность в контексте виртуальной реальности. Цифровые среды, виртуальная и дополненная реальность создают новые формы пограничного опыта, где рамки между реальным и воображаемым, телесным и цифровым, устойчивым и текучим постоянно размываются.

Таким образом, эстетический потенциал лиминальности проявляется в ее способности не только отражать культурные трансформации, но и активно вовлекать зрителя в переживание неопределенности. Через тревогу, домыслы и виртуальные формы опыта лиминальность становится ключом к пониманию того, как современная культура конструирует новые горизонты чувствования и воображения. Не обладая четкими границами и разрушая устойчивые представления, лиминальность формирует потенциал для новых художественных выражений, создания ядровых эстетик и трактовок опыта пережитого и вымышленного. Как категория эстетики, лиминальность обладает конкретными характеристиками, реализуемыми в современной популярной культуре (видеоигры, живопись, кинематограф).

Библиографические ссылки

1. ван Геннеп А. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов.* Иванова ИВ, Покровская ЛВ, переводчики; Веснина СВ, редактор. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» Российской академии наук; 1999. 198 с. (Этнографическая библиотека).

2. Тэрнер В. *Символ и ритуал.* Бейлис ВА, переводчик и составитель, Бакштейн ИМ, переводчик; Мелетинский ЕМ, редактор. Москва: Наука; 1983. 277 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).

3. Дегтярев В. *Мадонна среди руин.* Санкт-Петербург: Jaromir Hladic Press; 2022. 72 с.

4. Фрейд З. *Художник и фантазирование*. Додельцев РФ, Кессель АМ, Попов МН, переводчики; Додельцев РФ, Долгов КМ, составители и редакторы. Москва: Республика; 1995. Жуткое; с. 265–281. (Прошлое и настоящее).

5. Шиханцова ДА. Реконцептуализация лиминальности в современном социальном дискурсе. *Вестник Белорусского государственного экономического университета.* 2025;1:103–110. EDN: ZYQDPP.

6. Эко У. *Открытое произведение: форма и неопределенность в современной поэтике.* Шурбелев А, переводчик; Миролюбов А, редактор. Санкт-Петербург: Академический проект; 2004. 384 с.

7. Song J-Y, Choi W-H, Li R. What makes people like dreamcore aesthetics? The role of trait nostalgia in preferences for dreamcore imagery. *Empirical Studies of the Arts.* 2025;43(2):529–551. DOI: 10.1177/02762374251356955.

8. Эко У. *История уродства.* Сабашникова АА, Макаров ИВ, Кассирова ЕЛ, Сокольская ММ, переводчики. Москва: Слово; 2022. 456 с.

9. Bhabha HK. *The location of culture.* London: Routledge; 1994. XIV, 285 p. DOI: 10.4324/9780203820551.

10. Бычков АВ, Маньковская НБ. Художественно-эстетическая виртуалистика. *Academia. Архитектура и строительство.* 2014;2:8–15. EDN: SNDSCF.

11. Павленко АВ, Струков АА. Философские аспекты виртуальности художественного пространства в искусстве эпохи постмодерна. *Наука и образование* [Интернет]. 2025 [процитировано 1 октября 2025 г.];8(2). Доступно по: https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/7689.

Статья поступила в редколлегию 01.12.2025.
Received by editorial board 01.12.2025.

УДК 1(091):378.4(476)

РАЗВИТИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. А. МАТКИНА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Аннотация. Осуществлен историко-философский анализ трансформации системы эстетического образования в Белорусском государственном университете на протяжении XX – начала XXI в. Выявлены ключевые этапы развития эстетического образования: 1) формирование основ эстетического воспитания в рамках культурной политики советского периода (1920–50-е гг.); 2) становление профессиональной философско-эстетической школы (1960–80-е гг.) и методологического плюрализма постсоветского периода; 3) создание современной интегральной модели, отвечающей вызовам глобализации и цифровизации. Предложена периодизация развития эстетического образования в Белорусском государственном университете, основанная на типах научной рациональности (классический, неклассический, постнеклассический типы), что позволяет увидеть внутреннюю логику методологических изменений. Сформулирована характеристика современной модели эстетического образования. Показана роль различных факультетов Белорусского государственного университета в развитии эстетического образования, в частности вклад факультета философии и социальных наук и его кафедры философии культуры.

Ключевые слова: эстетическое образование; воспитание; искусство; Белорусский государственный университет; БГУ; марксистско-ленинская эстетика; Минская философско-методологическая школа; философия культуры; культурная компетентность.

DEVELOPMENT OF AESTHETIC EDUCATION AT THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

A. A. MATKINA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. This article provides a historical and philosophical analysis of the transformation of the aesthetic education system at the Belarusian State University throughout the 20th and early 21st centuries. Key stages of its development are identified: 1) the formation of the foundations of aesthetic education within the framework of the cultural policy of the Soviet period (1920–50s); 2) the development of a professional philosophical and aesthetic school (1960–80s) and the methodological pluralism of the post-Soviet period; 3) the creation of a contemporary integrated model that responds to the challenges of globalisation and digitalisation. For the first time, a periodisation of the development of aesthetic education at the Belarusian State University based on the types of scientific rationality (classical, non-classical, post-non-classical types) is proposed, which reveals the internal logic of methodological changes. The characteristics of the modern integrated model of aesthetic education implemented at the faculty of philosophy and social sciences are formulated. The role of various Belarusian State University faculties in aesthetic education is demonstrated, in particular the contribution of the faculty of philosophy and social sciences and its department of philosophy of culture.

Keywords: aesthetic education; upbringing; art; Belarusian State University; Marxist-Leninist aesthetics; Minsk philosophical and methodological school; philosophy of culture; cultural competence.

Образец цитирования:
Маткина АА. Развитие эстетического образования в Белорусском государственном университете. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2026;2:74–83.
EDN: HCMDHR

For citation:
Matkina AA. Development of aesthetic education at the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2026;2:74–83. Russian.
EDN: HCMDHR

Автор:
Анастасия Андреевна Маткина – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И. И. Лещинская.

Author:
Anastasia A. Matkina, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
nast.galkina.27@mail.ru

Введение

Актуальность исследования эволюции эстетического образования в Белорусском государственном университете (БГУ) обусловлена необходимостью осмысления стратегий наследования культурного и педагогического опыта в условиях трансформаций высшей школы. В современной философско-педагогической мысли наблюдается закономерный процесс смены парадигм, связанный с цифровизацией общества, которая приводит к изменению ценностных ориентиров. На смену классическим идеалам гармонии, истины и красоты приходят динамичные, ситуативные и фрагментарные ценности, что требует переосмысления целей и задач эстетического воспитания. Соответственно меняется и понимание эстетического, которое все чаще осмысливается не как следование универсальным канонам, а как ценностно-смысловой феномен, укорененный в конкретной культуре, истории и личном опыте обучающегося. Обращение к историческому опыту БГУ как ведущего образовательного центра Беларуси позволяет выявить устойчивые закономерности и механизмы адаптации эстетического образования к меняющимся социокультурным условиям. Этот опыт приобретает особую ценность в контексте современных дискуссий о месте и роли гуманитарной составляющей в системе эстетического воспитания личности и формирования культурной компетентности специалиста.

Материалы и методы исследования

Теоретической базой настоящего исследования выступают труды философов БГУ. Фундаментальное значение имеют работы В. С. Стёпина, в частности концепция типов научной рациональности, позволяющая ретроспективно проанализировать методологическую динамику эстетического образования. Исследования Л. Ф. Евменова демонстрируют синтез марксистской методологии и классической философской традиции, закладывая основы гуманитаризации эстетического воспитания. Важное место занимают труды Н. И. Крюковского, разрабатывавшего фундаментальные проблемы философии искусства. Особую значимость для понимания истории эстетической мысли Беларуси имеют исследования В. М. Конона, в которых впервые систематически проанализирован процесс становления национальной эстетической теории. Современное состояние исследований, проводимых на кафедре философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ, нашло свое отражение в сборнике трудов профессорско-преподавательского состава «Философско-культурологические исследования». В настоящем исследовании были использованы метод историко-философской реконструкции, метод компаративного анализа, а также метод интерпретационного анализа.

Результаты и их обсуждение

Решение о создании БГУ, принятое Центральным исполнительным комитетом ССРБ 24 февраля 1919 г. и реализованное в 1921 г., стало поворотным моментом в интеллектуальной истории Беларуси. БГУ был задуман как классический университет, что изначально предполагало синтез естественно-научного и гуманитарного знания, фундаментальную подготовку специалистов, ориентированных не только на осуществление профессиональной деятельности, но и на выполнение важной культурной миссии. Идея национального университета, вынашивавшаяся еще дореволюционной интеллигенцией (Е. Ф. Карский, М. В. Довнар-Запольский), обрела конкретные институциональные формы.

Становление университета проходило под руководством известного историка, первого ректора, профессора Московского государственного университета В. И. Пичеты, сумевшего привлечь к преподаванию и научной работе выдающихся ученых из России, Украины, Беларуси. В первоначальный состав профессоров и преподавателей входили философ и педагог В. Н. Ивановский, автор первых философских изданий БГУ «Логика истории как онтология единичного» (1922), «Методологическое введение в науку и философию» (1923); социолог С. З. Каценбоген, возглавивший первую кафедру социологии и первобытной культуры и опубликовавший первый курс лекций по социологии в сборнике «Труды Белорусского государственного университета» (1923); историки Н. М. Никольский, Д. П. Кончаловский, В. Н. Перцев, А. А. Савич, экономист В. В. Якунин и др. В разные годы в университете преподавал народный поэт Беларуси Якуб Колас, что само по себе свидетельствует о присутствии литературно-художественной среды в академическом пространстве[1].

Уже в первые годы в структуру университета наряду с медицинским факультетом вошел факультет общественных наук, в рамках которого велась подготовка по философским, историческим, литературоведческим и социологическим дисциплинам. Эта подготовка закладывала мировоззренческий фундамент для понимания роли искусства и культуры в жизни общества и человека. На базе факультета общественных наук впоследствии был создан

[1]Белорусский государственный университет, 2021–1921 : науч.-попул. изд. / рук. проекта Д. Г. Медведев. Минск : БГУ, 2021. 99 с.

педагогический факультет, а также открыты отделения, готовившие специалистов гуманитарного профиля. В 1939 г. был открыт филологический факультет, ставший кузницей кадров для национальной литературы и литературной критики. Выпускниками БГУ являются классики белорусской литературы Петрусь Бровка, Петр Глебка, Кондрат Крапива, что является неоспоримым свидетельством реализации эстетического и творческого потенциала университетской среды[2].

Белорусский государственный университет быстро стал не только учебным, но и подлинным научным и культурным центром. При университете были созданы научное общество, музеи (зоологический, геологический, историко-археологический музеи), уникальная библиотека, ставшая основой будущей Государственной библиотеки БССР и Национальной библиотеки Беларуси. Ученые университета внесли определяющий вклад в создание Института белорусской культуры (1922), а затем и Белорусской академии наук (1929). С 1921 г. начало выходить научное издание «Труды Белорусского государственного университета», где публиковались исследования из самых разных областей знания, включая гуманитарную область. В 1927 г. при БГУ открылась аспирантура, что обеспечило воспроизводство научных кадров, в том числе в области философии и эстетики[3]. Тем самым БГУ с первых лет своего существования выступал не просто учебным заведением, но ядром формирования национальной научной и культурной элиты, задавшим векторы развития всей системы образования и гуманитарного знания в республике. Университет стал той институциональной средой, в которой могла формироваться и развиваться эстетическая мысль, даже если сам термин «эстетическое образование» еще не вошел в широкий оборот. Атмосфера классического университета, соединявшая науку, образование и творчество, создавала предпосылки для последующего выделения эстетики в самостоятельную область теоретической и педагогической деятельности.

Формирование системы эстетического образования в БГУ проходило под влиянием государственной культурной политики, направленной на создание новой, социалистической культуры. Эта политика заложила основы для форммирования системного подхода к эстетическому воспитанию, институционализации художественного образования и придания ему массового характера. Философской базой данного процесса стала марксистско-ленинская теория, предлагавшая целостное мировоззренческое основание для понимания искусства и его роли в обществе. Опираясь на материалистическое понимание истории, эта теория рассматривала искусство как одну из форм общественного сознания, которая, будучи обусловленной экономическим базисом, обладает относительной самостоятельностью и способностью активно воздействовать на социальную действительность. В рамках данной парадигмы эстетическое не сводилось к узкой сфере чистого искусства, но понималось как неотъемлемый аспект человеческой практики, средство познания мира и формирования личности. Искусство наделялось важнейшей воспитательной функцией, становясь инструментом не только отражения жизни, но и ее преобразования в соответствии с идеалами справедливости и красоты. Тем самым задавалось понимание эстетического образования не как факультативного дополнения к профессиональной подготовке, а как необходимого условия формирования всесторонне развитой, гармоничной личности – цели, которая, будучи переосмысленной, сохраняет свою актуальность и сегодня. Конкретное содержание и методологическое наполнение этих общих установок раскрывается в работах В. И. Ленина, заложивших фундамент советской эстетической мысли.

В статье «Партийная организация и партийная литература» (1905) В. И. Ленин сформулировал принцип партийности литературы и искусства. Он писал: «Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам… социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме» [1, с. 100]. Этот принцип утверждал неразрывную связь искусства с интересами рабочего класса, его подчинение задачам классовой борьбы и социалистического строительства. Для эстетического образования это означало, что воспитание средствами искусства должно быть идеологически направленным, формировать не просто эстетический вкус, но понимание социальной значимости искусства и гражданской ответственности художника. В практике БГУ данный принцип проявлялся в требованиях к репертуару студенческих кружков, в отборе произведений для изучения, в ориентации на воспитание нового человека – сознательного строителя социализма.

В труде «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) В. И. Ленин обосновал теорию отражения как гносеологическую основу познания. Согласно этой теории человеческое сознание способно адекватно отражать объективную реальность, существующую независимо от него [2, с. 131–135]. Применительно к искусству это означало, что художественное творчество понимается как особая, образная форма отражения действительности. Искусство не просто копирует мир, но познает его и выражает в эстетических

[2]Белорусский государственный университет, 2021–1921…
[3]Там же.

категориях. Данное положение стало методологическим фундаментом для понимания природы художественного образа, его познавательной ценности и реалистической направленности. В контексте эстетического образования в БГУ это означало, что изучение искусства должно быть ориентировано на постижение его способности правдиво отражать жизнь, формировать у студентов реалистическое мировоззрение и понимание социальной значимости художественного творчества.

В сборнике «О литературе и искусстве» (1967) собраны высказывания В. И. Ленина, имеющие огромное значение для эстетической теории. Он не написан как единая книга, а составлен советскими исследователями и редакторами из различных произведений В. И. Ленина (включая письма к Максиму Горькому, К. Цеткин, статьи о Л. Н. Толстом и др.) [3].

Особого внимания заслуживают записи бесед с К. Цеткин, где сформулирована идея народности искусства. В. И. Ленин подчеркивал: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими» [3, с. 614]. Данная установка задавала вектор на демократизацию культуры, обеспечение доступности эстетических ценностей для широких слоев населения и формирование связи искусства с жизнью народа. Для эстетического образования в БГУ это означало необходимость развития массовой художественной самодеятельности, вовлечения студентов в творческие коллективы, создания условий для приобщения к искусству всех обучающихся, независимо от их будущей специальности.

Таким образом, работы В. И. Ленина определили три взаимосвязанных принципа, ставших парадигмальными для развития эстетического образования в советский период: 1) гносеологический принцип (искусство как форма отражения действительности); 2) идеологический принцип (партийность искусства); 3) социальный принцип (народность искусства, доступность массам). Эти принципы обусловили понимание природы искусства, целей художественного воспитания и методов организации эстетической работы. В БГУ они находили воплощение как в содержании учебных курсов по литературе и искусству, так и во внеучебной деятельности студенческих творческих коллективов, закладывая основы системного подхода к эстетическому образованию, который, будучи переосмысленным, сохранял свое значение и в последующие периоды.

На основе этих теоретических положений в БГУ начал формироваться системный подход к эстетическому воспитанию. Уже в первые годы существования университета реализация данных установок находила прямое воплощение в создании и деятельности студенческих кружков – драматических, хоровых, литературных студий. Согласно архивным материалам Национального архива Республики Беларусь в начале 1920-х гг. при университете функционировали драматический кружок «Авангард», хоровой коллектив и литературное объединение[4].

Важной вехой в институционализации воспитательной работы стало постановление Центрального исполнительного комитета СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г. Этот документ хотя прямо не касался эстетического воспитания, но задавал единые организационные рамки для всей воспитательной деятельности. Установка на подготовку специалистов с широким общественно-политическим кругозором формировала контекст, в который эстетическое образование интегрировалось как действенное средство формирования личности[5]. Архивные документы БГУ начала 1930-х гг. фиксируют внимание к содержанию студенческого творчества. Например, в приказе ректора БГУ от 15 января 1933 г. № 24 предписывалось пересмотреть репертуар кружков в соответствии с актуальными задачами культурного строительства того времени[6].

Таким образом, в рассматриваемый период сложилась система, в которой эстетическое образование стало неотъемлемой частью культурно-воспитательной работы в университете. Именно в 1920–50-е гг. был накоплен значительный опыт организации студенческих творческих коллективов, разработаны первые учебные программы, которые, будучи подчиненными задачам культурного строительства, стали важной основой для последующей профессионализации эстетического знания. Указанный комплекс мер заложил фундамент системности и практической направленности, опыт которой был унаследован, переосмыслен и развит в последующие десятилетия, при этом связь с исходными принципами воспитания личности средствами искусства была сохранена.

Подготовка специалистов в области философии была начата еще в 1921 г. в рамках факультета общественных наук. Открытие в 1947 г. отделения философии на историческом факультете придало этой деятельности более организованный и системный характер, создав институциональную основу для теоретического осмысления эстетических практик[7]. Знаковым этапом стало воссоздание отделения философии на историческом факультете в 1966 г., что обеспечило дальнейшее развитие подготовки

[4]Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205 (Белорусский государственный университет). Оп. 1. Д. 1–15.

[5]Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах : постановление Центр. исполн. ком. СССР от 19 сентября 1932 г. // Изв. Центр. исполн. ком. Союза Совет. Социалист. Респ. и Всеросс. центр. исполн. ком. Советов рабочих, крестьян. и красноарм. депутатов. 1932. № 261. Ст. 409. С. 667–677.

[6]Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205 (Белорусский государственный университет). Оп. 1. Д. 1–15.

[7]Белорусский государственный университет, 2021–1921… С. 34–35.

специалистов социально-гуманитарного профиля. Последующая реорганизация и создание философско-экономического факультета в 1989 г. закрепили этот процесс[8].

Параллельно с развитием философской школы до создания единого философского факультета эстетическое образование в БГУ развивалось и на других факультетах, каждый из которых вносил свой уникальный вклад в формирование эстетической культуры. Филологический факультет, открытый в 1939 г., стал подлинной кузницей кадров для национальной литературы и литературной критики. На факультете учились и работали 8 из 17 народных поэтов и писателей Беларуси – Якуб Колас, Кондрат Крапива, Петрусь Бровка, Иван Мележ, Иван Науменко, Нил Гилевич, Рыгор Бородулин, Иван Чигринов. Этот факт свидетельствует о глубокой укорененности эстетической проблематики в академической среде. Сегодня на факультете функционируют 14 кафедр, учебно-научная лаборатория белорусского фольклора, фольклорно-этнографический кабинет-музей белорусской народной культуры, 11 специализированных кабинетов филологии разных стран. Филологический факультет является республиканским центром белорусистики, славистики, китайской филологии и крупнейшим центром обучения иностранных студентов в области русистики[9].

Факультет журналистики, основанный 1 ноября 1944 г., стал ведущим центром журналистского образования и исследований средств массовой информации в стране. Структура факультета включает 7 кафедр, где трудятся почти 150 преподавателей. Особое значение для эстетического образования имеет кафедра литературно-художественной критики, которая готовит специалистов в сфере медиакритики и формирования гуманитарной культуры общества. Обучение ведется по специальностям «журналистика», «международная журналистика», «информация и коммуникация» и «литературная работа» (по направлениям «редактирование» и «творчество»). Студенты выпускают газеты и журналы, снимают телешоу, создают радиопередачи, что позволяет им непосредственно осваивать эстетику медийных форм и развивать навыки художественно-критической деятельности[10]. Таким образом, в 1960-х гг. в БГУ уже сложилась многогранная традиция эстетического образования, представленная разными факультетами и формами работы. Задачей образующейся философской школы стала не замена, а интеграция и теоретическое осмысление этого опыта.

Период 1960–80-х гг. ознаменовался для эстетического образования в университете переходом от практики, непосредственно определявшейся задачами культурного строительства, к этапу систематизации и теоретической рефлексии в рамках формирующейся белорусской философской школы. Если в предыдущие десятилетия эстетика выступала важной составляющей воспитательной работы, то теперь она стала предметом профессионального философского исследования, не потеряв своей воспитательной функции, но обретя новые методологические основания. Фундаментом этого процесса стала деятельность кафедры философии БГУ, благодаря которой была сформирована система оригинальной философской мысли. Ключевой фигурой этого творческого коллектива явился академик В. С. Стёпин, который сыграл определяющую роль в становлении Минской философско-методологической школы. Его концепции типов научной рациональности и типов цивилизационного развития внесли существенный вклад в развитие философского знания и образования. С 1974 по 1987 г. В. С. Стёпин работал на кафедре философии, которой с 1981 г. руководил. Его работы по теории познания и философии науки задали новый методологический уровень для гуманитарных дисциплин университета. Как отмечает А. И. Зеленков, Минская философско-методологическая школа прошла три этапа становления: 1) формирование теоретических основ (конец 1960-х – начало 1970-х гг.); 2) консолидацию (с 1974 г. по 1980-е гг.); 3) этап международного признания (начиная с конца 1980-х гг.) [5, с. 44–48]. Методологические принципы школы, сформулированные в философско-методологической трилогии «Философия и наука в системе культуры» (1979–1987), оказали непосредственное влияние на теоретические основания эстетического образования в БГУ.

Разработанная академиком В. С. Стёпиным концепция типов научной рациональности в рамках данного исследования позволяет проанализировать динамику методологических оснований эстетического образования 1960–80-х гг. [4, с. 11–35]. С этой точки зрения эстетическое образование в БГУ в указанный период предстает как сложный теоретический синтез, в котором сочетаются черты как классического, так и неклассического типов рациональности. С одной стороны, сохранялось стремление к системности и объективности, что выражалось в построении стройных учебных курсов, опиравшихся на сложившийся канон эстетической мысли. Эта линия предполагала освоение студентами фундаментальных категорий и критериев эстетической оценки, что соответствует классическому типу рациональности – поиску универсальных, объективных законов красоты. С другой стороны, набирал

[8]Белорусский государственный университет, 2021–1921… С. 34–35.
[9]Там же.
[10]Там же.

силу учет деятельностного и социального контекста искусства, что проявлялось в растущем внимании к природе художественно-эстетической деятельности, роли субъекта восприятия и творчества, а также к социально-исторической обусловленности художественных форм. Эстетическое воспитание начинало осмысливаться не только как усвоение канона, но и как развитие способности к образному мышлению и творческому преобразованию действительности, что сближало его с неклассической парадигмой, признающей активную роль субъекта познания.

Мы полагаем, что важнейшим вкладом школы в контексте эстетического образования стала разработка концепции науки как социокультурного феномена. Концепция Стёпина не только констатировала обусловленность науки культурой, но и предлагала конкретные механизмы их взаимосвязи, что создало методологический базис для осмысления эстетики не как автономной дисциплины, а как элемента целостной культурной системы [5, с. 45]. Именно этот подход позволил в дальнейшем преодолеть разрыв между классическим (поиск универсальных законов) и неклассическим (учет субъекта и контекста) пониманием эстетики. На наш взгляд, именно здесь наиболее отчетливо проявился переход от классического типа рациональности в осмыслении эстетического знания к неклассическому. Анализ идеалов и норм научного исследования, динамики научных революций в контексте культуры позволил рассматривать эстетическое знание как полноправный компонент научно-познавательной деятельности, что соответствует неклассической парадигме, признающей зависимость знания от средств и операций познавательной деятельности. Это обстоятельство способствовало преодолению разрыва между естественно-научным и гуманитарным знанием, что имело особое значение для эстетики, находящейся на стыке этих двух культур. Таким образом, методологические разработки Минской философско-методологической школы создали предпосылки для понимания эстетики не как автономной дисциплины, а как элемента целостной культурной системы, что в рамках концепции Стёпина является характерной чертой постнеклассического этапа.

К концу 1980-х гг. проблематика школы расширилась до методологических проблем социально-гуманитарного знания, механизмов его аксиологической и мировоззренческой детерминации. Исследования роли культурных традиций в динамике науки, предпринятые кафедрой философии и методологии науки под руководством профессора А. И. Зеленкова, создали теоретическую основу для последующего включения в эстетическое образование БГУ идей герменевтики, феноменологии и диалога культур. Эстетическое воспитание начинало осмысливаться не как усвоение готовых норм и канонов, а как процесс понимания, интерпретации и диалога. Герменевтический подход предполагает, что произведение искусства не обладает единственным, раз и навсегда заданным смыслом, а раскрывается в диалоге между произведением и воспринимающим субъектом. Феноменология обращает внимание на сам акт эстетического переживания, на то, как искусство является сознанию. Диалог культур позволяет рассматривать эстетическое воспитание как пространство встречи различных культурных традиций. Эти исследования напрямую перекликались с проблематикой художественного восприятия, интерпретации произведения искусства и диалога культур [5, с. 47]. С точки зрения постнеклассической рациональности эстетическое воспитание становится способом формирования способности к ценностно-смысловому освоению мира, пониманию другого и ведению диалога, а не процессом трансляции знаний об искусстве. Именно этот вектор развития мы наблюдаем в современной модели эстетического образования на факультете философии и социальных наук БГУ, где акцент сделан на формировании культурной и национальной идентичности посредством диалога культур.

Вектор развития, ориентированный на диалог культур и ценностно-смысловое освоение действительности, имеет свои историко-теоретические предпосылки. В их ряду особое место занимают труды В. М. Конона, который, не являясь сотрудником БГУ, создал фундаментальную базу для понимания эстетического процесса в Беларуси. В своей кандидатской диссертации «Развитие эстетической мысли в Белоруссии в 1917–1934 гг.» (1964) В. М. Конон исследовал сложный и противоречивый период формирования советской эстетики в Беларуси, выявив специфику взаимодействия марксистско-ленинской методологии с национальными художественными традициями[11]. Ученый показал, как в эти годы происходило становление новой эстетической парадигмы, сопровождавшееся активным освоением наследия классической философии и одновременно поиском самобытных форм выражения национального художественного сознания. В работе доказывается, что именно в данный период закладывались основы для последующего развития профессиональной эстетической мысли в республике, формировались первые институциональные формы эстетического образования.

В монографии «Эстетическая мысль Советской Белоруссии» (1978) В. М. Конон продолжил исследование, охватив период с 1917 г. по 1980-е гг. [6]. Он выявил основные этапы развития эстетической теории в республике, проследив эволюцию от первых послереволюционных лет через становление профессиональной эстетической школы в 1960–70-х гг. к формированию концептуальных основ национальной эстетики. Ученый показал, как эстетическая мысль Беларуси, сохраняя связь с общеевропейскими

[11] *Конон В. М.* Развитие эстетической мысли в Белоруссии в 1917–1934 гг. : автореф. дис. … канд. филос. наук. Минск, 1964. 18 с.

и российскими тенденциями, вырабатывала самобытные формы, связанные с традициями народной культуры, фольклора и национального возрождения.

Для понимания эстетического образования в БГУ имеют значение следующие ключевые тезисы исследований В. М. Конона:

1) преемственность. Эстетическая мысль Беларуси развивалась не изолированно, а в тесной связи с общеевропейскими и российскими тенденциями, а становление профессиональной эстетической школы в 1960–70-х гг. опиралось на предшествующий опыт 1920–30-х гг. [6];

2) национальное своеобразие. Наряду с усвоением общих закономерностей белорусская эстетика выработала самобытные формы, связанные с традициями народной культуры, фольклора и национально-культурным возрождением, что проявилось в акценте на изучении национального художественного наследия [6];

3) историческая обусловленность. Становление эстетической теории в Беларуси было неразрывно связано с социально-политическими процессами, что особенно ярко проявилось в советский период, когда эстетика формировалась в контексте культурной политики, ориентированной на создание новой, социалистической культуры[12];

4) интегративная функция эстетики. Эстетическое знание выступало важным фактором консолидации национальной культуры, формируя единое культурное пространство и способствуя становлению национального самосознания, что имеет прямое отношение к задачам эстетического воспитания [6].

Таким образом, труды В. М. Конона заложили основу для понимания эстетического образования как неотъемлемой части интеллектуальной истории Беларуси. Его исследования позволяют рассматривать развитие эстетики в БГУ в широком историко-культурном контексте, подчеркивая преемственность и национальное своеобразие эстетической мысли, что имеет непосредственное значение для осмысления традиций эстетического воспитания в ведущем университете страны. С точки зрения концепции типов научной рациональности В. С. Стёпина работы В. М. Конона выполняют функцию методологического моста между классическим и неклассическим этапами. Сохраняя классическую установку на систематизацию, они одновременно вводят культурно-исторический контекст и ценностно-смысловые аспекты, подготавливая переход к постнеклассической парадигме.

На системной и профессиональной основе социально-гуманитарное образование в области философии, социологии, психологии, информации и коммуникации начало реализовываться в БГУ с 1 марта 1999 г., когда в соответствии с решением ученого совета БГУ был создан факультет философии и социальных наук[13]. Это событие стало закономерным итогом многолетней эволюции гуманитарного знания в университете. Данный факультет объединил в своей структуре кафедры философии, социологии, психологии и социальной коммуникации. Центром философско-эстетического образования на факультете стала кафедра философии культуры – сплоченный научно-педагогический коллектив, осуществляющий преподавание уникальных дисциплин философского цикла: истории философии, этики, логики, эстетики, религиоведения, культурологии для специальности «философия» и других специальностей БГУ.

Созданию кафедры философии культуры предшествовала многолетняя традиция формирования философского образования в университете. В июне 2021 г. кафедре исполнилось 20 лет, однако ее история берет начало с 1947 г. У истоков создания кафедры стоит первая философская кафедра БГУ – кафедра истории философии, основанная в начале 1947/48 учебного года в связи с открытием в БГУ философского отделения. Первым заведующим кафедрой был известный советский философ, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН СССР М. Т. Иовчук[14].

С 1950 г. кафедра была преобразована в кафедру истории философии и логики. В разные годы коллектив кафедры возглавляли выдающиеся деятели белорусской науки и образования: в 1950–1953 гг. заведующим кафедрой был проректор БГУ профессор И. С. Чимбург; в 1953–1973 гг. – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР, заслуженный деятель науки БССР И. Н. Лущицкий (в это же время, с 1956 по 1961 г., на кафедре работал известный советский историк философии академик АН СССР Г. Ф. Александров); в 1974–1987 гг. – доктор философских наук, профессор А. С. Клевченя[15].

У истоков развития кафедры философии культуры также стояла кафедра этики, эстетики и научного атеизма, внесшая огромный вклад в эстетическую, этическую и религиоведческую мысль Беларуси. На кафедре работали такие выдающиеся ученые, как Н. И. Крюковский, Н. В. Рожин, Л. Ф. Евменов, А. А. Круглов, И. Л. Зеленкова и др. Их фундаментальные труды по философии искусства, систематизации эстетических категорий, этико-эстетической проблематике заложили прочный фундамент для преподавания эстетики в университете и воспитания эстетической культуры студенчества[16].

[12]*Конон В. М.* Развитие эстетической мысли в Белоруссии в 1917–1934 гг. …

[13]Белорусский государственный университет, 2021–1921… С. 34–35.

[14]История факультета // Факультет философии и социальных наук БГУ : сайт. URL: https://ffsn.bsu.by/ru/fakultet/istoriya-fakulteta.html (дата обращения: 28.01.2026).

[15]Там же.

[16]Там же.

Особое место в развитии эстетической мысли на кафедре занимает творчество Н. И. Крюковского, которое мы относим к классическому этапу развития эстетики в рамках предложенной периодизации. Благодаря научным исследованиям Н. И. Крюковского в области эстетики 1960-е гг. для Беларуси можно заслуженно считать золотыми. В этот период вышла его работа «Логика красоты» (1965), которая представляет собой важный вклад в изучение эстетики и философии искусства, предлагая глубокий анализ структуры эстетического объекта. В книге акцентируется внимание на таких эстетических свойствах, как ритм, звук, цвет, пропорциональность и симметрия, что позволяет более глубоко понять природу прекрасного как в окружающем мире, так и в человеческом творчестве [7]. Также следует отметить интерес Н. И. Крюковского к понятию «стиль». Он стремился установить взаимосвязь между ключевыми эстетическими категориями и различными художественными направлениями, что позволило не только анализировать конкретные произведения искусства, но и понимать их место в культурной и исторической конъюнктуре.

Позднее, в 1980-х гг., появляется тенденция к сочетанию работ по эстетике с культурологическими исследованиями. Это направление позволяет рассматривать искусство и эстетику в более широком контексте, учитывая социальные, исторические и культурные факторы, что способствует более полному пониманию не только самого искусства, но и его роли в жизни общества. Такое сочетание дисциплин обогащает как теоретические исследования, так и практическое восприятие искусства, позволяя исследователям увидеть взаимосвязь между искусством и культурной идентичностью, а также их воздействие на формирование общественного сознания. Понятия «законы», «логика», «система», «типология», «субъект» и «объект», «прекрасное» являются основой для всех работ Н. И. Крюковского, что полностью соответствует классическому типу рациональности – поиску объективных, универсальных закономерностей. В своих работах он свободно использует данные из различных областей, таких как математика и физика, общая и музыкальная акустика, теория гармонии, цветовая теория, а также сведения из физиологии органов чувств.

Ярким представителем кафедры этики, эстетики и научного атеизма являлся Л. Ф. Евменов (1932–2019), чьи труды, на наш взгляд, наиболее полно воплощают неклассический тип рациональности в эстетическом образовании БГУ. Подход Л. Ф. Евменова характеризовался стремлением к синтезу марксистской методологии с наследием классической философии. В его интерпретации эстетическое воспитание было не просто усвоением норм, но развитием способности к целостному, образному восприятию мира, что сближало его с традициями немецкой классической эстетики [8]. Влияние концепции Евменова на развитие эстетического образования в БГУ выразилось в нескольких ключевых аспектах, соответствующих неклассической парадигме. Во-первых, его идеи способствовали обогащению содержания учебных курсов, переходу от преимущественно нормативного преподавания к включению анализа категорий прекрасного, возвышенного, трагического в их философско-историческом контексте [8, с. 45–58]. Во-вторых, разработанный Л. В. Евменовым синтетический подход дал преподавателям теоретический инструментарий для преодоления узко дидактической модели эстетического воспитания, ориентируя их на развитие у студентов личностного, эмоционально-образного восприятия искусства [8, с. 112–115]. В-третьих, его акцент на целостном восприятии и диалоге с классической традицией создавал предпосылки для включения в академический процесс постсоветского периода таких направлений, как герменевтика и феноменология [8, с. 89–94]. Наконец, сформулированный ученым тезис о неразрывной связи этики и эстетики в воспитательном процессе нашел отражение в междисциплинарных связях факультетов [8, с. 156–157].

Завершая анализ классического (творчество Н. И. Крюковского) и неклассического (исследования Л. Ф. Евменова и методологические разработки Минской философско-методологической школы) этапов развития эстетического образования в БГУ, следует обратиться к его следующей стадии, соответствующей постнеклассическому типу научной рациональности. Согласно концепции Стёпина постнеклассический этап характеризуется плюрализмом методологий, междисциплинарностью и включением ценностно-смысловых аспектов в структуру эстетического знания. В БГУ данный этап разворачивается с 1990-х гг. Он связан с институциональными преобразованиями, созданием факультета философии и социальных наук, а также с формированием интегральной модели эстетического образования, синтезирующей фундаментальную философскую подготовку с ответами на вызовы цифровой эпохи. Эти процессы получили свое оформление в реорганизации философских кафедр. В ходе дальнейших преобразований кафедра истории философии и логики (1950) была преобразована в кафедру истории философии и культуры, которую до 2000 г. возглавлял кандидат философских наук, доцент Г. Я. Миненков, а с 2000 по 2003 г. – доктор культурологии В. Ф. Мартынов.

Современное наименование «кафедра философии культуры» возникло в соответствии с приказом ректора БГУ от 6 июня 2001 г. в результате реорганизации кафедры истории философии и культуры и кафедры этики и религиоведения. С 2004 г. коллектив кафедры возглавлял кандидат философских наук, доцент А. А. Легчилин. Его приход к руководству

кафедрой ознаменовал новый этап в развитии философско-эстетического образования на факультете. А. А. Легчилин, выпускник БГУ 1975 г., работает в университете с 1974 г. С 1998 г. он исполнял обязанности заместителя декана факультета философии и социальных наук по научно-исследовательской работе. Под руководством А. А. Легчилина кафедра активно развивала научные направления, связанные с исследованием истории западноевропейской философии, кросс-культурных процессов, трансфера зарубежных идей в философской культуре Беларуси XIX–XX вв. По его инициативе проводились ежегодные международные научные конференции, издавался ежегодник студенческих и аспирантских научных работ «Философия. Культура. Общество». Автор более 100 научных работ, А. А. Легчилин был отмечен грамотами Министерства образования Республики Беларусь, удостоен Благодарности Президента Республики Беларусь (2011), а позднее – почетного звания «Заслуженный работник Белорусского государственного университета»[17]. Его талантливые ученики продолжили работу по развитию обозначенных направлений работы кафедры. В их ряду следует указать кандидата философских наук, доцента В. С. Сайганову, доктора философских наук, доцента И. Н. Сидоренко, которые возглавляли кафедру в последующие годы[18].

Преемственность и развитие заложенных традиций наглядно демонстрирует регулярное издание кафедры – сборник «Философско-культурологические исследования», выходящий с 2011 г. На его страницах нашли отражение исследования преподавателей кафедры, посвященные широкому кругу проблем философии культуры, эстетики, этики и религиоведения. В первом выпуске сборника (2011) была опубликована статья И. И. Лещинской, в которой раскрывается глубинная связь между образованием, культурой и формированием личности. Автор подчеркивает, что подлинное образование возможно лишь как «процесс напряженного и непрерывного диалога обучаемого и одновременно воспитуемого с *культурой*» [9, с. 59]. В этом контексте эстетика как учебная дисциплина обосновывает значимость эстетического отношения к миру в становлении полноценной личности, она направлена на «воспитание *эстетической культуры* личности» и развитие умения «анализировать художественную культуру в ее целостности» [9, с. 61].

Исследования профессора Т. Г. Румянцевой, посвященные космополитическим интерпретациям политической философии И. Канта, разрабатывают проблематику диалога культур, значимую для воспитания толерантности и межкультурной компетентности. Работы доцента Е. В. Беляевой, анализирующие трансформацию концепции морального субъекта от этики долга к этике ответственности, выявляют связь между этическим и эстетическим воспитанием. Исследования доцента В. С. Сайгановой и доцента И. И. Лещинской в области проблем современного образования, доцента С. В. Воробьевой в области логики и риторики, доцента И. М. Наливайко в области эстетики повседневности являются свидетельством содержательного многообразия и инновационной чувствительности современной модели эстетического образования [10]. В основу этой модели положены следующие принципы:

1) принцип единства традиций и инноваций. В роли традиции выступает идейное наследие советской образовательной системы, а также богатый социокультурный опыт белорусского народа. Инновационная составляющая представлена модулями по эстетике цифровой среды, визуальной культуре, медиаэстетике, анализу симулякров и репрезентаций;

2) принцип единства фундаментальных и практико-ориентированных исследований и их результатов. Студенты осваивают классическое философское наследие и одновременно участвуют в проектной деятельности, современных медиа- и арт- практиках;

3) принцип междисциплинарности, в соответствии с которым эстетическое образование осуществляется с использованием широкого круга современных методологий не только социогуманитарных, но и естественных наук.

Данная концептуальная модель эстетического образования получила свое отражение и закрепление в целом ряде нормативно-правовых документов, в частности в Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи, Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг., Программе воспитательной работы БГУ на 2021–2025 годы, а также в плане идеологической и воспитательной работы БГУ[19].

Таким образом, эстетическое воспитание в БГУ является системообразующим компонентом воспитательной работы, интегрированным в деятельность

[17]История факультета // Факультет философии и социальных наук БГУ : сайт. URL: https://ffsn.bsu.by/ru/fakultet/istoriya-fakulteta.html (дата обращения: 28.01.2026).

[18]Там же.

[19]Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 82 // Факультет международных отношений БГУ : сайт. URL: https://fir.bsu.by/images/ideolog/Konzept_nepr_vospit_15.pdf (дата обращения: 12.05.2026) ; Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 31 дек. 2020 г., № 312 // Факультет международных отношений БГУ : сайт. URL: https://fir.bsu.by/images/ideolog/Progr_nepr_vospit_21-25.pdf (дата обращения: 12.05.2026) ; Программа воспитательной работы БГУ на 2021–2025 годы // Факультет международных отношений БГУ : сайт. URL: https://fir.bsu.by/images/ideolog/BSU_progr_21-25.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

кураторов, учебный процесс, культурно-досуговые мероприятия и программы международного сотрудничества. Эта модель практически осуществляется во всех формах образовательной деятельности: в преподавании учебных дисциплин, научно-исследовательской работе студентов, работе студенческих творческих коллективов (организация фестивалей, выставок, киноклубов), а также в международном сотрудничестве (участие в конференциях, программах обмена, совместных проектах с университетами России, Китая, а также с европейскими университетами). В результате эстетическое образование является пространством реальной творческой самореализации и культурной коммуникации личности.

Заключение

Проведенный историко-философский анализ позволяет сделать вывод о сложной, многоэтапной трансформации системы эстетического образования в БГУ. В 1920–50-х гг. оно формировалось как важная составляющая культурно-воспитательной работы, что заложило фундамент системности, массовости и практической направленности эстетического воспитания. 1960–80-х гг. стали периодом профессионализации и теоретизации. Благодаря становлению философской школы БГУ (В. С. Стёпин, Л. Ф. Евменов, Н. И. Крюковский) эстетика обрела статус самостоятельной исследовательской дисциплины, были разработаны оригинальные концепции, ставшие теоретической основой для преподавания. Фундаментальные исследования В. М. Конона создали историко-теоретическую базу для понимания эстетического процесса в Беларуси.

Постсоветский период ознаменовался методологическим плюрализмом и активной интеграцией эстетики в мировой научный контекст. Создание факультета философии и социальных наук (1999) и кафедры философии культуры (2001) объединило богатые традиции предшествующих кафедр, обеспечив преемственность и дальнейшее развитие эстетической проблематики. Регулярные издания кафедры, такие как сборник «Философско-культурологические исследования», демонстрируют живой интерес к эстетической тематике.

Анализ развития эстетического образования на основе концепции типов рациональности В. С. Стёпина позволил показать динамику его теоретико-методологических оснований и выделить основные этапы развития. В результате эволюция эстетического образования в БГУ представлена как сложный процесс наследования и творческого развития. Кроме того, была эксплицированы современная модель эстетического образования и ее базовые принципы. Современная модель, синтезирующая образцы классического философского образования и современные стратегии и технологии обучения, направлена на формирование целостной, гармоничной и культурно компетентной личности.

Библиографические ссылки

1. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 12, Октябрь 1905 – апрель 1906.* 5-е издание. Панкратова МЯ, редактор. Москва: Издательство политической литературы; 1968. Партийная организация и партийная литература; с. 99–105.

2. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 18, Материализм и эмпириокритицизм.* 5-е издание. Обичкин ГД, редактор. Москва: Издательство политической литературы; 1968. 525 с.

3. Ленин ВИ. *О литературе и искусстве*. 3-е издание. Москва: Художественная литература; 1967. 822 с.

4. Стёпин ВС. *Теоретическое знание*. Москва: Прогресс-традиция; 2000. 744 с.

5. Зеленков АИ. Минская философско-методологическая школа как социокогнитивный феномен. *Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* 2006;3:44–49. EDN: TFKWAN.

6. Конон ВМ. *Эстетическая мысль Советской Белоруссии (основные этапы становления и развития)*. Минск: Наука и техника; 1978. 112 с.

7. Крюковский НИ. *Логика красоты*. Минск: Наука и техника; 1965. 463 с.

8. Евменов ЛФ. *Этика и эстетика. Избранные труды*. Минск: БГУ; 1985. 210 с.

9. Лещинская ИИ. К вопросу об идейно-воспитательном потенциале философско-культурологических дисциплин. В: Легчилин АА, Румянцева ТГ, редакторы. *Философско-культурологические исследования. Выпуск 1.* Минск: БГУ; 2011. с. 59–65. EDN: LTDWAB.

10. Сидоренко ИН, Легчилин АА, Румянцева ТГ, Сайганова ВС, редакторы. *Философско-культурологические исследования. Выпуск 5*. Минск: БГУ; 2025. 195 с.

Статья поступила в редколлегию 03.04.2026.
Received by editorial board 03.04.2026.

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фурманов И. А. Влияние переживания, выражения и контроля гнева на стратегии поведения в ситуации провокации агрессии..... 4

Киричик Е. С., Валитова И. Е. Влияние представлений женщины о себе как о матери на детско-материнское взаимодействие..... 14

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Титаренко Л. Г. Наука, высшее образование и прекарность труда в современном обществе..... 25

Ван Чжэньцянь. Преобразующее влияние технологических инноваций и платформ онлайн-обучения на китайское образование в информационную эпоху..... 30

Карасёва С. Г., Реут Е. В. Динамика религиозности последователей ислама в современной Беларуси: между каноном и повседневностью..... 36

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Колядко И. Н. Конструирование социальной реальности в цифровую эпоху: онтологические и социокультурные основания..... 44

Гончарова Д. В. Церковь и государство: роль православного христианства в становлении социальных институтов..... 51

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Фэн Вэньсин. Философские идеи даосизма и их влияние на творчество Германа Гессе..... 60

ЭСТЕТИКА

Шиханцова Д. А. Феномен лиминальности в современном эстетическом опыте..... 67

Маткина А. А. Развитие эстетического образования в Белорусском государственном университете..... 74

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

Fourmanov I. A. The influence of experience, expression, and control of anger on behavioural strategies in a situation of provocation of aggression..... 4

Kirichik E. S., Valitova I. E. The influence of women's self-image as a mother on child-mother interaction..... 14

SOCIAL RESEARCHES

Titarenko L. G. Science, higher education and precarity of labour in modern society..... 25

Wang Zhenqian. The transformative impact of technological innovation and online learning platforms on chinese education in the information age..... 30

Karassyova S. G., Reut L. V. Dynamics of religiosity among followers of Islam in the contemporary Belarus: between canon and everyday life..... 36

SOCIAL PHILOSOPHY

Kolyadko I. N. Construction of social reality in the digital age: ontological and sociocultural foundations..... 44

Hancharova D. V. Church and government: the role of Orthodox Christianity in the formation of social institutions..... 51

HISTORY OF PHILOSOPHY

Feng Wenxing. Philosophical ideas of Taoism and their influence on the works of Hermann Hesse.... 60

AESTHETICS

Shikhantsova D. A. The phenomenon of liminality in contemporary aesthetic experience..... 67

Matkina A. A. Development of aesthetic education at the Belarusian State University..... 74

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. № 2. 2026

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/philosophy

«Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология» издается с 2007 г.
До 2017 г. выходил под названием «Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *С. Р. Пинчук*
Технические редакторы *И. С. Капустина, М. А. Панкратова*
Корректоры *В. И. Авчинникова, С. Р. Пинчук*

Подписано в печать 29.05.2026.
Тираж 25 экз. Заказ .

© БГУ, 2026

Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. No. 2. 2026

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave., Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/philosophy

«Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology» published since 2007.
Until 2017 named «Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *S. R. Pinchuk*
Technical editors *I. S. Kapustina, M. A. Pankratova*
Proofreaders *V. I. Avchinnikova, S. R. Pinchuk*

Signed print 29.05.2026.
Edition 25 copies. Order number .

© BSU, 2026